

Ю.К. ПААСИКИВИ

**МОЯ РАБОТА
В МОСКВЕ
И ФИНЛЯНДИИ
в 1939–1941 гг.**

II

ВРЕМЯ ПЕРЕМИРИЯ

Издательство «Весь Мир»

Перевел на русский язык А.И. Игнатьев

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Вновь в Москву
- II. Дипломат в Москве
- III. Выполнение Мирного договора
- IV. Вопрос об оборонительном союзе между Финляндией и Швецией
- V. Обострение отношений летом 1940 года. – Судьба Балтийских государств. – «Общество мира и дружбы между Финляндией и Советским Союзом»
- VI. Аландские острова
- VII. Транзит в Ханко
- VIII. Торговые отношения
- IX. Президентские выборы. – Обустройство новых границ Финляндии
- X. Военная литература
- XI. Никель из Печенги
- XII. Энсо – Валлинкоски. Железная дорога в Салла
- XIII. Отношения между Финляндией и Советским Союзом осенью и зимой 1940–1941 гг.
- XIV. Накануне новых мировых событий. Мой уход с поста посланника

ВНОВЬ В МОСКВУ

Президент уполномочил Войонмаа и меня произвести в Москве обмен ратификационными грамотами мирного договора. 18 марта 1940 года отправились в Москву, я в пятый раз, самолетом через Стокгольм. Секретарем у нас был заведующий сектором МИД Й. Ньюкоп, а помощником и переводчиком – минстир Р. Хаккарайнен¹.

В Стокгольме посетил министра иностранных дел Гюнтера. Он рассказал, что, по имеющейся у шведов информации, советские военные при подготовке Московского мирного договора требуют переноса финско-советской границы настолько, насколько она установилась сейчас. Далее Гюнтер сообщил, что Молотов в беседе со шведским посланником² Ассарссоном поднял вопрос об оборонительном союзе между Финляндией, Швецией и Норвегией, отметив, что подобный союз противоречил бы шведскому нейтралитету. Сославшись на выступление председателя парламента Норвегии Хамбро, он утверждал, что подобный союз был бы направлен против советской России. По мнению Молотова, смешно даже представить, что Советский Союз может напасть на Финляндию. В то же время, по мнению Гюнтера, поскольку подобный союз носил бы оборонительный характер, то он не противоречил бы третьей статье мирного договора и, таким образом, его заключение было бы вполне возможно. В Швеции в настоящее время изучают этот вопрос. Он поинтересовался, идет ли в Финляндии подготовительная работа. На это я не смог ответить.

Остановившись на развитии экономических отношений между Советским Союзом и Швецией, а также Норвегией, Молотов высказал

¹ В данном случае – дипломатический ранг, по-фински ministeri.

² Посланник – дипломатическая должность, предшествующая должности посла, по-фински lähettiläs.

мнение, что с этой точки зрения новая железная дорога Салла-Кемиярви может быть довольно важной, а также добавил, что она может быть даже необходимой на случай, если другие пути, ведущие из России, окажутся перегруженными.

Советский посол, госпожа Коллонтай, которую я хорошо знал со времен Стокгольма, сообщила, что хотела бы видеть меня у себя. Как и всегда, она была исключительно любезна, и высказывала сожаление по поводу произошедших событий. Политики мы не касались. Однако госпожа Коллонтай заверяла меня, что сложившиеся решения между нашими странами в Советском Союзе считают окончательными, и в будущем никаких мер против Финляндии предприниматься не будет.

Из Стокгольма самолетом отправились в Москву. На аэродроме нас встречали заместитель наркома иностранных дел Лозовский и начальник протокола Барков. Нас разместили в знакомой нам уютной резиденции советского правительства, и ухаживали за нами так же хорошо, как и во время мирных переговоров.

20 марта в 23 часа в Кремле состоялся обмен ратификационными грамотами.

После обмена документами и подписания протокола обсуждали с Молотовым вопросы выполнения мирного договора. Так начался долгий переговорный процесс, который для меня продолжался 15 месяцев: Войонмаа вернулся в Финляндию через три недели. Выезжая из Хельсинки, я намеревался вернуться туда сразу после назначения нового посланника в Москву. Имелась также договоренность, что созданное в начале войны правительство, членом которого я был, уйдет в отставку после наступления мира. Действительно, 29 марта было сформировано новое правительство, премьер-министром которого вновь был Рюти, а министром иностранных дел профессор Рольф Виттинг. Таннер стал министром торговли и промышленности. Еще раньше, в сентябре, я просил освободить меня от должности посланника в Стокгольме. Мне хотелось стать свободным человеком и заняться своими книгами, а также, может быть, что-нибудь написать, я уже давно это планировал, но все никак не получалось.

Вышло, однако, по-другому. 29 марта я получил телеграмму: «Правительство убедительно просит Паасикиви принять на себя на некоторое время обязанности посланника в Москве как наиболее подходящего для этой должности». Я ответил в тот же день: «Мы с Войонмаа находимся здесь с особым поручением, с *en mission special*, и до тех пор, пока не будет завершено порученное нам, я не могу принять на себя обязанности постоянного посланника». Через пару дней поступила новая телеграмма: «Убедительно просим все-таки согласиться занять должность посланника на некоторое время. В нынешней критической ситуации исключительно сложно найти другого человека или другое решение, которое было бы столь же приемлемым, как предлагаемое». Поразмывляя пару дней, я спросил: «Каким будет самое короткое время, на которое вы бы хотели оставить меня здесь? В связи с тяжелыми испытаниями последнего полугодия я устал, а работа здесь весьма сложная и напряженная». На это пришел ответ: «Три месяца». Я не считал возможным отказаться от просьбы правительства и, таким образом, остался в Москве. Вскоре прибыла и моя супруга. По прошествии недолгого времени я заметил, что оставить мою должность через три месяца без ущерба для дела было бы невозможно, в связи с чем сообщил, что остаюсь до осени, а затем – до весны 1941 года. Таким образом, мне пришлось работать в Москве все время между войнами, и я выехал оттуда за 18 дней до начала войны между Германией и Советским Союзом.

Молотов сообщил, что советское правительство «с удовольствием» дает свое согласие, *агреман*, на мое назначение. Хотя я и «капиталист», и «буржуй», но в Кремле я был *persona grata*. Полагаю, это было связано с тем, что там совершенно правильно понимали мое стремление всегда избегать противоречий и искренне работать на благо установления добрых и дружественных отношений между Финляндией и Советским Союзом, а также тот факт, что я стремился к этой цели уже в ходе переговоров осенью 1939 года.

Я всегда интересовался государственными и другими общественными делами и в течение четырех десятков лет принимал в них то более, то менее активное участие. Я предполагал, что работать посланником в Москве будет непросто. Быть представителем после войны в стране бывшего врага – задача

деликатная и крайне сложная. И тем более сложная, поскольку речь шла о представлении малого государства в победившей великой державе, которая к тому же исповедовала иные идеалы и имела иную идеологию. Мое положение было бы иным, если бы дисбаланс сил между двумя государствами не был бы столь разительным.

Отношения между Финляндией и Советским Союзом в течение всего времени моего пребывания в Москве и особенно летом и осенью 1940 года складывались сложно. Наша страна после проигранной войны, вынужденная пойти на жестокий мир, истощенная в экономическом и военном отношении, одинокая, без всякой надежды на помощь откуда-либо, с напряженными отношениями с великим соседом, оказалась в весьма сложной ситуации. Кремль по-прежнему не доверял нам, и поэтому понятно, что мы чутким ухом и зорким глазом настороженно следили за всеми изменениями ветра и погоды.

Мое представление об отношениях между Финляндией и Россией сложилось задолго до этого. Судьба сделала Финляндию соседом России. Надо было приложить все возможные усилия для того, чтобы у нас с Россией был не просто *modus vivendi*, а добрые и дружественные отношения. Помимо обычного великодержавного империализма советская Россия исповедовала коммунистическо-большевистскую идеологию. Я, в свою очередь, думал, что советская Россия, у которой было более чем достаточно дел внутри своей страны, постепенно найдет более соответствующие собственным интересам формы деятельности. Я надеялся, что и там возобладает мнение, в соответствии с которым «каждый ищет свое счастье по-своему», а также начнут понимать и ценить условия, необходимые для жизни народа Финляндии, так, чтобы в конечном счете соседи не просто терпели бы друг друга, а извлекали бы пользу от такой жизни. Но это была надежда, а вот осуществится ли она, наверняка сказать было нельзя. Я всегда стремился делать все возможное для установления добрых отношений с Россией. Я надеялся, что это мне удастся, поскольку полагал, что это также соответствует собственным интересам России. «Наша лучшая политика – добиться хороших отношений между Финляндией и Россией с тем, чтобы снять любой повод для войны. К этому мы должны стремиться. Нынешняя война надолго посеет вражду и принесет нам большие трудности», – такую запись я сделал в своем дневнике 13 февраля 1940 года, в разгар

Зимней войны, еще до того, как мы начали терпеть поражения на Карельском перешейке. К этому же я стремился и после московского мира. Мир для нас был и тяжелый, и горький. Советский Союз, по моему мнению, в своих требованиях пошел неоправданно далеко. Но на этой основе нам приходилось жить. Мы не могли ничего изменить. Что сулило нам будущее, было неизвестно. Ход истории непредсказуем. Жизнь нашего народа, как и вообще жизнь малых народов, зависит от больших событий в мире, на которые мы не можем заметно влиять. Такова печальная судьба малых народов.

Переговоры осенью 1939 года, Зимняя война и Московский мир не принесли полной ясности относительно конечных намерений советской России, хотя русские и утверждали, что Советский Союз преследует исключительно оборонительные намерения. Попытка с правительством Куусинена в ходе войны³ также порождала подозрения относительно намерений Кремля. Но приходилось воспринимать жизнь такой, какой она была, и пытаться идти вперед.

В письме министру иностранных дел Виттингу 18 апреля 1940 года я рассказывал о некоторых своих непростых беседах с Молотовым и писал: «Все это ухудшает атмосферу и поддерживает подозрения, которые существуют в отношении нас у советского руководства. Я считаю, что основной целью нашей политики должно быть устранение таких подозрений настолько, насколько это возможно, поскольку, как сказал мне Сталин прошлой осенью: “Мы ничего не можем поделать с географией, и вы тоже ничего не можете”. География показывает, что Россия есть и будет нашим самым большим соседом, с которым нам так или иначе приходится сосуществовать, как бы это трудно ни было. Što djelatj!⁴ Наши позиции после московского мира значительно ослабли, и тем осторожнее мы должны быть в своей политике, чтобы за 1721 годом не последовали 1741–1743 и 1809–1809 годы»⁵.

В своем первом докладе от 14 мая я, в частности, предлагал:

³ Просоветское правительство под руководством одного из лидеров Коминтерна О. Куусинена создано 1 декабря 1939 года в противовес официальному правительству Финляндии.

⁴ Так в тексте.

⁵ Русско-шведские войны, в ходе которых решался вопрос и о принадлежности Финляндии.

«Из своих бесед с Молотовым, которые иногда были далеко не самыми приятными, я вынес впечатление, что Советский Союз, по крайней мере в настоящий момент, не имеет в отношении Финляндии иных намерений, кроме как следовать московскому миру, который и так дает ему более чем достаточно выгод. С другой стороны, как представляется, Советский Союз решил полностью требовать себе все, положенное по мирному договору. В ходе переговоров о мире с советской стороны было заявлено, что интересы СССР в отношении Финляндии связаны лишь с военной безопасностью, однако позднее выяснилось, и об этом Молотов потом не раз говорил мне, что Советский Союз будет отслеживать и хозяйственные вопросы, в первую очередь с точки зрения экономики отошедших к нему территорий.

Не могу отрицать, что сегодня в руководящих кругах Москвы «атмосфера» применительно к Финляндии значительно хуже, чем это было прошлой осенью во время переговоров... Нельзя также отрицать, что советское руководство все еще относится к Финляндии с большим недоверием. В подтверждение этого могу сослаться на незначительные, на наш взгляд, произошедшие по недоразумению пограничные конфликты, а также уничтожение финнами мин огнем артиллерии в Печенге, в связи с чем последовал официальный запрос Наркоминдела». (Уничтожение мин обычно происходило путем подрыва).

«Хотя я не думаю, что у Советского Союза имеются новые намерения в отношении нас, но считаю, что он без колебаний может вновь прибегнуть к насильственным действиям против нас, если имеющиеся поводы для разногласий не будут мирно устранены. Договор больше не является препятствием для больших и защитой для малых. Финляндия прошлой осенью совершила серьезную ошибку, положившись на имеющиеся договоры с Советским Союзом, и не приняв во внимание то, что Сталин и Молотов говорили нам самым серьезным образом. Зная жизнь и деятельность Сталина, приходишь к выводу, что он не из тех людей, которые отказываются от своих намерений.

Именно поэтому, на мой взгляд, наше положение очень уязвимо и требует большой осторожности. Кроме того Россия, в отличие от того, что считают в некоторых кругах Финляндии,

насколько я могу судить, вовсе не является слабой в военном отношении, хотя, как и царская Россия, вряд ли выдержит войну с великой державой. Однако следует иметь в виду, что внешняя политика Советского Союза сегодня более разумна, чем она была в царское время, когда страну ввергали из одного несчастья в другое (война с Японией, мировая война). Сталин хочет удержать свою страну от вступления в нынешнюю большую войну и в конечном счете избежать войны с великими державами. Что касается малых войн, таких как война с Финляндией, которая с точки зрения России была малой и в которой Сталин предполагал быть победителем, то на них он может пойти, поскольку тем самым он укрепляет свое положение и всю нынешнюю систему в России. Не считаю невозможным, что сейчас, когда великие державы в Западной Европе раздирают и изнуряют друг друга, Советский Союз осуществит, например, захват Бессарабии несмотря на заявление народного комиссара Молотова от 29.03.

Иной вопрос, как будет завершен гигантский экономический и общественный эксперимент в России — крупнейший в истории. Сейчас исключительно важно сформировать некую обоснованную точку зрения на этот счет, однако подобное предполагает более продолжительные наблюдения, чем я могу сделать. В любом случае не следует ожидать каких-либо изменений в ближайшее время. Судя по всему, позиции у Сталина прочные. Обычно его называют “Великий Сталин” (Veliki Stalin)⁶. Нельзя отрицать, что он действительно значительная личность. “Сегодня здесь нет никакой оппозиции”, — сказал мне один местный дипломат. Пример тоталитарных государств свидетельствует, что когда государственная власть берет в руки пропаганду и препятствует любой контрпропаганде, то народ можно вести почти куда угодно. Последняя статистика показывает, что в 1939 году в Советском Союзе было около 107 млн человек или 63% населения в возрасте до 29 лет, т. е. во время октябрьской революции они были детьми не старше семи лет. Все они выросли после большевистской революции и не знают иной системы, а если что-то слышали о других странах, то, по их мнению, там царит разруха.

⁶ Так в тексте.

Следует также помнить, что Советский Союз – многонациональная страна, по последней переписи 1939 года там 50 различных национальностей, а великороссов, наших ближайших соседей, даже 90 млн (58,4%), украинцев – 28 млн (16,5%). Других национальностей меньше, их количество колеблется между 3,1 и 0,01%».

В своем письме министру иностранных дел Виттингу от 30 июня 1940 года я вновь подчеркнул, что Советский Союз не остановится перед применением силы против нас, если мы не сможем решать вопросы в согласии. Это нам следует помнить всегда. Примеры Балтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины вновь подтверждают это. В большой внешнеполитической речи 29.03.1940 комиссар по иностранным делам Молотов заявил, что у Советского Союза и Румынии имеется спорный вопрос о Бессарабии, захват которой Советский Союз никогда не признавал, но и никогда не ставил под вопрос возвращение Бессарабии военными методами. Все это не помешало советскому правительству недавно направить Румынии ультиматум с выражением надежды, что румынское правительство по-доброму передаст Бессарабию и Северную Буковину и “тем самым сделает возможным мирным путем разрешить имеющиеся между Советским Союзом и Румынией разногласия”. Этот ультиматум Молотов вручил здешнему посланнику Румынии Давидеску 26.06, потребовав дать ответ в течение следующего дня. Насколько мне известно, никаких других переговоров по этому вопросу здесь не велось. 26.06 посланник Румынии передал несколько неопределенный письменный ответ румынского правительства и устно добавил, что Румыния принимает ультиматум Советского Союза. 28.06 в два часа дня советские войска начали марш через границу Румынии».

В том же письме я вновь заявил: «Повторяю, что предстоящие события покрыты мраком. Но что бы ни произошло, это произойдет высоко над нашими головами, и мы никак не сможем на это повлиять. Независимые от нашей воли события в мире часто имели поворотное значение для судеб нашего народа (Тильзит и 1808–1809 гг., Крымская война 1853–1855 гг., Японская война 1904–1905 гг., Мировая война 1914–1918 гг., недавний договор между Германией и Советским Союзом 1939 года и наша несчастная война 1939–1940 гг.). То же самое может происходить и в будущем. Я знаю, что в

различных кругах Финляндии сейчас множество спекуляций по поводу будущей войны между Германией и Советским Союзом. Об этих спекуляциях может стать известно здесь, и это усилит подозрения к нам. Сейчас у нас единственная возможность – точно выполнять положения московского мира и всеми силами стремиться иметь хорошие работающие отношения с Советским Союзом, который географически наш ближайший сосед. Из великих держав на втором месте Германия, будь там хоть империя, Веймарская республика или диктатура Гитлера... Англия и Франция, и уже не говоря о Соединенных Штатах Америки, географически далеки от нас».

В своей работе я следовал этим ориентирам. Вопросом жизни для нас стало не допустить новых конфликтов. В противном случае нас ожидал крах. В связи с незнанием истинного положения дел после нашей Зимней войны (очевидно, плохо спланированной и в начальный период плохо руководимой Россией) в Финляндии, как и во многих других странах, недооценивали военную мощь Советского Союза. Большая война между Германией и Советским Союзом показала, как твердо большевистские армии сражались против военной мощи Германии. Не было также полного представления о внутренних условиях в Советском Союзе и об их стабильности. Никакого разлада или попыток восстания в сталинской империи не наблюдалось.

Весной и летом 1940 года подозрения в наш адрес заметно усилились. В Финляндии полагали, что наша героическая борьба породила уважение к нам, в результате чего советское правительство опасается новой войны с Финляндией, а в случае ее мы получили бы широкую международную поддержку. Это было преувеличением. В нем не учитывались факторы, определяющие политику великих держав. Конечно, оказанное Финляндией сопротивление много значило. Но свое значение имел и тот факт, что для полного краха Финляндии потребовалась бы «мобилизация военной машины», как сказал один посол, что, конечно, имело свое значение. Но это не входило в расчеты великих держав. В беседе с нашим военным атташе маршал Тимошенко положительно отзывался о нашей армии, о ее храбрости, дисциплине, умелом руководстве ею, но в заключение заметил: «Чтобы армия добилась результатов, она должна быть большой».

Рассказывали, что в военных кругах Советского Союза были недовольны тем, что война с Финляндией не была доведена до конца. Весной и летом 1940 года положение Советского Союза было исключительно выигрышным. Преобладали чувство национальной гордости, вера в себя, в свои силы, и большевики отстаивали честь России как великой державы. Иной раз в Кремле приходилось слышать прямые слова о том, что Советский Союз, мол, – великая держава, а Финляндия – малая страна.

Новый посланник Румынии, бывший министр иностранных дел Гафенку, прибывший в Москву в августе 1940 года, писал в опубликованной в 1944 году книге «Préliminaires de la guerre à l'est»:

«В Москву я приехал за гарантиями мира. Другие представители государств-соседей советской России и особенно мои коллеги посланник Финляндии Паасикиви и посол Ирана Махомед Саед*, ныне министр иностранных дел в Тегеране, также стремились обеспечить безопасность своих государств. Мы были убеждены, что в интересах наших стран, так же, как и в общих интересах было, чтобы Советский Союз, проводя мирную политику по отношению к своим соседям, способствовал бы сохранению некоего равновесия. Мы считали, что следует избегать всего, что могло бы подорвать предпосылки подобной политики».

В этом Гафенку был прав. Он продолжает: Но Советский Союз не был склонен способствовать укреплению чувства безопасности у своих соседей. «Невозможно было не заметить глубокие изменения в политике Советского Союза, явившиеся следствием августовского договора 1939 года и дальнейшего сотрудничества с Германией. После длительного периода осторожной политики ... советскую империю охватил восторг, вызванный важными и легкими успехами в Польше, в Балтийских государствах и в долине Дуная. Неустанными усилиями строителя империи, – строителя, который в своих планах, стремлениях, и методах действий ничем не отличался от своих великих предшественников, создавших мощь России в древние времена, – внутренние изменения на безграничных просторах империи получили свое продолжение на международной арене: советская Россия вернулась в старые царские границы. Благодаря этим захватам Россия осознала свою мощь. Эта империя не

* Саед Мараген Мохаммед – посол Ирана в СССР в 1938–1942 гг.

была чем-либо новым. Она не возникла благодаря гению Сталина или в результате революционного порыва. Она была наследием прошлого, которое неостановимо стремилось на Запад и Юг... Старая воскресшая Россия поставила перед новой страной задачу – расширяться... Новая Россия поддержала старые империалистические устремления, предоставив для них производительные силы, дисциплину труда, промышленность, все то, что никогда не было известно на Руси... В течение 1940 года Советский Союз дал наблюдателям, которых не вводил в заблуждение угрюмый внешний вид советских народных масс, ошеломляющую картину своей силы и жизнеспособности» (Ibid. P. 349–351).

«Это представление породило страх у соседних государств, – говорит далее Гафенку, – Гордясь своей мощью и в особенности осознавая возможности расширения своей власти, Советский Союз не испытывал ни малейшего желания вернуться к прежнему порядку, и вообще ни к какому порядку. Атмосфера страха и нестабильности, укоренившаяся в сопредельных государствах, благоприветствовала его целям. Советский Союз намеревался извлечь выгоду из воцарившегося хаоса... Представители средних и малых государств (Румынии, Финляндии, Ирана, Афганистана, Югославии) в Москве один за другим отказывались от своих пустых надежд. Советский Союз не приносил никому успокоения, напротив, он держал всех в состоянии нестабильности, беспокойства и постоянно грозящей опасности». Так Гафенку описывает свои московские наблюдения. Конечно, он смотрит на вещи в первую очередь с точки зрения своей страны, Румынии, но в его словах я легко нахожу собственные настроения того времени.

В жизни прежних поколений международная политика – несмотря на Лигу наций и другие идеалистические устремления – шла вопреки жизненным интересам малых государств и в сторону все большей анархии. Как характерный пример метода действий великих держав и их безразличия в отношении прав малых Гафенку рассказывает о том, как Советский Союз и Германия осенью 1940 года договорились о проведении Дунайской конференции. Приглашения на конференцию направлялись из Берлина. В сообщении ТАСС говорилось, что совместно с Германией и при согласии Италии достигнута договоренность о прекращении деятельности бывших

Дунайских комитетов, но о содействии Румынии ни словом не упомянуто. Между тем именно Румыния была важным фактором в международной Дунайской комиссии. Почти 900 км вдоль Дуная и обширное устье в его нижнем течении у Черного моря – территория Румынии.

Дошли до того, что ущемление прав малых государств и даже лишение их независимости стали рассматривать как обще приемлемый метод действий и допустимая процедура. Мир и благополучие человека, которые в идейном мире либералов сообщества народов XIX века стали считать целью государственной деятельности, отошли на задний план, а война и насилие стали решающими факторами. Один шведский военный историк писал, что профессиональная военная литература великих держав стала своеобразным форумом, на котором ныне начали формировать законы и методы ведения войны и на котором, например, пришли к выводу, что ради достижения военных целей можно пожертвовать независимостью и территориальной неприкосновенностью других государств (*Holm Torsten. Kriget och kulturutvecklingen. S. 154–156*)⁷. Дошли даже до того, что нарушение суверенитета и территориальной целостности другого государства, особенно малого, которое не в состоянии защитить себя оружием, считается естественным, даже оправданным действием, которое не больше, чем привлечет внимание и вызовет осуждение противоположной стороны. Когда летом 1940 года повсюду начали циркулировать слухи о том, что Советский Союз намеревается напасть на Финляндию – об этом позднее – то о самих слухах говорили много, но, как я заметил, сам факт возможного нападения рассматривался как нормальная практика великой державы, и особого удивления он у посторонних не вызывал. Конечно, и Кремль исходил из этой точки зрения. О подобных методах, исповедуемых великими державами, следует помнить, рассуждая об отношении Советского Союза к нашей стране. В 1939–1940 гг. мы на себе в достаточной мере испытали неэффективность принципов права и правды в нынешнее время грубой реальной политики. Мы не могли себе позволить вновь вернуться в мир иллюзий.

⁷ *Torsten Holm. Kriget och kulturutvecklingen i historiskt perspektiv. Lindblads, 1941* [Торстен Хольм. Война и культурное развитие в исторической перспективе].

Не следует забывать и общеполитическую ситуацию. Действовал договор между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 года. Что точно содержал этот договор, наверняка в то время не было известно. Несмотря на заверения германских официальных кругов - в профессии дипломата считается допустимым говорить правду, но не очень точно - отовсюду доносились слухи, что договор содержит секретные статьи, относящиеся и к нашей стране.

Если бы моя работа не была столь сложной и напряженной, то пребывание в Москве могло бы быть приятным и интересным. Было интересно разобраться, что же на самом деле происходит в этой таинственной гигантской стране, в каком направлении она идет. Пытался следить за ходом дел в Советском Союзе с помощью литературы, в моей библиотеке было собрание сочинений Ленина, 30 толстых, трудно читаемых томов, знакомство с которыми у меня в конечном счете оказалось весьма поверхностным. Насколько удачным оказался гигантский общественно-экономический эксперимент в советской России, как он осуществлялся, об этом было интересно и важно иметь хотя бы некоторое представление, а для соседей СССР это было просто необходимо. К сожалению, результаты моих усилий оказались весьма посредственными. Да, я пытался понять, к чему стремятся большевики с помощью ведущих газет «Правда» и «Известия», ежедневное чтение которых было весьма тяжелым занятием, журналов и иных большевистских изданий. Но у меня было много работы, много других забот, к тому же мое пребывание там было недолгим, всего 15 месяцев, в связи с чем мои достижения были более скромными, чем мне бы хотелось. Добывать информацию в советской России было непросто. Россия, «Москва, загадочная и абсолютно непредсказуемая для западного мышления и чувства» (Шпенглер), всегда была подобна сфинксу, а большевистская Россия в еще большей степени.

На заседании Верховного Совета, советского парламента, открывшемся 29 марта 1940 года, Молотов от имени правительства выступил с широким обзором внешней политики Советского Союза за последние пять месяцев, прошедших со дня предыдущего заседания. Основная часть, примерно две трети, была посвящена войне с Финляндией. Мысли и слова были примерно те же, что он и Жданов высказывали в ходе переговоров о мире, и на которые мы

тогда же дали ответ. Красной нитью проходила мысль, что империалистические великие державы Англия и Франция, а также их сторонники, в число которых входила Финляндия, вынашивали агрессивные намерения против советской социалистической державы, которую они ненавидят, и для осуществления своих намерений превратили Финляндию в мощный готовый к агрессии плацдарм со считавшейся неприступной «линией Маннергейма». Подстрекаемая этими врагами Советского Союза, Финляндия начала войну против советской России. Советский Союз – миролюбивая держава, но в интересах самообороны он был вынужден начать военные действия, «прибегнуть к силе» после того, как под влиянием врагов Советского Союза Финляндия в ходе переговоров осенью 1939 года отказалась принять минимальные и умеренные предложения Советского Союза. Таким образом, для Советского Союза война с Финляндией носила оборонительный характер и велась с целью защиты Ленинграда, северо-западной границы советской России, Мурманска, единственного незамерзающего морского порта на западе страны, а также Мурманской железной дороги. В войне с Финляндией Красная армия сражалась не только с финскими войсками, но также и с объединенными силами многих государств – Англии, Франции, Швеции и Италии, которые получали поддержку от социал-демократов второго интернационала Эттли, Ситрина, Блюма, Йохаукса, Транмеля, Хёглунда и других. Молотов перечислил все оружие, которое получила Финляндия в соответствии с речью Чемберлена в нижней палате и сообщениями в газетах. «Сломив эти соединенные силы врагов, Красная армия и Красный Флот вписали новую славную страницу в свою историю и показали, что в нашем народе источник отваги, самоотверженности и героизма неисчерпаем».

Иных целей, кроме как защита Ленинграда и северо-западных границ государства, Советский Союз не имел, заверял Молотов. Мир не предполагал уничтожение независимости Финляндии. Советский Союз, который разбил финскую армию и имел все возможности оккупировать Финляндию целиком, не сделал этого, а также не потребовал какой-либо компенсации за свои военные расходы, как поступило бы любое иное государство, а свел свои требования к минимуму, тем самым проявив благородство в отношении Финляндии. Советский Союз также добровольно вернул Финляндии

Печенгу, поскольку считал необходимым, чтобы эта страна имела незамерзающий океанский порт, из чего следовало, что СССР считал Финляндию не только балтийским, но и северным государством. Отправной точкой мирного договора была самостоятельность Финляндии, признание принципа ее внешне- и внутривластной независимости. Поскольку пролилась кровь «не по нашей вине», сказал Молотов, и стало ясно, как далеко зашла ненависть в политике правительства Финляндии к Советскому Союзу, то Советский Союз больше не мог оставаться на условиях осени 1939 года, а был вынужден поставить безопасность Ленинграда и своих северо-западных границ на прочную основу.

Насколько далеко зашла ненависть руководства и военных кругов Финляндии, продолжал Молотов, явствовало из многочисленных жестоких и зверских поступков белофиннов в отношении раненых и попавших в плен красногвардейцев и даже советских санитаров. Молотов привел ряд примеров в этом отношении и добавил: «Так выглядит лицо финских защитников "западной цивилизации"». Подчеркну, что этот доклад так же мало соответствовал истине, как и приводимая в нем информация о военных потерях: Красная армия якобы потеряла 49 000 погибшими и 159 000 ранеными, а Финляндия по крайней мере 60 000 погибшими и не менее 250 000 ранеными. Таким образом, финская армия из 600 000 своих военнослужащих якобы потеряла более половины погибшими или ранеными.

В связи с речью Молотова на заседании Верховного Совета выступил только один оратор, представитель Азербайджана, который подчеркнул, что советское правительство, предприняв все возможные меры для поиска мирного решения и не достигнув в этом результатов, «было вынуждено прибегнуть к силе». Он также заявил, что Красная армия показала всем, что нет таких крепостей, которые не могли бы взять вооруженные силы социалистического государства. Верховный Совет единогласно одобрил внешнюю политику правительства.

Я не был на заседании Верховного Совета и читал речь Молотова в «Правде». Она произвела на меня тяжелое впечатление и обеспокоила меня. Нам, финнам, было трудно понять это выступление так же, как казалось, и русским было трудно понять нас.

Неделей ранее в Кремле состоялся разговор об оборонительном союзе североевропейских государств (расскажу об этом позднее), который стал для меня печальной неожиданностью. Я спрашивал себя: что из всего этого получится, если по очевидным фактам у сторон были противоположные взгляды, уже не говоря о подозрениях в отношении намерений другой стороны? Сведения и утверждения, содержащиеся в речи Молотова, не соответствовали действительности. Финляндия ни в коей мере не планировала нападать на Ленинград в союзе с другим государством, она не плела интриг с кем-либо, она не была превращена в плацдарм против Советского Союза. Все это мы услышали впервые в ходе переговоров о мире, ранее все это было нам неизвестно. Тот факт, что в ходе войны Финляндия получала материальную помощь главным образом из Швеции, а также в какой-то степени из Англии и Франции (в Италии мы закупили 50 самолетов, но Германия не дала ввезти их в Финляндию), расценивался как участие в большой коалиции против Советского Союза, сам по себе был весьма примечательным. Ведь ясно же, что, когда Советский Союз напал на Финляндию, ей не оставалось ничего другого, как попытаться получить помощь извне. Откуда поступила информация о жестоком обращении финнов с русскими военнопленными и санитарками, я не знаю. Трудно также было понять, зачем советский генеральный штаб утверждает, что в войне погибло и ранено свыше 300 000 финнов*. Я думал, а не сознательное ли это введение в заблуждение? И для чего это?

Было ясно, что целью всего этого является стремление повлиять на собственный народ, направить его мысли в нужную сторону, другими словами – пропаганда, причем такая, которая ныне применяется почти во всех странах. Отличительной чертой российско-советской пропаганды и вообще их речей является преувеличение и широкое использование суперлативов⁸. По-видимому, это вообще общероссийская черта. Агрессивные намерения Финляндии и «империалистических сверхдержав» против Советского Союза, превращение Финляндии в мощно оборудованный плацдарм якобы давали Советскому Союзу право

* Финские потери: погибшие 19 576; пропавшие без вести 3273; раненные: тяжело 16 473; легко 27 120; общие потери 66 406.

⁸ Суперлатив – превосходная степень сравнения.

напасть на Финляндию, и все это подавалось как оборонительное мероприятие. Неумелое ведение войны российско-советской армией на начальном этапе сменилось блестящими боевыми действиями, как только против нее встала не только Финляндия, а объединение великих держав, которых Красная армия разбила точно так же, как и считавшуюся неприступной «линию Маннергейма». Ужасные потери, которые якобы понесла финская армия, оставили в тени потери советских войск. Зверства финнов продемонстрировали их примитивную ненависть к русским, и могли служить противовесом к тем чувствам одобрения и поддержки, которые высказывались по всему миру в адрес народа Финляндии.

Поскольку всегда надо быть объективным, в том числе и к противной стороне, а также глубоко изучать каждый вопрос, я вновь и вновь размышлял о речи Молотова. Печальное следствие любой войны – падение общественной морали. Ложь, которая распространилась повсюду во время Второй мировой войны, пугает. Когда в интересах отечества и общего дела считается необходимым, то допускается грубое обращение с истиной, поскольку «индивидуальная мораль» не вписывается в «общественную мораль». Старый принцип иезуитов: цель оправдывает средства. Объясняют, что подобный подход – образец аморальности. Но на практике в государственной жизни это сегодня и в течение веков было непоколебимым методом действий. Когда в государственной или международной деятельности люди следуют этому правилу, то в результате действия каких-то законов психологии они часто сами начинают верить в то, что говорят. Или же по крайней мере не признают, что они отступают от истины. Это ужасный факт, но поскольку дело обстоит именно таким образом, то его следует учитывать.

Метод действий Молотова, между прочим, проявляется повсюду: объяснять и искать общепризнанные, приемлемые, в том числе в моральном отношении, причины для действий своей страны и своего правительства. Ни одна страна и ни один народ открыто не признает себя инициатором действий, осуждаемых мировым общественным мнением и моралью. Поэтому все агрессивные войны считаются оборонительными. Ведь даже сам Й.В. Снелльман⁹

⁹ Финский философ, писатель, журналист и государственный деятель, 1806–1881

говорит: «Любая война, целью которой является превосходство одного государства над другим, является оборонительной войной». Для малых государств это довольно сомнительная доктрина, так же, как и некоторые другие взгляды в государственной философии Снелльмана. В любом случае эта философия явно основывается на природе человека. Желания найти моральное оправдание своим действиям будет недостаточно для того, чтобы воздерживаться от плохих поступков, но вполне возможно, что и это может стать какой-то основой для формирования более приемлемого международного порядка.

Следует также помнить, насколько русские отличаются от людей в западных странах. Их видение мира и менталитет не такие, как у нас. Их подозрительность безмерна. В то время в силу положения Советского Союза на международной арене их самосознание и гордость за свою великую державу, одержавшую победу в войне с Финляндией, не знала границ. Все это отчетливо было видно в «Правде» и «Известиях» и в выступлениях на сессии Верховного Совета. Так что неудивительно, что с самого начала я с беспокойством задумался о нашем будущем. Мне хотелось сделать все возможное для того, чтобы избежать новых несчастий.

Пропаганда в Советском Союзе организована эффективно и целенаправленно. Аппарат заработал, и по всей стране на заводах, в колхозах и т. д. проходили собрания, на которых после выступлений единогласно одобрялись политика правительства и доклад Молотова. С особой гордостью говорили о подвигах Красной армии и об исходе войны с Финляндией. В «Правде» под большим заголовком «Трудящиеся одобряют внешнюю политику Советского правительства» шла информация о собраниях по всей стране вплоть до Владивостока и о принятых на них резолюциях. В Советском Союзе, как и во многих других странах, в пропаганде, нацеленной на весь народ, использовались преувеличения и высокие слова. Победа «183-миллионного советского народа» над Финляндией подавалась как неслыханный героический военный подвиг. «Слава Красной армии с новой силой разносится над миром». «Красная армия победила не только финскую, она разбила значительную часть мировой военщины». «Неограниченную помощь, которую Англия,

Франция, Италия, Швеция и “миролюбивые Соединенные Штаты” передавали Финляндии, руководителям этих государств придется списать себе в убыток», писала в передовой статье «Правда» 31 марта и продолжала: «В результате героического наступления технически хорошо оснащенной Красной армии пали многочисленные укрепления “линии Маннергейма”, которую иностранные военные авторитеты провозгласили неприступной». Вся эта широкая пропаганда была направлена на укрепление «советского патриотизма» советских людей и на их воодушевление. Безграничное восхваление военных достижений красной армии служило укреплению национального самосознания и национальной гордости народа. Но пропаганда служила, как это часто бывает в Советском Союзе, и некоторым практическим и повседневным целям. Участники собраний принимали обязательства своим самоотверженным трудом способствовать повышению производства и тем самым крепить военную мощь своей страны.

Мы, находящиеся в Москве финны, были поражены, читая в «Правде» и «Известиях» об этом громкоголосом шуме. Остальной мир тоже был немало удивлен, если получал информацию об этом. Война с Финляндией отнюдь не продемонстрировала силу Красной армии. Повсюду считали, и, кстати, ошибались, это проявлением слабости. Очевидно, это обстоятельство стало одной из причин недооценки истинной военной силы Советского Союза. При этом также проявляли поверхностный подход и отсутствие способности критически мыслить, но об этом особый разговор.

На сессии Верховного Совета обсуждались также вопросы, связанные с присоединением отошедших от Финляндии в соответствии с мирным договором территорий к Карельской Автономной Советской Социалистической Республике, за исключением части Карельского перешейка со стороны бывшей границы до линии Суванто-Койвисто, которая была присоединена к РСФСР. Это был примерно тот самый район, который Сталин на переговорах осенью 1939 года назвал минимальным требованием своих военных. Одновременно было решено повысить статус Карельской автономной республики до советской республики, которая в качестве «Карело-Финской Советской Социалистической Республики» стала двенадцатой республикой в составе Союза Советских Социалистических республик. От имени правительства на

сессии выступил Жданов. «Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают», так в протоколе описывался выход Жданова на трибуну. Его речь, так же, как и выступление двух карельских представителей и одного с юга России, не содержали ничего примечательного. Они шли в одном ключе и восхваляли «рост культуры и благосостояния», «веселую, счастливую и зажиточную жизнь народа» в Советском Союзе, превозносили руководителей государства и партии, прежде всего Сталина. Для нас, североевропейцев, подобные выступления были чуждыми, но, как я и раньше говорил, каждый народ следует оценивать и понимать со всеми его особенностями. Парламентаризм в подобной форме имел свой смысл в Советском Союзе.

II

Дипломат в Москве

15 апреля 1940 года я вручил свои верительные грамоты Калинин, председателю Президиума Верховного Совета, президенту Советского Союза в его служебных помещениях в Кремле. На мероприятии присутствовали заместитель наркома иностранных дел Деканозов и шеф протокола Барков, а также другие российские представители. После этого Калинин, Деканозов и я перешли в рабочий кабинет Калинина, где некоторое время беседовали, но не касались острых тем. Калинин спросил: «Ну что, будем друзьями?». Ответил: «Надеемся на это, и я сделаю все от меня зависящее для этого». Калинин был старым революционером, с 1895 года, входил в старую ленинскую гвардию. По профессии был токарем, работал на Путиловском заводе. Председателем центрального органа советской республики его избрали в 1919 году, и он занимал эту должность без перерыва тридцать лет. Ленин считал его подходящим деятелем с точки зрения сотрудничества рабочих и крестьян, «поскольку он умел по-товарищески обратиться к рабочим массам». В нем, сыне мелкого крестьянина, как бы «объединились петроградский рабочий и тверской крестьянин». Калинин произвел впечатление очень приветливого человека.

Теперь я был постоянным представителем Финляндии при советском правительстве.

Я уже неоднократно говорил, насколько западному человеку трудно понять русских, особенно русских большевиков. «С кремлевскими господами очень трудно вести переговоры», сказал мне один посол и шутливо добавил: «Да ведь у вас уже есть опыт на этот счет». Многие дипломаты в Москве, как послы, так и посланники, жаловались на подозрительность русских. Высказывали также мнение, что какой-либо вопрос мог легко стать делом чести, ну

совсем как в царской России. Будучи дипломатом в Москве, я также все это замечал.

В отношении большевиков к внешнему миру, по крайней мере еще в то время, чувствовалась какая-то доктринерская заскорузлость и подозрительность, что частично объяснялось их идеологическими взглядами, и, частично, воспоминаниями о первых годах после революции, временами гражданской войны, когда контрреволюция получала помощь, правда небольшую, от окружающего мира. Размеры этой помощи большевики серьезно преувеличивают. Они, как представляется, убеждены, что правительства «буржуазных» государств и их дипломаты не думают ни о чем другом, кроме как о свержении советской власти. В Большой советской энциклопедии (том 22, издание 1935 года¹⁰) так описывается «буржуазная» и советская дипломатия: «Со времени образования советских республик и раскола мира на два противоположных лагеря одной из основных задач империалистической дипломатии становится сколачивание антисоветских блоков, подготовка нападения на СССР ... Советская дипломатия, представляющая среди империалистического окружения пролетарское государство, принципиально отлична и противоположна по своим классовым целям, методам работы и личному составу Д. буржуазных стран. Д. Советского Союза последовательно проводит политику мира/ [...]

Антисоветским блокам, проискам и провокациям советская Д. противопоставляет твердую и выдержанную линию, вытекающую из лозунга Сталина: «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим ни-

кому». Вместе с тем Советское государство, международное значение которого на основе успехов социалистического строительства чрезвычайно укрепилось и возросло, неизменно выступало как величайшая антиимпериалистическая сила и фактор укрепления всеобщего мира.»¹¹. Делается ссылка, в частности, на выступления Литвинова и других советских представителей за разоружение, на заключенные Советским Союзом договоры о ненападении, на последовательную защиту советской дипломатией равноправия народов и прав малых народов.

¹⁰ Большая советская энциклопедия. 1-е изд. Т. 22. Ст. 497.

¹¹ Там же. Ст. 499, 500.

Что касается персонального состава советской дипломатии, то тот же источник в качестве определяющего фактора называет классовую природу пролетарского государства. Значительная часть ведущих советских дипломатов является представителями старой гвардии пролетарских революционеров, которые прошли суровую школу и закалились на подпольной работе, а также как политики получили за рубежом необходимые навыки и знания. Дальнейшее формирование кадрового состава внешнеполитического аппарата происходит на основе тщательного отбора из числа классово сознательных сторонников. «Дипломатическая работа в наших условиях, являясь одним из самых ответственных и боевых секторов нашей общей социалистической стройки, недаром часто сравнивается с участком фронта¹²», говорится в упомянутом словаре.

С момента публикации приведенной выше статьи в энциклопедическом словаре прошло не более пяти лет. Но за это время многое изменилось. Советский Союз стал важным фактором в международной политике и начал все чаще выступать в качестве великой державы в числе других великих держав. В 1939–1940 гг. он, несмотря на процитированное заверение Сталина, прибег ко многим захватническим войнам в отношении своих соседей. Правда, весной 1939 года Сталин заявил, что Советский Союз проводит политику мира и укрепления деловых отношений со всеми странами. Но отличия в природе советского государства, различия и противоположности проводимой им идеологии по сравнению с другими государствами и вытекающее отсюда недоверие по-прежнему сохранялись. В Кремле преобладал собственный менталитет. Иностранные государства считались врагами, и все их действия расценивались как направленные против советской России. Опасались, что малые соседние страны проводят интересы больших. Все это, замкнутое на собственные расчеты великой державы, доставляло трудности представителям малого «буржуазного» соседнего государства, являвшегося к тому же особым объектом устремлений советского правительства.

Основные контакты у меня были с комиссаром иностранных дел Молотовым, который одновременно был председателем Совета

¹² Там же.

народных комиссаров, премьер-министром. Переговоры с ним часто продолжались довольно долго, иногда час, иногда дольше. Поскольку мы оба говорили по-русски, перевод не требовался (насколько мне известно, Молотов владел только русским языком), и мы успевали обсудить много вопросов. Молотов говорил довольно быстро. В общении со мной он был вежливым и приветливым, но на переговорах очень трудным – «*unnégociateur terrible*» – «ужасный переговорщик», как отозвался о нем один дипломат. Вопросы он излагал резко, иногда ожесточенно и даже грубо. В этом случае беседа с обеих сторон становилась напряженной. Однажды, в начале ноября 1940 года наша беседа стала столь острой, даже такой громкой, что советник-посланник Хюнинен, который после моего представления его Молотову удалился в приемную, слышал наши голоса, хотя и не разбирал слов, очевидно одна из двух дверей осталась открытой. Говорили, в частности, об извечной проблеме никеля в Печенге, но затем от Молотова последовало обвинение в том, что в Финляндии разжигается вражда к Советскому Союзу, в доказательство чего он указал на стопку финской военной литературы на своем столе. На обложке одной из книг был действительно довольно грубый рисунок. Однако по окончании беседы мы всегда прощались по-дружески, часто в знак примирения обменивались шутками.

Ближайшими помощниками Молотова были заместители народного комиссара Деканозов и Вышинский, с которыми я много общался. Оба они были заметными фигурами в Советском Союзе. Деканозов был родом с Кавказа, рассказывали о его хороших отношениях со своим соотечественником Сталиным. Летом 1940 года он был в Литве, организуя создание нового правительства и проведение выборов, а также присоединение Литвы к Советскому Союзу. Аналогичные функции Вышинский выполнял в Латвии, Жданов – в Эстонии. В ноябре 1940 года Деканозов находился в Берлине с Молотовым, и вскоре был назначен туда послом. После этого финскими делами занимался Вышинский, если не подключался сам Молотов. Вышинский был юристом, профессором уголовного права и академиком. Он был человеком принципа, всегда говорил, что он трезвенник и даже не курил. Он выступал обвинителем на больших процессах против известных большевиков.

Из 23 членов дипломатического корпуса в Москве 10 были послами и 13 – посланниками. Дипломаты часто сменялись. В соответствии со списком осени 1940 года свыше двух лет в стране были только два посла – посол Германии граф фон дер Шуленбург с 1934 года и посол Италии Россо с 1936 года. Ни один посланник в эту категорию не входил. (Посольства Балтийских государств были к тому времени закрыты). В общей сложности в 1940 году в свою должность вступили аж 10 новых иностранных представителей и в 1939 году – 7. Не могу сказать, связаны ли эти частые смены со стремлением дипломатов, привыкшим к другим условиям жизни, выбраться из Москвы. Учитывая особые сложности работы в Москве, полагаю, что было бы важно обеспечить более продолжительный срок пребывания там.

Граф фон дер Шуленбург был опытным дипломатом, в возрасте, к Финляндии относился благожелательно, но в словах он был осторожен и сдержан. Граф хорошо знал условия Восточной Европы, поскольку долго работал там. Посол Италии Россо был отозван своим правительством из Москвы во время Зимней войны, которую Муссолини не одобрял. Посол провел много месяцев в Италии. Весной 1940 года, после окончания Зимней войны, Россо был вновь направлен в Москву с целью налаживания отношений между Италией и Советским Союзом. В момент моего прибытия послом Японии был Того, который позднее вернулся на родину, где стал министром иностранных дел во время участия Японии в большой войне. На его место был назначен военный, генерал-лейтенант Татекава. Послом Англии был знаменитый сэръ Криппс и США – бывший посланник в Стокгольме Штейнхардт. Представители Франции, находившейся в сложном положении, за мое время сменились дважды. Истинно французская вежливость: в соответствии с этикетом я должен был первым нанести визит послу Франции, но он опередил меня. «Финляндия после своей героической борьбы стала великой державой, и ее посланник сравним с послом», сказал он.

Моим лучшим другом среди дипломатов был шведский посланник Ассарссон, который еще в ходе мирных переговоров участвовал в наших делах. Наши отношения стали близкими и доверительными, и общаться с ним было приятно. Я долгое время считал, что внешнеполитические интересы Финляндии и Швеции не

могут ни в чем разойтись, успех одного государства может только идти на пользу другому. Советником-посланником Дании был Болт-Йоргенсен и Норвегии – Масенг; их государства в апреле 1940 года прошли через жестокие испытания, и в этой связи положение двух дипломатов было весьма непросто¹³. Из других советников-посланников припоминаю венгра де Кристоффи, словака Тисо – родственника президента, болгарина Стаменова, а также прибывшего в августе 1940 года румынского посланника, бывшего министра иностранных дел, уже ранее упомянутого мною Гафенку. Со всеми ними у меня были продолжительные и интересные беседы. Гафенку – исключительно умный и рассудительный человек, на его книгу, опубликованную позднее, я неоднократно ссылаюсь. По приезде он сказал, что у него на родине только что «случилось сначала политическое, а затем физическое землетрясение».

Финское посольство располагалось в собственном здании, а все остальные, как я понял, занимали арендованные у советского правительства строения. Некоторые посольские особняки были шикарными дворцами, которые ранее принадлежали московским богатым промышленникам и купцам, а после Октябрьской революции были у них отобраны, «национализированы». Один посол рассказывал, что 45-летняя дочь бывшего покойного владельца особняка работает в его посольстве машинисткой. Она родилась и выросла в этом доме и теперь была счастлива, что может жить в нем. Посол добавил, что этот факт хорошо иллюстрирует русский характер, который живет сегодняшним днем, быстро забывает свое прошлое и легко покоряется всему происходящему. Что касается финнов, то некоторое время назад у нас было построено собственное здание, которое мы привели в порядок в течение нескольких недель после окончания войны. До того мы оставались гостями советского правительства. Долго пользоваться угощениями и дружелюбием принимающей стороны постепенно стало казаться мне все менее и менее приличным, хотя в отношении удобства и обслуживания претензий у нас не было. Поэтому я сообщил заведующему резиденцией, что мы переезжаем в гостиницу. Он спросил, недовольны ли мы чем-нибудь. Узнав, что мы всем довольны, он сообщил, что имеет указание заботиться о нас вплоть до нашего

¹³ Имеется в виду нападение Германии 9 апреля 1940 г. и последующая оккупация обоих государств.

переезда в собственное посольское здание. Если же мы сейчас отправимся в гостиницу, то ему со всем обслуживающим персоналом, вплоть до поваров, придется сопровождать нас туда же. Поэтому он настойчиво просил меня оставаться на месте, что я с удовольствием и сделал.

18 июня 1940 года я писал во втором своем докладе: «Положение иностранных представителей здесь в Москве заметно отличается от других стран, оно гораздо более сложное». Дипломатический корпус, по крайней мере большинство его членов, не имеет иных контактов в официальных кругах, кроме как связанных с обсуждением конкретных служебных дел. Все беседы ограничиваются этими вопросами. Выход за их пределы, особенно на свободные темы, невозможен, представители Наркоминдела на это не идут. Сам Кремль герметически закрыт. Многие дипломаты жаловались мне на это обстоятельство. Один посланник рассказывал, что, когда он попытался начать разговор на политические темы с заместителем Наркоминдел, то получил ответ: «Читайте “Правду” и “Известия”, там есть все, что надо знать». К этому я хотел бы теперь задним числом добавить, что там, по крайней мере в то время, не было того общеевропейского и общезападного чувства единства, основанного на общей культуре, которое, несмотря на все разногласия, нельзя не заметить у западных народов и их представителей в ходе их общения и которое сближает их и порождает у них определенную солидарность.

Конечно, представителям великих держав, которые имели общие политические интересы с Советским Союзом, приходилось детально обсуждать различные вопросы. В этом плане интересны опубликованные в 1941 году доклады и другие документы бывшего посла США в Москве Дж.Э. Дэвиса за 1937–1938 гг. Дэвис имел в Москве значительно большие возможности, чем другие дипломаты. Советское правительство относилось к нему с повышенным вниманием и крайне любезно. В книге он упоминает, что за короткое время (он пробыл в Москве лишь около 12 месяцев) у него состоялось 14 завтраков, обедов или иных встреч с высокими советскими представителями. Насколько мне известно, это было крайне необычно в условиях Москвы. Со Сталиным, правда, он встречался лишь один раз, было это во время прощального визита посла к Молотову. В распоряжении Дэвиса был эффективный аппарат,

в который входили как большой персонал посольства, так и представители американской печати в Москве. Подобные возможности, конечно, были и у других великих держав, но представители малых государств с небольшими штатами посольств находились в совсем другом положении. Дэвис рассказывает, что Калинин, принимая его с прощальным визитом, сказал, что с пониманием относится к тому, что послу на новом месте, в Брюсселе, будет гораздо лучше, чем в Москве, а также что жизнь дипломата в Москве не так уж и приятна, поскольку имеет свои ограничения, связанные с тем, что контакты между советскими представителями и дипломатическим корпусом не столь оживленны, как в других странах. Дэвис ответил, что полностью согласен с мнением Калинина относительно того, что дипкорпус в Москве находится в непростом положении, но, добавил он, это не идет на пользу не только дипкорпусу, но и советскому правительству, поскольку расширение контактов между людьми могло бы способствовать лучшему пониманию Советского Союза и его правящих кругов дипломатами и министрами иностранных дел других государств. По мнению Калинина, существующее положение определяется ситуацией в мире: народ России считает, что находится в окружении вынашивающих агрессию враждебных государств, и в этом основная причина отсутствия свободного общения с представителями дипкорпуса. Вторая причина, как утверждал Калинин, заключается в том, что ответственные посты в Советском Союзе, в отличие от некоторых капиталистических государств, занимают люди «первого поколения», перед ними стоят новые большие задачи, они напряженно работают весь день, и у них нет времени на завтраки, обеды и другие мероприятия, к которым привыкли в дипкорпусе для поддержания контактов. Со временем дело исправится, считает Калинин.

Я привожу здесь разумные и правильные слова Калинина из книги Дэвиса, поскольку они разъясняют условия Москвы, которых я также коснулся в выше упомянутом докладе.

«Другая характерная особенность местных условий, – продолжал я в своем докладе от 18.06.1940, – заключается в том, что здесь невозможно войти в контакт с русскими, занимающими неофициальное положение. По сути дела здесь нет неофициальных людей, поскольку все они зависят от государства, все едят

“государственный хлеб”. Здесь нет “обществ”, как в остальном мире, где дипломаты встречаются с официальными представителями и другими людьми и получают прямую или косвенную информацию о том, что здесь происходит и о чем здесь говорят. Следствием этого стало то, что дипкорпус оказался в замкнутом круге, изолированным от внешнего мира. В результате сведения дипломатов о жизни в стране, ее развитии явно неполные. Так же недостаточно у них информации о политике Советского Союза, она поступает только из “Правды” и “Известий”. Поэтому разговоры здесь очень поверхностные и полны предубеждений. Когда мы беседовали на эту тему с одним посланником, он рассказал, что с удивлением услышал в компании дипломатов в искаженном виде свою же историю, которую ранее рассказал кому-то из коллег... По общеполитическим вопросам наилучшей информацией располагает посольство Германии, что, естественно, связано с нынешним характером отношений Германии и Советского Союза и действующим договором от августа 1939 года. В своих высказываниях германские дипломаты, однако, крайне осторожны. Осенью 1939 года посольство Германии, например, было уверено, что если между Финляндией и Советским Союзом не будут урегулированы все вопросы, то Советский Союз начнет войну против нашей страны. Эта точка зрения, к сожалению, полностью оправдалась. Большинство других дипломатов, напротив, высказывали противоположное мнение.

Обязанность дипломатов – сообщать своему правительству о том, что они слышат. Для того, чтобы подготовить информацию, иногда им приходится проявлять немалую настойчивость. В Москве больше, чем где-либо, источником информации были беседы дипломатов между собой, которые часто не имели под собой иной основы, кроме как собственные предположения и умозаключения, иногда с использованием новостей и статей в газетах, услышанных радиопередач. В подобных условиях легко возникали и распространялись слухи. Летом и осенью 1940 года Финляндия стала объектом самых диких слухов, которые активно распространялись в московском дипкорпусе. При этом никто не преследовал злых намерений. Напротив, дипломаты относились к нашей стране с большим сочувствием, а опасности, грозившие нам, вызывали озабоченность. Обо всех слухах мне прямо не рассказывали, но мой ближайший друг среди дипломатов Ассарссон держал меня в курсе

дела. Подобное распространение в дипломатических кругах слухов, чтобы не назвать их сплетнями (у меня уже был не очень приятный опыт на этот счет с моих времен работы в банке в Хельсинки), печальное явление в кризисные времена, но с этим ничего не поделаешь.

Как я заметил, из бесед с дипломатами мало что можно извлечь конкретного, поскольку они не говорят о том, что знают лучше всего, – о жизни в своей стране. В целом, стоит как можно меньше говорить с дипломатом о делах в его собственной стране, поскольку каждый будет говорить о ней только хорошее, а о плохом он либо умолчит, либо начнет его приукрашивать. Тогдашний румынский посланник Давидеску заверял меня в конце мая 1940 года, что Румынии не стоит бояться чего-либо со стороны Советского Союза в вопросе о Бессарабии, поскольку незадолго до этого на сессии Верховного Совета Молотов сказал, что Советский Союз не начнет из-за этого войну. В целом, подчеркнул посланник, позиции Румынии очень хорошие, поскольку она никому не предъявляет каких-либо требований. На это я не мог не заметить, что и мы не хотели ни от кого ничего, но тем не менее на нас напал Советский Союз. Еще 12 июня 1940 года Давидеску говорил, что он настроен по-прежнему оптимистично. Двумя неделями позднее Молотов вручил ему ультиматум по вопросу о Бессарабии. Однако германская дипломатия в Бухаресте начала намекать на намерения Советского Союза в этой связи еще начиная с декабря 1939 года, а весной 1940 года высказывала эту мысль уже в более ясной форме, и было это до тех пор, пока посланец фон Риббентропа наконец не сообщил соответствующим представителям в Бухаресте о своих опасениях, что «русские приняли решение вернуть все свои границы 1914 года». Вопрос о Бессарабии был к тому времени решен в договоре между Советским Союзом и Германией от 23 августа 1939 года (*Gafencu G. Op. cit. P. 67, 301–303*). Нельзя предположить, что посланник Румынии в Москве не был в курсе происходящего, но следует также понимать, что ему не хотелось выкладывать мне свои плохие предчувствия, поэтому он твердо заверял, что Румынии нечего бояться.

Учитывая условия Москвы, представительские мероприятия и светская жизнь дипкорпуса были скромнее, чем на Западе. Молотов и другие высокие советские представители очень редко принимали приглашения на мероприятия дипкорпуса, а неофициальных

российских салонов здесь, как уже говорилось, не было. Общение происходило главным образом между дипломатами. Представительские функции, которые необходимы, но требуют от дипломатов много времени и бывают весьма обременительными, в Москве не были столь тяжелыми. Мы с супругой свели их к минимуму. Но и при этом времени не хватало. Чтение газет и журналов, а также знакомство с основной советской литературой занимало все то время, которое оставалось от работы, от обдумывания проблем, а также от многочисленных забот, которых у меня в тех условиях больше чем хватало. К сожалению, я почти совсем не успевал знакомиться с советской художественной литературой, хотя такая литература является наилучшим путем для понимания души и жизни народа. Но зато мы с супругой бывали в опере и на балете, все было на очень высоком уровне. Иногда Наркоминдел приглашал дипкорпус на концерты. И, конечно же, мы посещали художественные и другие московские музеи.

В годовщину Октябрьской революции, 7 ноября, Молотов устраивал большой прием для членов дипкорпуса в великолепных представительских помещениях Наркоминдела, бывшем особняке семьи Морозова, известного московского богача и промышленника. Этот особняк по названию улицы называли «Спиридоновка». Присутствовали ближайшие помощники Молотова – Вышинский, Деканозов и Лозовский, а также маршал Тимошенко и другие представители высшего военного руководства. Гости приглашались к 22 часам, музыкальная программа начиналась в 23 часа, после чего в 0.30 переходили к столам, где нам предлагали великолепный ужин с большим выбором хороших блюд и напитков, вина были только российские. После ужина в 3.30 начинались танцы, которые продолжались до утра. Большевики не отказались от старого русского обычая ночных бдений.

В обязанности нового посланника входят визиты к своим коллегам, дипломатическим представителям других государств. В ходе этих первых встреч многие дипломаты произносили красивые слова, иной раз прямо-таки торжественные речи в связи с финской войной. «Но не стоит придавать этому значения, на фоне больших

событий в Европе местная финская война забыта», – писал я в своем докладе.

Из своих записей того времени приведу лишь следующую: «Многие дипломаты выражали удивление по поводу военной слабости Англии и Франции, а также отсутствия у них дальновидности. По всей вероятности, будучи ослеплены великим прошлым (так мне говорили и, по-моему, были правы), Англия и Франция проводят более масштабную политику, чем это позволяют их вооруженные силы. Особо критиковались их щедрые обещания (Чехословакия, Польша, Норвегия, Бельгия, Голландия), которые впоследствии они оказались не в состоянии выполнить. “Повезло, что англичане не успели вмешаться в ваши дела. Иначе где бы вы сейчас оказались?”, – говорил венгерский посланник. С другой стороны, налицо недооценка сил Германии. Причина этого в значительной степени состоит в том, говорил болгарский посланник, что немецкие эмигранты повсюду распространяли утверждения о слабости Германии. Это наблюдение болгарина, на мой взгляд, соответствует действительности, так же и русские эмигранты в значительной степени стали причиной недооценки силы Советского Союза».

После переезда в конце апреля в собственное здание посольства постепенно навели порядок со штатами. Старшим дипломатом стал опытный, хорошо знакомый с местными условиями советник посольства Ньюкопц, который с осени выполнял обязанности секретаря. Советник-посланник Хаккарайнен, великолепно владевший русским языком и знающий Россию и Москву, вернулся в Хельсинки. Принимая во внимание важность должности военного атташе, предложил назначить на нее офицера в звании полковника. В результате им стал полковник Люютинен, помощником которого был капитан. В течение лета все дипломатические и административные должности были заполнены. Конечно, не обошлось и без некоторых трудностей, поскольку владение русским языком было необходимо, я считал, что без этого нельзя удовлетворительно выполнять свои обязанности в Москве.

В середине октября мне на помощь прибыл советник-посланник П.Й. Хюнинен, наш бывший посланник в Таллине. Я был очень доволен. Я уже давно знал его как опытного

рассудительного человека, а также как хорошего друга. Хюнинен был моим помощником в Москве, «Conseiller Ministre Plènipotentiaire», вплоть до моего отъезда, а затем – поверенным в делах до начала войны. Мы с ним подробно обсуждали все важнейшие дела и политику, и между нами никогда не было разногласий.

III

Выполнение Мирного договора

Выполнение Мирного договора потребовало прояснения многих вопросов. У нас было много работы. Я бывал в Кремле у Молотова иногда каждый день, иногда через день, в промежутках встречался в Наркоминделе с его первым заместителем Деканозовым, который также занимался финскими делами и присутствовал на переговорах. После первой встречи в Кремле мы с Войонмаа вернулись в час ночи, но часто переговоры там продолжались и дольше. Русские по характеру совы, но меня это не беспокоило, поскольку я такой же.

Помимо действий, необходимых для выполнения Мирного договора, потребовалось обсуждение целого ряда экономических вопросов, в отношении которых в договоре ничего не говорилось, как это было в Тартуском договоре, который из-за войны прекратил свое действие. Еще в ходе мирных переговоров мы предлагали включить экономику в договор, но Молотов хотел провести по ним отдельные переговоры.

Первоочередной задачей было точное описание пограничной линии и ее демаркация на местности. В соответствии со ст. II Мирного договора это должна была сделать смешанная комиссия, образованная в течение десяти дней со дня подписания договора. Его председателем с финской стороны был назначен Илмари Бонсдорфф и с советской – комдив Василевский. Кроме того, в него входили по три представителя с каждой стороны: от нас вице-судья Хакцелль, генерал-майор Аппельгрэн и подполковник Аминофф. Договорились также о сроках завершения демаркации границы, сначала на юге, затем на севере.

Мы предложили: для избежания пограничных конфликтов вплоть до полной демаркации государственной границы оставить

между вооруженными силами двух стран зону шириной в два километра, «ничейную землю». Молотов, однако, на это не согласился, поскольку считал, что именно это может стать причиной конфликта. Он добавил, что в подобной зоне не было необходимости и между советскими и германскими войсками. В ходе разговора на эту тему я заявил, что советские войска намерены оккупировать Энсо¹⁴, хотя, по нашему мнению, город находится на финской стороне от пограничной линии. Просил советское правительство дать войскам команду оставлять спорные районы «ничейной землей» до тех пор, пока смешанный комитет не определит их принадлежность. Через несколько дней я вновь поднял тему Энсо, т. к. советские войска продвинулись вперед на несколько лишних километров. Российские генералы, участвовавшие в переговорах, заявили нашим представителям, что не хотят продолжать беседу по этому вопросу. Напомнил слова Молотова о том, что намерения Советского Союза носят лишь военный характер, и не преследуют цели причинить ненужные экономические трудности. Молотов определенного ответа не дал. Сложилось впечатление, что Советский Союз с самого начала намеревался потребовать себе промышленные предприятия, находящиеся в Энсо.

Смешанная комиссия провела первое заседание в начале апреля, когда советская делегация внесла предложение по протоколу с описанием границы и приложением карты. Это предложение, однако, не было взято за основу переговоров, т. к. в соответствии с ним граница проходила примерно по территории, оказавшейся оккупированной в результате последних передвижений советских войск. В результате технических измерений, произведенных специалистами обеих сторон, линия границы с карты мирного договора была перенесена на более точную карту, и теперь она проходила на 1–2 км восточнее, чем была обозначена в советском предложении. Линия, базирующаяся в основном на измерениях, была определена, и Финляндия получила территорию на 400 кв. км больше, чем первоначально предлагала советская сторона. Единственный пункт, по которому комиссия не пришла к единогласию, касался территории Энсо с его большими промышленными предприятиями и поселением.

¹⁴ Ныне Светогорск.

Предприятия в Энсо с электростанцией на порогах реки были очень важны для нас. Компания «Энсо-Гутцейт», принадлежавшая в основном государству, в районе Вуоксенлааксо, «финском Руре», построила большой производственный комплекс, вложив туда крупные средства. За много лет до Зимней войны я спросил у генерального директора «Энсо-Гутцейт» Котилайнена, зачем же они вложили так много капитала в предприятия, которые в случае войны оказывались под угрозой. Котилайнен ответил, что это обстоятельство не учитывалось. Вопрос был продиктован моим осторожным характером, но о катастрофе, подобной Московскому миру, я не думал. Котилайнен тогда, конечно, не мог понять моего пессимизма. Его ответ отражал мнение подавляющего большинства народа Финляндии, который не принимал всерьез возможность войны.

Из моего дневника 14.04.1940: «Сейчас Энсо под серьезной угрозой. Русские считают, что он принадлежит им. Посмотрим, как все обернется... В последние годы иной раз мы вели себя довольно легкомысленно. Мы инвестировали большие средства в Восточной Финляндии («Энсо-Гутцейт», «Каукопяя» и др.), хотя это самая опасная часть нашей страны. (Внимание! Что я говорил Котилайнену еще много лет назад!) ... Но уж поскольку мы это делали, то следовало проводить такую политику, чтобы избежать войны с Россией – осторожную политику».

Финские члены смешанной комиссии зафиксировали в протоколе свое особое мнение, в котором говорилось, что если при проведении пограничной линии следовать принципам, применяемым во всех других местах, то она должна находиться к югу от заводов Энсо, но, поскольку советская делегация заявила, что при заключении мирного договора имелось в виду, что граница пройдет через железнодорожную станцию Энсо, то она так и была проведена, и протокол, подписанный комиссией, содержит именно это положение.

9 апреля Молотов сообщил, что нанесение границы на карту завершено, и добавил, что нахождение заводов «Энсо» и железнодорожной станции на территории, относящейся к Советскому Союзу, сомнений не вызывает. Единственное, что Советский Союз был готов обсуждать, это один холм и сельская

ферма, которые советская сторона могла бы оставить на территории Финляндии. В свою очередь я вновь обратил внимание на неоднократные заявления советской стороны о том, что она исходит из военных, а не экономических соображений. Энсо не имеет никакого военного значения, но его роль для экономики Финляндии исключительно велика. Добавил, что пока не готов делать окончательного заявления по вопросу об Энсо. Молотов в присущей ему резкой форме подтвердил, что Советский Союз не может в этом вопросе идти на уступки.

Через несколько дней я вручил Молотову памятную записку, в которой, в частности, говорилось, что, по нашему мнению, при проведении пограничной линии в районе Энсо необходимо следовать тем же методам, что и на других участках границы, а именно, при проведении пограничной линии следует отталкиваться от ориентиров, отчетливо обозначенных на карте Мирного договора. Следуя этому методу, и российские эксперты пришли к выводу, что предприятия на территории Энсо должны оставаться на финской стороне. Молотов, однако, продолжал настаивать на том, что линия границы должна проходить через железнодорожную станцию. В памятной записке я обращал внимание на то, что на карте, прилагавшейся к Мирному договору, станция нанесена неправильно. Масштаб этой карты был столь мал, что находящаяся на ней толстая линия границы соответствовала почти двум километрам на местности. В случае с Энсо вопрос стоял о том, будет ли граница проведена на 1,5–2 км севернее или южнее. Прочитав мою памятку, Молотов резко сказал, что обсуждение вопроса завершено, поскольку смешанная комиссия единогласно подписала протокол, который является основным документом, и он сам его читал. «Дам и Вам прочесть, чтобы сами увидели», – сказал он и приказал своему секретарю принести бумаги. Через мгновение секретарь вернулся без протокола, поскольку ответственный служащий уже ушел из Кремля – время было 23:30, в связи с чем Молотов высказал своему секретарю неудовольствие. Он обещал мне письменный ответ, который я получил через несколько дней. Советский Союз не сдавался.

Вскоре после этого в Москву прибыли финские члены смешанной комиссии. Они рассказали, что на ее заседаниях они сделали все возможное для спасения Энсо, но, похоже, у русских

было указание правительства. Учитывая политическую ситуацию, правительство Финляндии сочло, что в вопросе о границе необходимо выходить на решение. Члены комиссии считали, что если они внесут в протокол свое особое мнение, то это только осложнит положение.

Я попробовал еще раз. Поднял вопрос перед Молотовым, опять последовал продолжительный разговор, но, к сожалению, без результата. Когда я пришел к выводу, что сделать больше ничего нельзя, то сообщил о своей готовности подписать протокол о границе с картами.

Из моего дневника 29.04.1940: «Мы потеряли Энсо. Печальный документ, протокол о границе, который всего лишь производное от мирного договора и несчастной войны, которая, в свою очередь, следствие плохой внешней политики».

Позднее с российской стороны последовало предложение об изменении границы в районе Энсо так, чтобы Советскому Союзу за компенсацию с его стороны был передан район размером в 3,5 кв. км, который органически входил в поселение Энсо. В качестве компенсации российская сторона сначала обещала участок размером в 18 кв. км, расположенный между селом Нуйямаа и деревней Конну, затем Молотов прибавил к нему участок размером в 8 кв. км (т. н. район Паавола вблизи Илме), а также миллион рублей. Я долго обсуждал этот вопрос и торговался с Молотовым и генеральным секретарем НКВД Соболевым. В целом это дело показало, как сложно вести переговоры с русскими. На территории, отходящей с Советскому Союзу, оказалось значительное количество лесоматериалов, сырья и полуфабрикатов, относящихся к Энсо. Поскольку лесоматериалы находились в воде, а сама территория и подъемное оборудование отошли к Советскому Союзу, то мы предложили, чтобы Советский Союз передал Финляндии соответствующее количество леса со складов в Энсо. Советское правительство на это ответило, что оно не возражает против вывоза лесоматериала силами Финляндии, но не принимает наше предложение об обмене леса. Меня, старого хозяйственника, удивил подобный отказ от разумного предложения, которое в обычной коммерческой жизни было бы сочтено само собой разумеющимся. В

конечном счете Советский Союз, однако, согласился купить лес, о котором идет речь.

Определение границ арендованной территории в Ханко по совместной договоренности было передано особому комитету, в который входили по два представителя от каждой стороны. От Финляндии это был капитан третьего ранга Койвисто и вице-судья Вестман.

В Финляндии придерживались той точки зрения, что поскольку речь шла об аренде территории Ханко, то было необходимо следовать тем юридическим нормам, которые вытекали из этого факта. Обоснованно считали, что советские представители имели право пользоваться принадлежащими финскому правительству и расположенными на этой территории сооружениями и строениями, но если в военных или административных целях использовалась частная собственность, то ее владельцу должна быть выплачена компенсация. После окончания периода аренды как государственная, так и частная собственность должны быть возвращены в первоначальном виде или должна быть компенсирована потеря ею стоимости. Мы также считали, что жителям Ханко, которые оставались гражданами Финляндии, должны быть гарантированы право собственности и другие экономические права, право на непрерывную предпринимательскую деятельность, свободу вероисповедания и право на получение образования на собственном языке в том же объеме, что и в остальной Финляндии. По отношению к местным жителям следовало применять законы Финляндии во всех случаях, кроме касающихся взаимоотношений с советской военной администрацией. Для обеспечения гарантий финскому населению было необходимо также зафиксировать принципы взаимодействия административных и правовых представителей Финляндии и Советского Союза. На территории Ханко не могло находиться иное нефинское население, кроме определенных в мирном договоре представителей военно-морских, сухопутных и военно-воздушных сил. Финские и иностранные торговые и местные суда могли бы пользоваться согласованными фарватерами на водной территории. Передали Молотову подготовленную в Хельсинки памятную записку, в которой предлагали заключить соглашение по всем этим вопросам, а также о порядке внесения арендной платы.

Молотов, однако, не принял наш юридический подход. По мнению Советского Союза, было достаточно обменом нотами договориться о сроках внесения арендной платы, а также определить точные границы арендуемой территории. Советский Союз не мог согласиться на компенсацию жителям арендуемой территории за использование их собственности, а также разрешить финским судам проходить через арендуемые воды. По этим вопросам состоялась продолжительная дискуссия. На мое замечание о необходимости каким-то образом обеспечить права финских граждан на арендуемой территории, возможности для их учебы и т. д. – там ведь может остаться самодеятельное и другое население – Молотов ответил, что там нет никого, кроме финского офицера связи и трех старых бабок, ведь Финляндия эвакуировала оттуда всех жителей. «Но туда могут вернуться люди позднее», заметил я, на что Молотов ответил, что если там когда-нибудь появятся люди, то тогда и обсудим эту тему. На вопрос, как будут организованы взаимоотношения между административными и юридическими властями Финляндии и Советского Союза, Молотов ответил: «Там не будет никаких властей, кроме советских военно-морских представителей». Я: «Но ведь у Советского Союза есть право аренды, например, на Шпицбергене, и, несмотря на это, там гарантированы права норвежских властей». Молотов: «На Шпицбергене мы не арендовали никакой территории под военно-морскую базу, так, как в Ханко. На территории Ханко не может быть никакой другой власти, кроме советских военно-морских представителей до тех пор, пока договор об аренде в силе». На этом разговор был закончен. Договор о границах арендуемой территории с прилагаемыми картами был подписан. Путем обмена нотами установили, что арендная плата вносится каждые полгода. Учитывая сложившееся положение, другие вопросы, поднятые мною, имели чисто теоретическое значение.

В соответствии со ст. IV Мирного договора Финляндия обязывалась вывести свои вооруженные силы с территории Ханко в течение десяти дней с даты вступления договора в силу, после чего полуостров Ханко с прилегающими островами переходил Советскому Союзу. Передача состоялась 22 марта 1940 года в 24 часа. Ранее в тот же день на основе отдельной договоренности в Ханко самолетом прибыла советская военная комиссия для подготовки приема войск.

Помимо Энсо, территорию которого советские войска оккупировали до окончательной демаркации границы, военные власти Советского Союза, несмотря на сопротивление финских представителей, намеревались оккупировать некоторые другие места, которые в соответствии с прилагаемыми к Мирному договору картами должны были остаться у Финляндии. По этому поводу я многократно высказывал Молотову свои замечания. В одном случае местное советское начальство обосновывало свои требования, отличающиеся от линии границы, обозначенной в Мирном договоре, полученным сверху письменным приказом. Подобные требования в течение многих дней высказывались и после того, как войска уже вышли на демаркационную линию в местах, обозначенных в протоколе к Мирному договору. Для того, чтобы избежать серьезных конфликтов нашим войскам было запрещено применять оружие. В отдельных случаях из-за резких требований с советской стороны нам приходилось уступать районы, которые явно должны были оставаться у Финляндии. Мы неоднократно требовали, чтобы советское правительство дало общее указание о необходимости соблюдения демаркационной линии, а в спорных случаях ожидать решения смешанной комиссии. Молотов любезно обещал немедленно предпринять необходимые меры в случае отступления от линии границы, обозначенной на прилагаемой к Мирному договору карте. Вопрос в конечном счете был улажен за исключения случая с Энсо, где произошло так, как я рассказывал.

Первое время много неприятностей было с нарушениями границы военными и – меньше – гражданскими лицами. Причиной были в основном недоразумения, поскольку новая граница не была ясно обозначена. В большинстве случаев это было связано с неправильным представлением о направлении прохождения границы, в других – с ошибками ориентации. Весной и летом из-за конфликтов на границе русские задержали несколько десятков финских солдат, даже осенью под арестом у русских было 40 финнов. Я неоднократно вносил предложения об их освобождении. Советское правительство в силу своей подозрительности заняло в этом вопросе жесткую позицию. Нас подозревали неизвестно в каких тайных намерениях. 17 апреля у меня состоялась беседа с Молотовым, которая оказалась одной из самых неприятных. У него было три невеселых дела: Энсо, пограничные конфликты и оборудование,

которое было вывезено с промышленных предприятий, находящихся на территории, переданной уже после подписания Мирного договора. (Об этом более подробно позднее). «Молотов ни в одной беседе ранее, даже в день начала мирных переговоров 8 марта, не выглядел так мрачно, как вчера», – писал я министру иностранных дел. О пограничных конфликтах он говорил очень горячо и резко, даже угрожающе, и несколько раз повторил, что советское правительство воспринимает их очень серьезно. Он сказал, что считает эти конфликты провокацией и расценивает как шпионаж. В числе нарушивших границу был один человек с русской фамилией, которого они приняли за российского белогвардейца. Молотов потребовал немедленного прекращения нарушений границы, в противном случае они могут привести к печальным последствиям. Он особо подчеркнул, что обращается ко мне как к посланнику Финляндии, официальному представителю правительства своей страны.

Ответил, что мы также заинтересованы в прекращении конфликтов на границе, для чего отвели войска и пограничную охрану на полкилометра от границы, и на следующий день сообщил, что отвод осуществлен на один километр. Новая граница не везде ясно обозначена, и это может вести к недоразумениям. Молотов ответил, что с советской стороны нарушений не происходит, в то время как с финской – за последние дни их было несколько. Он добавил, что если подобные дела будут продолжаться, то они будут безжалостно обращаться с нарушителями, если же какой-либо русский нарушит границу и перейдет на финскую сторону, то «у нас не будет никаких требований в его отношении». «Не знаю, насколько искренни утверждения русских. Однако я не думаю, что они имеют цель спровоцировать конфликты в качестве повода для каких-то новых действий», – писал я в докладе министру. «Тем не менее очевидно, что они по-прежнему имеют в отношении нас подозрения, рассеять которые или даже уменьшить совсем непросто».

Через несколько дней у нас с Молотовым вновь был продолжительный разговор о нарушениях границы. Я смог сообщить ему, что человек с русской фамилией, которого они приняли за «белогвардейца», родился в Финляндии и всю свою жизнь прожил там в качестве гражданина Финляндии. Молотов выглядел несколько успокоившимся и высказал надежду, что нарушения границы,

наконец, прекратятся. В другой беседе, когда я вновь пояснил, что нарушения границы происходят в результате ошибок и связаны с неопределенностью линии границы, Молотов утверждал, что финские солдаты-нарушители – шпионы, которые будут осуждены по законам Советского Союза. После того, как новая граница была обозначена на местности, нарушения сократились, а затем и прекратились. Однако, несмотря на наши усилия, всех задержанных финнов спасти не удалось. С советской стороны сообщили, что четверо из них погибли в конфликте. Где были другие и живы ли они, установить не удалось.

В переговорах сразу после ратификации Мирного договора с нашей стороны было предложено для предотвращения пограничных конфликтов заключить соглашение, подобное заключенным после Тартуского мира в 1922 и 1928 гг. Предлагалось для обсуждения пограничных конфликтов назначать пограничных уполномоченных с заместителями, а также специальную комиссию, которая рассматривала бы пограничные конфликты, если уполномоченным не удавалось прийти к единому мнению. С советской стороны было сообщено о принципиальной готовности к заключению подобного соглашения. Осенью я передал наши предложения Молотову, но конечного результата достичь не успели. Для предотвращения конфликтов и их обсуждения вскоре после вступления мира в силу были временно назначены специальные уполномоченные: с финской стороны генерал-майор Лаатикайнен и с советской – комдив Степанов.

С отошедших от Финляндии территорий население выехало почти полностью, частично во время войны, частично после установления мира. На советской стороне осталось немногим более двух тысяч жителей, основная часть в приграничных деревнях Суоярви, в т. н. повороте Хюрсюля, на северном Каластаясааренто¹⁵, а также небольшое число в Финском заливе на островах Лавансаари (Мощный, Лавенсаари) и Сейскари (Сескар). С самого начала Молотов сообщил, что тем лицам, которые еще не выехали, советская сторона предоставит возможность на определенных условиях выехать в Финляндию в течение установленного времени. Советское

¹⁵ Ныне полуостров Рыбачий.

правительство издало точный перечень собственности, которую каждый отправляющийся в Финляндию мог забрать с собой. При этом было объявлено, что перечень составлялся по тому же принципу, что и в свое время с Германией в аналогичном случае. Похоже, что переезд населения в Финляндию вызвал в Кремле удивление.

Поскольку с самого начала не было ясно, сколько финнов останутся на отходящих территориях, в ходе мирных переговоров, а также в переговорах сразу после установления мира мы подняли вопрос о правах остающегося населения (самоуправление, право собственности, свобода вероисповедания и т. п.), а также о его возможности в течение определенного времени после установления мира переехать в Финляндию, как это было согласовано в Гартуском мире для аналогичных случаев. По мнению советского правительства, однако, эти вопросы были внутренним делом Советского Союза и их предполагалось решать на основе законов страны. По сути дела, вопрос носил теоретический характер, поскольку население почти полностью перебралось в Финляндию. В ходе переговоров Молотов отметил, что основания для какого-либо соглашения отсутствуют, поскольку Финляндия эвакуировала все свое население. «Мы не вмешиваемся в дела финских служащих, это их дело. Там почти никого не осталось. А если есть такие, кто хочет уехать, мы им мешать не будем», – говорил он. Хотя полный отъезд жителей и удивлял Кремль, но, возможно, что это вызывало его удовлетворение, поскольку облегчало русификацию этих территорий.

Когда Финляндии по Мирному договору пришлось отдавать свою территорию, которая к концу войны стала уже фронтом, население оттуда съезжало исключительно быстро также и потому, что советские войска во многих районах продвигались и занимали их быстрее, чем переговорщики согласовывали соответствующие протоколы. В результате люди не успевали вывезти принадлежащее им имущество и товары: зерно, корма, сельскохозяйственные машины и т. п. Поэтому мы предложили, чтобы финнам было предоставлено право под контролем советской военной администрации забрать свое имущество в первую очередь в местах, находящихся вблизи дорог, например в полосе шириной 30 км от новой государственной границы. В первую очередь речь шла о

районе Сортавала, который был в руках финнов вплоть до заключения мира. Я ссылаясь на часто раздававшиеся с советской стороны заверения, что речь идет главным образом о военных, а не экономических соображениях. Молотов высказал сомнение в целесообразности предлагаемого порядка, поскольку он может привести к конфликтам, но обещал проконсультироваться с военными, которые, однако, выступили против этой идеи. Так что предложение не было реализовано.

В соответствии с протоколом, прилагаемым к Мирному договору, обмен военнопленными должен был быть произведен в как можно более короткое время на основе отдельного соглашения. Мы, в частности, предложили дать каждой стороне право пригласить гражданина третьего нейтрального государства присутствовать на мероприятиях обмена, чтобы он мог констатировать, что обмениваемые военнопленные хотят вернуться на родину, а также в целом контролировать надлежащий ход обмена. Советское правительство не приняло ни это, ни некоторые другие наши предложения. Обмен был завершен к 7 июня, Советский Союз передал 847 финнов, что примерно соответствовало нашим подсчетам. Финляндия, в свою очередь, передала 5468 российских военнопленных. Обращает на себя внимание сравнительно небольшое число пленных с каждой стороны по сравнению числом погибших и раненых.

Уже в ходе переговоров о мире Молотов поднял вопрос об освобождении находящегося в заключении Антикайнена¹⁶. Рюти ответил, что вопрос о помиловании будет рассмотрен в соответствии с финским законодательством, и он не связан с обменом военнопленными, но добавил; «Посмотрим, что можно сделать». Казалось, что эта тема была близка сердцу Молотова. Он расценил ответ Рюти как обещание поддержать перед президентом обращение о помиловании Антикайнена и о его возвращении в Советский Союз. Молотов поднимал тему Антикайнена, а также другого финна, находящегося в заключении, Тайми¹⁷ на четырех заседаниях и

¹⁶ *Тойво Антикайнен* – финский политик, один из организаторов и руководителей Коммунистической партии Финляндии, активный участник гражданской войны в Финляндии и России. Находился в Финляндии на нелегальном положении, был арестован, осужден и сидел в тюрьме.

¹⁷ *Адольф Тайми* – финский революционер, советский общественный и

постоянно спрашивал, не получил ли я сообщения о решении вопроса. В конечном счете президент помиловал Антикайнена и Тайми, которые были высланы из Финляндии. Одновременно меня попросили получить устное заверение Молотова, что ни Антикайнен, ни Тайми не будут находиться на переданных СССР территориях. Молотов ответил, что трудно отступить от закона в отношении двух человек, но заверил, что упомянутые лица не причинят нам неприятностей. В заключение он обещал последовать нашему пожеланию по крайней мере на начальном этапе и сказал, что посоветуется с «другими людьми». Таким образом была завершена эта скучная история, которая на фоне других сокрушительных событий 1939–1940 гг. была второстепенной.

Поскольку численность находящихся в Финляндии военнопленных многократно превышало число финнов в советском плену, то в связи с проводившимся обменом мы попробовали вернуть финнов, перешедших в Советский Союз в годы кризиса, т. н. «перебежчиков». Их было около пяти тысяч и их большая часть, заметив, что условия жизни в Советском Союзе не соответствовали их ожиданиям, хотели вернуться на старую родину. В предыдущие годы мы неоднократно пытались добиться для них разрешения на выезд из СССР, но советское правительство неизменно нам отказывало. Большая часть их получила советское гражданство. Позиция Советского Союза отличалась от подхода западных государств, которые не препятствуют гражданам переезжать в ту страну, которая была готова их принять. Но и на этот раз мы потерпели неудачу. Молотов сообщил, что по законам СССР вопрос о праве советского гражданина на выезд из страны решается Президиумом Верховного Совета, и каждый случай рассматривается отдельно. Советский Союз имеет протяженные границы и нам надо быть очень строгими в отношении их пересечения, чтобы сохранять порядок, так объяснял Молотов. Это же он подчеркивал при обсуждении случаев нарушения границы финнами в первое время мира. Дело «перебежчиков», которому Юрьё-Коскинен¹⁸ посвятил много времени до войны, развития не получило.

политический деятель, с 1927 г. на нелегальной партийной работе в Финляндии, был осуждён там к 15 годам тюрьмы.

¹⁸ Аарно Армас Сакари Юрьё-Коскинен – финский политический деятель и дипломат.

Поскольку Московский договор, в отличие от Тартуского, не содержал положений, касающихся порядка поддержания регулярных отношений и контактов в различных областях, то это следовало обсудить отдельно. На первом же заседании предложили начать переговоры по многим вопросам: об организации взаимодействия почтовых, телеграфных и железнодорожных служб. Вопрос о железнодорожном сообщении потребовал длительных и изнурительных переговоров, о которых я расскажу позднее. Советское правительство сообщило о принципиальном согласии на возвращение архивов с переданных территорий, но, несмотря на мои ускоренные действия, вопрос не был решен. Мы также предложили, правда, безрезультатно, провести переговоры о правах на рыболовство в Финском заливе и в Северном Ледовитом океане. Относительно рыболовства в Финском заливе и ранее не удалось добиться соглашения, предусмотренного Тартуским мирным договором. Молотов говорил, что будет лучше, если граждане каждой страны будут ловить рыбу в своих территориальных водах, иначе возможны конфликты. На мое замечание, что в водах Финского залива граждане Финляндии занимались рыболовством с прежних, древних времен, Молотов ответил, что в этих водах военные будут заниматься своим делом, «и рыбакам там делать нечего. Позднее посмотрим, есть ли основания для переговоров». Они также отказались от переговоров по рыболовству в территориальных водах в Северном Ледовитом океане, поскольку рыболовство у побережья Финляндии в Печенге не интересовало Советский Союз, а Мирный договор не позволял заниматься рыболовством в советских водах. Занимая негативную позицию в этом вопросе, советское правительство, очевидно, исходило из военных соображений, и присутствие финнов в своих территориальных водах рассматривало как беспокоящее обстоятельство. Предложили также переговоры по сплаву леса морем и плотами по рекам, текущим по территории обоих государств, что было особенно важно в связи с изменением границ. Поначалу Молотов отнесся к этой идее положительно, и мы подготовили детальное предложение по сплаву леса плотами, однако результата не было. Молотов сказал, что советское правительство не может рассматривать этот вопрос с чисто экономической точки зрения. Далее отметили необходимость урегулирования ситуации в

областях, о которых говорилось в ст. IX, XX и XXI Тартуского договора: таможенный контроль, судоходство и поддержание порядка за пределами территориальных вод, паспортные и таможенные процедуры, а также приграничное движение на Карельском перешейке и в других частях. Поскольку после заключения Московского мира картина территориальных вод в Финском заливе серьезно изменилась, например в части залива между городом Котка и островом Суурсаари¹⁹ могли возникнуть проблемные ситуации, то мы подготовили проект договора по границам территориальных вод. Молотов обещал изучить вопрос, но потом об этом мы ничего не слышали.

В ходе ряда переговоров мы пытались добиться права для финских торговых судов передвигаться по переходящим Советскому Союзу части Сайменского канала и Выборгскому заливу, а также зондировали возможность аренды места для перегрузки товара в местечке Уурас для обеспечения дальнейшего, довольно объемного экспорта лесоматериалов по этому пути, но, как и следовало ожидать, без результата. Молотов заявил, что советские военные выступают против передачи таких прав финнам, поскольку уже приступили к работам по укреплению Выборгского залива и Сайменского канала и не хотели бы, чтобы за этими работами наблюдали иностранцы. В конечном счете я предложил предоставить нам такое право хотя бы на один год, поскольку мы не могли столь быстро перевести транспортировку экспортных товаров на другие пути. Молотов высказал предположение, что мы преувеличиваем значение вопроса, поскольку в этом году вряд ли экспорт древесины достигнет значительных величин, «ведь и у вас в последнее время были другие дела, а не только заготовка леса», сказал он. На это я ответил, что наш экспорт лесоматериалов достигал 1.200.000 стандартов; а поскольку производственный процесс длится 2-3 года, то в 1940 году он может составить 800.000 стандартов²⁰. Молотов подчеркнул, что и этот вопрос они рассматривают с оборонительной точки зрения, так что не могут принять наше предложение.

¹⁹ Ныне Гогланд.

²⁰ Стандарт - единица измерения пиленого леса. Ленинградский стандарт равен 165 куб. футов, или 4.672 куб. м.

На тех же переговорах 17 апреля, где Молотов горячо и в угрожающем тоне говорил о нарушителях границы, он коснулся и другого неприятного дела, а именно вывоза в Финляндию станков и оборудования с промышленных предприятий, находящихся на отошедших к СССР территориях. Он передал мне две памятные записки со списками якобы вывезенного оборудования и в категорической форме потребовал его возврата. Это дело приобрело затяжной неприятный характер и продолжалось вплоть до моего отъезда из Москвы.

В статье 6 протокола к Мирному договору говорилось, что «Командование обеих сторон обязуется при отводе войск за государственную границу принимать необходимые меры в городах и местах, которые переходят к другой стороне, к их сохранности и принять надлежащие меры к тому, чтобы города, местечки, оборонительные и хозяйственные сооружения (мосты, плотины, аэродромы, казармы, склады, железнодорожные узлы, промышленные предприятия, телеграф, электростанции) были бы сохранены от порчи и уничтожения». По нашему мнению, было абсолютно ясно, что при этом имелись в виду лишь те хозяйственные сооружения, которые на момент прекращения военных действий, а именно 13 ноября 1940 года в 11 час по финскому времени, находились на уже переданных территориях, поскольку при отводе вооруженных сил за государственную границу не могло быть и речи о «порчи и уничтожении» других сооружений. Разногласия могли возникнуть из-за разного понимания термина «хозяйственные сооружения», т.е. было ли разрешено после завершения военных действий вывозить разрозненные станки и др. или нет. В соответствии с нашей трактовкой упомянутого пункта было разрешено вывозить разрозненные станки, а также демонтировать их, и эта трактовка основывалась на содержащемся в финском законодательстве определении движимого имущества. Однако эта трактовка вряд ли была применима к рассматриваемому случаю, поскольку очевидно предполагалось, что сооружения будут оставлены в том состоянии, в каком они были на момент прекращения военных действий. Советское правительство придерживалось иного мнения, а формулировка ст. 6 в русскоязычном тексте, которой лучше соответствовал бы финский термин «промышленное оборудование», вряд ли давала основания

для финской тракторки. В любом случае в Финляндии вскоре решили после установления мира вернуть вывезенные станки и их части.

С советской стороны выдвигалась и иная тракторка, в соответствии с которой хозяйственные сооружения на переданных территориях должны находиться в таком виде, в каком они были в начале войны, и в соответствии со ст. 6 протокола военное командование обоих государств было обязано предпринять меры для возвращения и восстановления уничтоженных и вывезенных сооружений и оборудования. Восстановление сооружений, разрушенных в ходе бомбардировок, однако, не требовалось. Это была изложенная мне Деканозовым тракторка Кремля. Как Молотов, так и он, а я неоднократно беседовал с ними на эту тему, ссылались на действия российского командования в Печенге, которая во время войны была в руках советских войск, но в соответствии с Мирным договором была возвращена Финляндии, и где электроснабжение и другие службы были восстановлены до вывода оттуда войск.

С советской стороны это нудное дело вели в большой спешке и с большим пылом. Когда я через три дня 20 апреля был у Молотова по другим делам, то он поинтересовался, получил ли я ответ на две памятки по поводу вывезенного оборудования, и добавил, что они не могут долго ждать. Проблема осложнялась, Советский Союз передавал нам одну памятку за другой в связи с вывозом и уничтожением оборудования. В начале июня требования распространились и на вывоз различных предметов с арендованной территории в Ханко.

25 апреля я передал Молотову первый письменный ответ, после чего переписка по этому вопросу продолжилась. От имени правительства я сообщил, что если после заключения мира какие-либо части промышленных сооружений были вывезены или разбиты, то они будут возвращены или их стоимость будет компенсирована. Далее наш ответ содержал подробное разъяснение, в котором на основе проведенного расследования пункт за пунктом было показано, что отсутствие предметов, перечисленных в советской памятной записке, за некоторыми исключениями, было связано с независимыми от войны обстоятельствами (например, с тем, что к началу войны станки находились на ремонте в других местах или

были перевезены еще до войны по другим причинам) или, частично, с эвакуацией, связанной с приближением фронта и воздушными бомбардировками; частично претензии Советского Союза выдвигались ошибочно, поскольку перечисленные предметы не существовали. 7 мая в «Правде» была пространная и злая статья с фотографиями, в которой утверждалось, что вопреки положениям Мирного договора мы варварски выводили из строя промышленные предприятия. Задавался вопрос, кто дал право финским властям так бесцеремонно и грубо нарушать Мирный договор. Публикация была печальным и серьезным событием, поскольку она появилась после того, как я передал нашу первую памятную записку по этому вопросу с ответом на соображения Молотова. Я направил в «Правду» письмо, в котором сообщил о том, что мы в письменной форме информировали Молотова о готовности вернуть или компенсировать предметы, вывезенные в нарушение Договора. Посольские дипломаты, ранее работавшие в Советском Союзе, полагали, что «Правда» вряд ли опубликует это письмо. Но, к моему удивлению, оно появилось в газете на следующий день на видном месте. Впоследствии аналогичные обвинения появлялись в сообщениях ТАСС и в передачах советского радио.

Поскольку решить этот вопрос по дипломатическим каналам не представлялось возможным, по нашему предложению был создан смешанный комитет, в который вошли по два представителя с каждой стороны. От Финляндии в нем были горный советник Вальтер Грэсбек и подполковник Торстен Аминофф. Так началась объемная и многогранная работа. Советские уполномоченные выдвигали все новые и новые требования о передаче и возврате. К «хозяйственным сооружениям» они относили небольшие домашние лесопилки, санатории и больницы, кинотеатры, гостиницы и т. д. В беседах советские уполномоченные говорили о своем стремлении побыстрее снять этот вопрос с повестки дня, но местные власти особо не торопились. В общей сложности число «хозяйственных сооружений», в которые были возвращены станки или иное оборудование, достигло 70. В канцелярии финляндской делегации день и ночь и в выходные работали почти двадцать человек, которые скрупулезно пункт за пунктом готовили ответы и комментарии к российским спискам. В начале переговоров советские представители встали на ту же позицию, что и Кремль, а именно – возвращение или

компенсация собственности должны быть произведены независимо от времени, когда эта собственность была вывезена или уничтожена. Однако в ходе переговоров они, хотя и настаивали на возврате оборудования, вывезенного до наступления мира, но признали, что за подобные предметы Финляндии должна быть засчитана встречная компенсация. На этом условии были возвращены также станки и оборудование, вывезенные до заключения мира.

В связи с рассматриваемой проблемой потребовался и внутренний юридический анализ. Речь в основном шла о станках и оборудовании, принадлежавших частным лицам, которые должны были получить соответствующую компенсацию. Большинство предприятий согласилось добровольно вернуть оборудование, вывезенное до заключения мира, но некоторые отказались, в связи с чем пришлось задуматься о принятии закона относительно обязанности возвращения и компенсации.

В начале июня Наркоминдел поднял вопрос о станках и другом промышленном оборудовании, вывезенном из Ханко, ссылаясь на то, что и в этом случае следует применять процедуры, согласованные для территории Карелии. По этому вопросу обменялись памятными записками, причем в финской было сказано, что Ханко находится в ином положении, поскольку этот район лишь арендован Советским Союзом для определенной цели, а именно для создания военно-морской базы. Когда в начале июля генеральный секретарь НКВД Соболев, – между прочим приятный и приветливый человек, который не сомневался в искренности наших намерений – передал мне ответ на нашу памятную записку, то у нас с ним состоялся продолжительный разговор. Основной смысл советских претензий состоял в том, что Советский Союз арендовал не только землю и воду в Ханко, а также все находящееся здесь имущество, и все это вместе взятое составляло оборонно-хозяйственное целое, которое можно было использовать для создания и поддержания военно-морской базы и за которое Советский Союз вносил арендную плату. Я ответил, что, на наш взгляд, вывоз движимого имущества был оправдан. В этой связи начался разговор о том, что является движимым имуществом, а что нет. Соболев заявил, что теперь почти все является движимым имуществом, так в Москве, например, передвигают большие каменные здания. На это я сказал, что в финском законодательстве понятие движимого имущества имеет

четкое определение. Я заметил также, что не стоит делать из мухи слона, с чем Соболев согласился. Обратил внимание собеседника на то, что в их списках присутствуют самые различные предприятия, в том числе, если я правильно помню, мыловаренный завод, который не входит в число арендованных объектов. Соболев заверил: «Мы там не будем мыло варить». Хотя мы считали, что не обязаны возвращать собственность, вывезенную с территории Ханко, тем не менее, чтобы снять этот вопрос с повестки дня, наше правительство предложило передать его на рассмотрение смешанного комитета на той основе, что государственная и общественная собственность возвращается или ее стоимость компенсируется, а частная – не возвращается и не компенсируется. Советский Союз принял это предложение, и над ним начал работать комитет, который занимался хозяйственными сооружениями на переданных территориях.

Обсуждение проблемы вывезенного оборудования показало, что у нас не было недостатка доброй воли. Вывоз станков и других машин с заводов после окончания военных действий нельзя оправдать, но можно объяснить теми горькими настроениями, которые по понятным причинам царили у нас после этой несчастной войны. И, напротив, трудно понять советскую сторону, требовавшую возврата оборудования, вывезенного еще до наступления мира. Насколько я понимаю, Советский Союз считал, что он имеет право получить Карелию в таком состоянии и со всем, что было в ней раньше, включая заводы и другие предприятия в таком виде, в каком они были до начала войны, если они не пострадали в ходе самих военных действий. Ущерб, нанесенный воздушными бомбардировками, Деканозов учитывал отдельно. По трактовке русских они должны получить Ханко в таком виде, в каком он был до них. Нашим юристам было трудно принять российское видение и, надо признать, что и в правовой области наши народы имели различное мышление.

По нашему мнению, на своей территории мы имели право делать то, что хотели до тех пор, пока эти территории принадлежали нам, и русские не могли указывать нам. Не хочу сказать, что русские действовали *mala fide*²¹, т. е. их целью было получить от нас больше, чем предполагал Московский мир, так что было бы неправильно

²¹ *Mala fide* (лат.) – недобросовестно.

говорить в этой связи о «военных репарациях». Если бы мы предполагали, что по этим вопросам возникнут подобные разногласия, то действовали бы по-другому. Однако в отношении поведения Советского Союза следует сказать, что оно не было проявлением великодушия, которое следовало бы ожидать от великой державы, тем более от великой державы, которая при помощи войны заполучила столь большую и ценную территорию. Этого должно было бы хватить. Для Советского Союза восстановление предприятий на отошедших к нему территориях большого значения не имело. Русские не понимали и, как представляется, не пытались понять финнов после всего, что произошло. Они были плохими психологами или им были безразличны настроения финского народа. Иное поведение пошло бы им на пользу в Финляндии. В прежние времена о русских говорили «широкая натура» (написано по-русски). В этом случае, как и в некоторых других, «широкой натуры» у большевиков не оказалось.

IV

Вопрос об оборонительном союзе между Финляндией и Швецией

Одной из первых тем, которую Молотов поднял в ходе нашей второй встречи в Кремле 21 марта 1940 года, был вопрос об оборонительном союзе между Финляндией и Швецией и, возможно, Норвегией.

В ходе визита в Стокгольм в конце февраля министр иностранных дел Таннер, как уже было сказано выше, обсуждал эту идею с премьер-министром Швеции Ханссоном, который отнесся к ней положительно. Сразу после Московского мира вопрос стал предметом активной общественной дискуссии. Президент Финляндии 14 марта в выступлении по радио заявил, как об этом также было сказано выше, что Финская война показала необходимость оборонительного союза североевропейских государств.

В это же время началось активное обсуждение вопроса в шведской печати, где он получил общую поддержку. 13 марта в пользу оборонительного союза Финляндии, Швеции и Норвегии решительно высказались «Свенска Дагбладет», «Стокгольмс-Тиднинген», «Сосиал-Демократен» и «Свенска Моргунбладет», а через пару дней и «Дагенс Нюхетер». «Оборонительным союзом с Финляндией мы должны гарантировать тот тяжелый мир, которого добилась Финляндия», писала «Свенска Дагбладет» и добавляла: «Все преходяще, и в не меньшей степени договоры и мир». «Стокгольмс-Тиднинген» требовала не оставлять Финляндию больше одну и обеспечить безопасность ее новых границ, а также обновить связи между Финляндией и Швецией, насчитывающие много сотен лет, таким образом, чтобы Швеция всеми своими силами, в том числе

военными, стояла рядом с Финляндией, гарантируя ее безопасность. «Сосиал-Демократен» писал: «Все народы Севера должны теперь понимать, что дело Финляндии – их собственное дело. Это означает, что только оборонительный союз северных государств, идущий вплоть до жизни и смерти, может дать нам относительную безопасность, которую мы не получим каждый поодиночке». «Дагенс Нюхетер»: «Оставшиеся в одиночку небольшие государства имеют крайне небольшие возможности отстаивать свои интересы. Если они смогут эффективно помогать друг другу, то вызовут больше уважения к себе со стороны великих держав и будут лучше защищены от агрессии».

Председатель стортинга Норвегии Хамбро, убежденный проводник идей Лиги Наций и активный сторонник оборонительного союза, 14 марта выступил по радио с красивой, но не до конца продуманной речью, в которой он назвал борьбу Финляндии борьбой всех малых государств и высказался за неотъемлемое право борьбы против насилия. Он указал на то, как народ Дании 75 лет назад, разорванный несправедливым миром, напрягая все силы, смог в новых границах вернуть свою землю, которую потерял. Финляндия поступит так же. «Однажды наступил день, когда Дания залечила свои раны. Надеемся и верим, что еще настанет и тот день, когда Финляндия залечит свои раны. Ложный мир, оскорбляющий чувство справедливости, не будет длиться долго. В сердцах финнов и в наших сердцах живут слова их поэта: “Еще наступит день, который все изменит”»²².

Шведские официальные власти, позитивно отнесшиеся к идее союза, заняли осторожную позицию в отношении ее практического осуществления. Член правительства Швеции Андерссон заявил, что вопрос об оборонительном союзе требует обсуждения в обстановке полной откровенности со всех сторон и с учетом особых условий каждой страны. Оборонительный союз невозможно представить без полной взаимности. Далее, должны быть даны гарантии тесного внешнеполитического взаимодействия, чтобы никакая страна своей авантюристической политикой не поставила под угрозу общий мир. «Стокгольмс-Тиднинген» назвала эти слова министра Андерссона несчастными.

²² Из цикла стихов «Рассказы прапорщика Столя» финского поэта Й. Рунеберга.

В Финляндии воодушевление шведской печати, конечно, было встречено с удовлетворением, но не удивительно, что после всего пережитого там начали высказываться и сомнения. «Хювюдстадсбладет» писала: «Идея совместной ответственности североевропейских государств за оборонительную политику до сих пор не смогла завоевать себе заметного места. Сейчас, когда Финляндия в свой судьбоносный момент выступает с инициативой в этом направлении, она показывает, что понятие Север остается для нас реальностью, которую следует защищать не только словами, но и делами. Из выступлений газет стало ясно, что почва сегодня подготовлена совсем не так, как раньше. К сожалению, приходится констатировать, что общественное мнение в других северных странах только сейчас начинает понимать, о чем идет речь, а также что то суровое время, которое мы переживаем, требует более жестких мер, чтобы Север прошел через все испытания без ущерба для себя. Но лучше позже, чем никогда. Если вместо бездействия будут предприняты настоящие силовые акции для защиты общих интересов Севера, то никто не будет более удовлетворен, чем Финляндия, которая первой испытала на себе последствия отсутствия и тем не менее диктуемой самой природой необходимости совместной ответственности». «Ууси Суоми»: «Северное взаимопонимание и сотрудничество, которое приносило нам разочарования, сегодня находится в питейном ковше, и мы не знаем, что нам из него нальют».

Кремль внимательно следил за публичной дискуссией. Похоже, что на начальном этапе советское правительство вовсе не было настроено резко отрицательно к идее оборонительного союза северных государств. «Правда», которая, конечно, никогда не публиковала ничего, идущего вразрез с целями своего правительства, поначалу писала, что Советский Союз ничего не имеет против оборонительного союза Швеции, Норвегии и Финляндии, естественно при условии, что он не будет направлен против Советского Союза. Но вскоре Кремль изменил свою позицию. Уже 16 марта в Кремле внимание шведского посланника обратили на плохое впечатление, которое произвело выступление Хамбро, а также на то, что создание оборонительного союза Финляндии-Швеции-Норвегии, который может быть направлен исключительно против Советского Союза, противоречило бы политике нейтралитета правительств

Швеции и Норвегии. (Сообщение МИД Швеции от 17 июля 1941 года). В тот же день, 20 марта, когда состоялся обмен ратификационными грамотами Мирного договора, в «Правде» и «Известиях» был опубликован следующий «тормозок» официального телеграфного агентства Советского Союза ТАСС:

«В иностранной печати сообщается, что между Финляндией, Швецией и Норвегией будто бы ведутся переговоры о заключении так называемого "оборонительного союза" с задачами военной охраны границ Финляндии. При этом сообщается, что будто бы Советский Союз не возражает против такого "оборонительного союза" между Финляндией, Швецией и Норвегией.

ТАСС уполномочен заявить, что эти сообщения на счет позиции Советского Союза не отвечают действительности, ибо, как это видно из известной антисоветской речи председателя норвежского стортинга г. Хамбро от 14 марта, подобный союз был бы направлен против СССР и находился бы в прямом противоречии с Мирным договором, заключенным СССР и Финляндией 12 марта с. г.».

21 марта на встрече в Кремле, после обсуждения всех текущих дел, Молотов поднял вопрос об оборонительном союзе, после чего состоялась следующая беседа²³.

– Молотов: Хотел бы со своей стороны сообщить следующее: в печати северных стран в последнее время начали обсуждать вопрос об оборонительном союзе Финляндии, Швеции и Норвегии. Одновременно распространяются утверждения, что Советский Союз якобы не возражает против такого союза. Агентство ТАСС в официальном заявлении, которое, очевидно, известно господам, опровергло эти утверждения относительно позиции Советского Союза по планам данного союза.

По сообщениям печати, с инициативой данного оборонительного союза выступила Финляндия. Какой характер на самом деле приобретет этот союз, ясно следует из выступления по этому вопросу председателя стортинга Норвегии Хамбро, в котором, в частности, говорится, что новая восточная граница Финляндии

²³ Записи бесед тех дней вел наш секретарь, заведующий сектором МИД Ньюкопш. Беседа опубликована в Сине-белой книге Финляндии II (с. 58–61).

является временной и должна быть исправлена. Другими словами, с помощью оборонительного союза готовится реванш недавно заключенного Мирного договора. Участие Финляндии в подобном союзе будет означать нарушение не только третьей статьи Договора, но и всего Договора, поскольку целью союза будет изменение границы, закрепленной в Мирном договоре. Союз лишь формально был бы оборонительным союзом, а на самом деле инструментом военного реванша.

Мы сообщили правительству Швеции, что заключение подобного союза с Финляндией означало бы отказ Швеции от политики нейтралитета, а также, что если Швеция намерена изменить свою внешнюю политику в отношении Советского Союза, то и позиция Советского Союза в отношении Швеции будет иной, чем до сих пор. Соответствующее заявление сделано и правительству Норвегии.

— Я: Что касается заявления Хамбро, то оно известно нам только по газетным статьям, и мы не несем ответственности за его слова. Мысль о реванше полностью чужда идее оборонительного союза хотя бы по той причине, что Швеция и Норвегия никогда не смогли бы заключить иной союз, кроме оборонительного. Подобный оборонительный союз вовсе не был бы направлен против Советского Союза, поскольку его целью было бы, в частности, обеспечение нынешних границ Финляндии, т. е. сохранение *status quo*. Третья статья Мирного договора не запрещает явно оборонительные союзы. Можете быть уверены, что и Швеция, и Норвегия не пойдут на заключение каких-либо агрессивных союзов. Вся северная печать также подчеркивает, что речь может идти только о чисто оборонительном союзе. По нашему мнению, у Советского Союза не может быть каких-либо возражений против подобного оборонительного союза. Финляндия, как и Швеция, нейтральное государство, и мы не вмешиваемся в дела других государств. Прошлой осенью Вы и господин Сталин заявили, что нейтралитет Финляндии отвечает интересам Советского Союза. Я читал заявление ТАСС. Лично я не знаю, остается ли господин Хамбро председателем норвежского стортинга или он сейчас лишь председатель комиссии по иностранным делам.

— Молотов: Да, он председатель стортинга.

– Я: Можете быть уверены, что ни Швеция, ни Норвегия не пойдут на заключение какого-либо агрессивного союза. Новая восточная граница была для нас тяжелой уступкой, но, несмотря на это, мы стремимся установить хорошие отношения с Советским Союзом.

– Молотов: Советский Союз со своей стороны намерен соблюдать Мирный договор. Считаю, что все вопросы с Финляндией у нас урегулированы. Теперь мы хотим работать на благо улучшения отношений между нашими государствами, однако придерживаясь положений третьей статьи Мирного договора. Название «оборонительный союз» не меняет существа дела. Речь идет не только об обороне, но также и об агрессии, военном реванше. Об этом открыто не говорят, но название не меняет дела. Господин Таннер с самого начала говорил об обеспечении безопасности восточной границы Финляндии. Хамбро, который в качестве председателя комиссии стортинга по иностранным делам имеет большое влияние на внешнюю политику своей страны, сказал, что нынешняя восточная граница Финляндии временная. Как же ее можно исправить? Только реваншистской войной. Мы, в свою очередь, сразу опровергли все утверждения о том, что мы не возражаем против оборонительного союза Финляндии, Швеции и Норвегии. Но не только Хамбро говорил о восточной границе Финляндии, в самой Финляндии много пишут о вопросах безопасности новой восточной границы. Планируемый оборонительный союз не только противоречил бы третьей статье Мирного договора, но и всему Договору. Цель союза видна в заявлениях Хамбро, шведских активистов и финской печати.

– Войонмаа: Швеция не имеет никаких агрессивных планов. Если Финляндия и Швеция стремятся в союз, то это и есть гарантия того, что на наших границах будет мир.

– Молотов: Не согласен. В Швеции нет единства по вопросам внешней политики. Нынешнее шведское правительство придерживается нейтралитета, но там имеются и другие течения, которые выступают за участие Швеции в войне. Сандлер – руководитель группы, выступающей за войну. Участие в войне было бы для Швеции большим несчастьем, но имеются авантюристы,

которые потеряли разум. В Швеции в любой момент может прийти к власти новое правительство.

Таким образом, участие Швеции не является никакой гарантией, что союз будет чисто оборонительным. Одного названия «оборонительный союз» недостаточно. Хотим заранее сообщить, что не останемся равнодушными, если Финляндия вступит в этот союз.

— Я: Не помню, говорилось ли в Финляндии о восточной границе в контексте оборонительного союза. Следует, однако, помнить, что остальные границы у нас со Швецией и Норвегией. С другими государствами у нас нет общих границ. Если мы заключим оборонительный союз со Швецией и Норвегией, то он не будет направлен против Советского Союза, а против всех тех государств, которые захотят напасть против какой-либо страны, входящей в этот союз, т. е. не только против Финляндии, но и против Швеции и Норвегии. Мы не помышляем о реванше. Швеция и Норвегия не были бы подходящими союзниками для нас, если бы мы хотели его. Мы бы стремились к союзу с совсем другими государствами, если бы на самом деле хотели реванша. Швеция и Норвегия – в политическом плане думают только об обороне.

В этой связи следует также учитывать, что в Финляндии часто высказывают сомнения в том, что договор с Россией является окончательным, и не предъявит ли Советский Союз новые требования Финляндии.

Эти сомнения затрудняют деятельность тех кругов в Финляндии, которые стремятся к взаимопониманию с Советским Союзом, и поэтому важно, чтобы со стороны Советского Союза не предпринимали ничего, что могло бы стимулировать эти сомнения. Оборонительный союз означает обеспечение нашего будущего на основе status quo.

— Молотов: Мы считаем, что все вопросы у нас с Финляндией урегулированы, включая обеспечение безопасности Ленинграда, Мурманска и Мурманской железной дороги. Так что между нами больше нет спорных вопросов. Ваша безопасность обеспечена статьей о ненападении Мирного договора. Если вы заключите оборонительный союз со Швецией и Норвегией, то мы будем считать, что вы нарушили Мирный договор.

– Я: Но Вы же не можете думать, что такой союз был бы направлен против вас.

– Молотов: Хамбро и другие раскрыли его цели.

– Я: Хамбро не определяет внешнюю политику этих государств.

– Молотов: Сандлер и Хамбро завтра могут входить в правительства Швеции и Норвегии.

Итак, советское правительство определило свою позицию. Обратили ли в Кремле внимание на этот вопрос в связи с выступлением Хамбро, нам неизвестно. Хотя Советский Союз, подобно другим великим державам, проводит беззастенчивую «реальную политику», все же он пытается, и в этом также следуя их примеру, найти для своих действий юридические и законные оправдания.

Советское правительство подняло вопрос об оборонительном союзе и в еще более торжественной форме, в упомянутом выше докладе Молотова о внешней политике правительства на заседании Верховного Совета 29 марта. «Надо, однако, предупредить против попыток нарушения только что заключенного Мирного Договора, которые уже делаются со стороны некоторых кругов Финляндии, а также Швеции и Норвегии под предлогом создания военно-оборонительного союза между ними», – сказал он. Молотов изложил те же мотивы, что и неделю назад в беседе с нами. Он сослался на выступление Хамбро и утверждал, что союз несет в себе месть, реванш, и что он направлен против советской России. «Создание такого военного союза с участием Финляндии не только противоречило бы статье 3-ей Мирного договора,[...] но противоречило бы всему Договору, прочно определившему советско-финляндскую границу. Верность этому Договору не совместима с участием Финляндии в каком-либо военно-реваншистском союзе против СССР. Участие же Швеции и Норвегии в таком союзе означало бы отказ этих стран от проводимой ими политики нейтралитета, и переход их к новой внешней политике, из чего Советский Союз не мог бы не сделать своих соответствующих выводов».

По нашему мнению оборонительный союз между Финляндией, Швецией и Норвегией не противоречил третьей статье Мирного договора, а со своей стороны стабилизировал бы состояние мира и существующие условия. Союз, направленный исключительно на оборону, не противоречил бы политике нейтралитета, а, напротив, означал бы укрепление нейтралитета во всех направлениях. Когда советское правительство выступило против него, оно было осведомлено об ограниченных оборонительных возможностях Финляндии. «Таймс» совершенно правильно писала по поводу позиции Советского Союза: «Ограничение права на объединение для целей обороны противоречит основным принципам независимого государства». Газета добавляла, что если руководители Советского Союза выступают против договора между Швецией, Норвегией и Финляндией, то из этого следует тот вывод, что русские сами являются наиболее вероятными агрессорами.

После публикации заявления ТАСС и особенно после выступления Молотова общественная дискуссия на тему договора утихла. 25 марта премьер-министр Швеции Ханссон в речи, в которой он излагал политику своей страны до финской Зимней войны и во время нее, сообщил, что правительства Швеции и Норвегии позитивно отнеслись к проработке идеи оборонительного союза, и эту проработку надо произвести в позитивном ключе и основательно. При этом следует избегать создания иллюзий, которые не соответствовали бы фактическому положению дел. Есть, однако, одна опора, которую нельзя раскачивать, и эта опора несет на себе печать мира. Все расчеты на то, что ресурсы Севера могут быть использованы на какие-то иные цели, кроме защиты свободы и независимости против агрессии, должны быть опровергнуты с самого начала.

В тот же день министр обороны Швеции Шельд осторожно затронул этот вопрос. Изучение предпосылок создания союза имеет как положительные, так и отрицательные стороны, сказал он. Финляндии стоит еще подумать над идеей союза. Членство в подобном союзе страны, самой малой из нас и находящейся, пожалуй, в наиболее угрожаемом положении, будет сопряжено с определенными последствиями, над которыми стоит серьезно поразмышлять. Трудностей хватит, но с доброй волей можно

преодолеть и большие трудности. Но и здесь лучше всего меньше обещать и больше иметь.

В шведской печати также стали ссылаться на трудности осуществления идеи оборонительного союза: на необходимость обеспечения поддержки со стороны Дании и Норвегии, уточнения военного потенциала возможных участников, наблюдения за внешней политикой государств и ее учета и т. п. Доклад Молотова на заседании Верховного Совета СССР, конечно, вызывал контраргументы. «Свенска Дагбладет» отмечала, что обвинения со стороны Молотова вызывают подозрения, что «более надежная защита нашей независимости на всех направлениях представляется кое-кому неудобной. Они пытаются запугать нас мрачными угрозами, полагая, что сейчас время свободы, и они имеют дело с правительством колпаков²⁴. Но совсем недавно они преподнесли шведскому народу столь серьезный урок о нашей судьбоносной связи с Финляндией, что теперь мы не собираемся одевать на свои головы ночные колпаки». Газета констатировала, что угрозы, поступившие от Молотова, лишь дают северным народам дополнительные основания для подозрений, что против них вынашивают более широкие планы на будущее и хотят, чтобы северные страны оставались разрозненными.

Следует упомянуть, что в эти золотые времена пакта Риббентропа-Молотова Германия поддерживала своего партнера – Советский Союз. Близкая к МИД Германии «Берлинер Бёрзен-Цайтунг» писала 22 марта, что «Германия считает подозрения Советского Союза вполне понятными».

Вопрос об оборонительном союзе тогда на том и остановился. Соппротивление Советского Союза прервало рассмотрение идеи, точно так же как произошло весной 1939 года, когда Финляндия и Швеция стремились к сотрудничеству для укрепления нейтралитета Аландских островов. Находящаяся по соседству великая держава реально влияла на политику малых государств. И это вновь показало,

²⁴ Время свободы – период в совместной истории Швеции и Финляндии 1719–1772 гг., когда, после смерти Карла XII, почти вся власть сосредоточилась у парламента, риксдага, а правительство возглавляла партия колпаков, руководство которой отличалось тесными связями с российскими представителями.

что в международной жизни значит реальное превосходство по сравнению с формальным правом.

После Московского мира в Финляндии и Швеции появились психологические предпосылки для создания оборонительного союза. В некоторых финских кругах эта мысль уже давно жила как далекая цель. Когда в 1923 году тогдашний министр иностранных дел Швеции Хедершерна в своей известной речи высказал надежду на заключение оборонительного союза Швеции и Финляндии, это вызвало в Финляндии удовлетворение и благодарность. Как известно, эта речь стала причиной отставки Хедершерна с поста министра иностранных дел. В эти дни несколько профинляндски настроенных представителей собрались вместе и послали Хедершерну телеграмму со словами благодарности. Первым телеграмму подписал П.Е. Свинхувуд. Хедершерна рассказал Вернеру Сёдерхельму, нашему посланнику в Стокгольме, что наша телеграмма его очень обрадовала, а мне он направил по этому поводу благодарственное письмо. Позднее, в 20-е годы, во время Лиги Наций, идея оборонительного союза была отодвинута в сторону, но в 30-е годы о ней вновь заговорили в финских кругах, занимавшихся вопросами обороны. В 1936 году, до своего отъезда посланником в Стокгольм, я неоднократно обсуждал эту идею с маршалом Маннергеймом. Помощь со стороны североевропейских государств, по его мнению, была нам необходима. Независимость Финляндии – первоочередной реальный интерес скандинавов. Оборонительный союз со Швецией был последним «третьим этапом» наших устремлений, сказал он и немного грустно добавил: «Может быть это утопия, мечта».

До Зимней войны идея не имела шансов на осуществление и в Швеции. Правда, и там она обсуждалась. У нас с удовлетворением заметили вышедшую в 1930 году книгу шведского военного эксперта «Antingen–eller»²⁵, где основательно анализировалась связь между обороной Швеции и оказанием военной помощи Финляндии. Под этим не понималось создание возможного оборонительного союза, вопрос рассматривался в рамках общей системы помощи Лиги Наций. Но, по сути, результат был тот же. Отправная точка сводилась

²⁵ Книга «Antingen–eller» (Либо-либо), вышедшая анонимно в Стокгольме, принадлежала перу офицера шведской армии Хельге Юнгу, в будущем главнокомандующему шведской армией (1944–1951).

к тому, что независимость Финляндии имеет жизненно важное значение для Швеции, поскольку если Советский Союз захватит Финляндию, то рано или поздно следует ожидать нападения на Швецию. Поэтому в интересах самой Швеции было бы спешить на помощь Финляндии, для чего были бы нужны менее значительные вооруженные силы, чем если бы после крушения Финляндии Швеции пришлось защищать себя на собственных границах. Кроме того, Советский Союз вряд ли начнет наступление, если наверняка будет знать, что ему будут противостоять вооруженные силы не только Финляндии, но и Швеции. Так думали и в Финляндии. Размышляя задним числом, невозможно не прийти к выводу, что, несмотря на огромную военную мощь Советского Союза, наличие совместной обороны Финляндии и Швеции могло бы, очевидно, предотвратить Зимнюю войну, особенно если бы Финляндия на переговорах в 1939 году прибегла к достаточно осторожному и разумному методу действий.

После удара, нанесенного Московским миром, в Финляндии призадумались, где найти хоть какую-то защиту на будущее. В Швеции общественное мнение, которое всю Зимнюю войну тепло относилось к нам, вспыхнуло мощным пламенем за оборонительный союз. Хотя если раньше сохранение независимости Финляндии расценивалось как политически выгодное для Швеции, все-таки большинство шведов не считало это жизненно важным, ради чего Швеция должна была бы вступить в войну. «Шведы вряд ли полностью понимали, в каком счастливом положении мы находились в течение двух десятилетий после 1920 года», писала «Свенска Дагбладет». «Поверив в неизменность идиллии на Балтике, шведские государственные умы развалили оборону страны. Осенние события в Балтийских государствах и насильственный Московский мир в 1940 году жестко заставили нас понять, что наше положение стало значительно хуже». А по мнению «Стокгольмс-Тиднинген» надо было добиваться того, чтобы оборонительные силы Швеции были в состоянии прийти на помощь Финляндии в случае возможного нового нападения России, независимо от того, будет тогда существовать оборонительный союз Швеции и Финляндии или нет. В интересах Швеции оборонять свою восточную границу в

Финляндии, а не на реке Торнио²⁶ или в Ботническом заливе. Если Советский Союз будет знать, что Швеция готова технически, если не политически, разместить свою оборону в Финляндии, то можно надеяться, что он воздержится от каких-либо действий против Финляндии. Ведь для него налицо будет опасность повстречать в Финляндии не только финские, но и шведские оборонительные силы». Это была та же мысль, что и в книге «Antingen-eller». Кроме того, в общественном мнении просматривалось желание поддержать Финляндию после случившегося несчастья, для предотвращения которого Швеция не смогла оказать достаточную помощь.

Резко отрицательную позицию Кремля мне, как и многим другим, было трудно понять. Я до сих пор считаю ее ошибочной. Оборонительный союз Финляндии и Швеции не представлял ни малейшей угрозы для советской России. Напротив, он значительно укрепил бы мир на этой границе Советского Союза. В чем же состоит причина подобного подхода Кремля? Выше я писал, что «Правда» поначалу утверждала, что советское правительство вовсе не возражает против подобного оборонительного союза. Но, ссылаясь на выступление по радио Хамбро, да к тому же советское правительство наверняка имело информацию о публикациях в североевропейской печати, Молотов утверждал, что речь идет о военном реваншистском блоке. Были ли это искренние слова или лишь предлог? Русские вообще, и не в меньшей степени большевики, очень подозрительны. Я это неоднократно замечал. Но трудно поверить, что из-за выступления Хамбро и какой-то статьи в шведской газете советское правительство стало считать, что оборонительный союз между Финляндией и Швецией представляет для него реальную угрозу.

Постепенно начали появляться факты, на основании которых можно было делать выводы о тогдашней политике Кремля в отношении Финляндии. В первой памятной записке, которую Сталин и Молотов передали мне в ходе переговоров 14 октября 1939 года, говорилось, что целью Советского Союза, помимо безопасности Ленинграда, является достижение «уверенности в том, что Финляндия будет прочно стоять на позициях дружественных отношений с Советским Союзом». В записке излагались основные направления советской политики. Поставленная цель – поддержание

²⁶ Пограничная река между Швецией и Финляндией.

дружественных отношений между Финляндией и Советским Союзом, была правильной. Она легко достижима, если обе стороны стоят на открытых, доброжелательных и дружественных позициях. Тогда также возникнет и будет крепнуть доверие к искренности намерений Советского Союза. Но, по мнению Кремля, «уверенность» следовало обеспечить иным путем, а вовсе не с помощью обычных межгосударственных отношений, которые как раз и порождают доверие. Летом 1940 года мы получили признаки того, что на самом деле кроется за всем этим. 19 июля 1940 года в речи в рейхстаге рейхсканцлер Германии заявил, что он посчитал правильным «трезво определить наши интересы именно с русскими, чтобы раз и навсегда внести ясность в понимание вопроса, что хочет видеть Германия в будущем в качестве своей зоны интересов и, наоборот, что считает Россия важным для ее существования. На основании таких четких разграничений обоюдных сфер интересов произошло переустройство германо-советских отношений... Ни Германия не сделала ни одного шага, который бы выходил за пределы сферы ее интересов, ни Россия», говорил Гитлер. Итак, из этого следовало, что в договоре от 23 августа 1939 года между Германией и Советским Союзом была четко определена сфера интересов Советского Союза, и что Кремль не выходил за ее пределы, в том числе и заключая Московский мир. Финляндия была включена в сферу интересов Советского Союза. Советский Союз считал целесообразным произвести не только территориальные изменения, но и распространить политическое влияние на Финляндию. Это и был основной принцип политики Кремля в отношении Финляндии, который объяснял многие его действия, в том числе выступление против оборонительного союза Финляндии и Швеции. Стремясь к установлению своего политического влияния в Финляндии, Кремль исходил из того, о чем договорились в августе 1939 года в Берлине, или, по крайней мере, из своего понимания этих договоренностей.

Политическое влияние СССР в Финляндии не очень хорошо сочеталось с планами ее вступления в оборонительный союз со Швецией. Гораздо легче не выпускать из-под своего влияния одинокую, изолированную от других североевропейских государств страну.

Можно спросить, в чем же состояла конечная цель Советского Союза, объясняющая его позицию в этом, а также в некоторых других

делах. Финский вопрос во внешней политике великого государства, Советского Союза, был второстепенным. Он был лишь отражением другой, более крупной цели. В Финляндии считают, что этой целью является империалистическое стремление России через северную Скандинавию выйти к Атлантическому океану. Перспективы, открывающиеся при этом, могут быть как-то связаны с политическими устремлениями России как мировой державы. Однако до сих пор все это не проявлялось в *практической* политике ни царской России, ни Советского Союза. Это очень опасная цель, т.к. речь идет о больших изменениях в соотношении сил в мире, и это затрагивает интересы других великих держав. В 1940–1941 гг. целью политики советской России вряд ли было что-то иное, кроме укрепления собственной безопасности. Продолжались большие победы Германии на европейском континенте. Захватив Норвегию и Данию, она вышла на Север. В 1940 году Кремль имел серьезные подозрения в отношении Финляндии. 22 августа в беседе, о которой я расскажу подробнее позднее, Молотов в ясной и резкой форме заявил, что правительство Финляндии ведет двойную игру: оно заявляет о соблюдении Мирного договора, но одновременно занимается интригами для восстановления старой границы. Один человек, входящий в руководящие круги Финляндии, сказал: «Тот не финн, кто принимает Московский мир». Молотов не сказал, кто был этим человеком, но вполне возможно, что какая-то значительная фигура, не понимающая обстановку, сказала что-то подобное. Молотов выразил сожаление по поводу ведущегося укрепления наших новых границ, что отнюдь не свидетельствует о дружественном отношении к Советскому Союзу, а также добавил, что в финской военной среде разжигают ненависть к Советскому Союзу. Далее он дважды сослался на то, что финны рассчитывают использовать тогдашнюю большую войну каким-то образом в своих интересах. Эти слова Молотова отражали глубокие подозрения Кремля относительно того, что финны замышляют и готовят месть и ревизию Мирного договора. Впоследствии шведы рассказывали, что в 1940 году в Кремле опасались, что и Швеция в возможной большой войне встанет на сторону врага советской России, Германии. Английский посол сэръ Криппс, ссылаясь на разговор с Молотовым, сказал мне в мае 1941 года, что Кремль выступал против оборонительного союза Финляндии и Швеции, т. к. полагал, что за

этой идеей стоит Германия. По-видимому, действия кремлевских руководителей определялись опасениями вооруженных конфликтов с Германией, которые распространятся на Север Европы. То обстоятельство, что Швеция держалась в стороне от Финляндии и ее судьбы, в любом случае полностью соответствовало интересам Советского Союза. Другое дело, что кремлевская оценка политики Швеции, если так в Кремле действительно думали в отношении оборонительного союза Финляндии и Швеции, не соответствовала действительности, а также противоречила собственным интересам СССР в этом вопросе и, таким образом, в целом вряд ли была для него разумной.

Весной 1940 года вопрос об оборонительном союзе утих, но не закрылся.

В заявлении МИД Швеции от 17 июля 1941 года говорилось о возросшем с новой силой интересе в Финляндии в июле – августе 1940 года к союзу со Швецией в связи с напряжением в финско-советских отношениях (после оккупации Норвегии Германией вопрос об участии в союзе этой страны отпал). В сентябре – октябре в контексте союза уже говорили не только об обороне, но и о внешней политике как о предпосылке к ней, а также о некоторых отраслях экономики. Расширяя идею союза, полагали, что это облегчит для обеих стран его реализацию, а также обеспечит большее понимание идеи союза Москвой как искреннее стремление к миру его участников. Сначала вопрос поднимался в частных беседах, но в конце октября констатировали, что оба правительства готовы приступить к его обсуждению.

Я в Москве ничего не знал об этих переговорах. Поэтому очень удивился, когда 27 сентября Молотов сказал, что он получил информацию об имеющемся между Финляндией и Швецией союзе или договоре или пакте, направленном против советской России и противоречащим III статье Мирного договора. Правда, сообщение Молотова было не совсем правильным, но оно показало, как и не раз до этого, насколько хорошо информирован Кремль, а также что у невинных североевропейцев не хватает понимания, что дипломатические вопросы следует обсуждать с крайней осторожностью. Ответил сразу, что отрицаю наличие подобного

договора. Молотов высказал предположение, что я, находясь далеко от Хельсинки, не совсем в курсе дел. И в этом он был прав. У нас есть на этот счет информация, сказал он. Я спросил, откуда у него такая информация. Молотов не захотел сообщать это, но сказал, что в Финляндии ссылаются на существование такого договора, а из Швеции на этот счет поступают сведения по закрытым каналам. В этой связи он заявил: «Сейчас у нас устный разговор, но если получим письменные подтверждения, то вопрос станет серьезным». Подобные резкие слова в мой адрес, посланника Финляндии, из уст премьер-министра и министра иностранных дел на официальной беседе прозвучали очень веско. Их нельзя было трактовать кроме как угрозу, и это и удивило, и встревожило меня.

Я писал министру иностранных дел Виттингу: «27.09 Молотов был серьезен, а 30.09 – еще более серьезен, и беседа была крайне жесткой, почти такой же жесткой, как на мирных переговорах в марте. 27.09 его слова о союзе Финляндии и Швеции содержали скрытую угрозу, при этом он сказал, что сейчас у нас устный разговор, но если будут бумаги, то дело станет серьезным. Это указывало на то, что пока еще опасности нет. Но кто знает? Вся история с тайным союзом со Швецией меня удивляет. Правда, русские очень подозрительны, но вопрос мне кажется все-таки преувеличенным. Это еще раз показывает, насколько осторожными следует быть в речах у нас на родине». Я, который ничего не знал об этом деле, полагал, что речь идет о каких-то сплетнях, но, как видно из выше сказанного, основания для него все-таки были, хотя дело находилось на стадии переговоров. В начале октября от имени правительства Финляндии официально сообщил, что никакого договора не существует. Молотов ответил, что принимает мое сообщение к сведению.

Переговоры между правительствами Финляндии и Швеции продолжались. В упомянутом выше сообщении МИД Швеции говорилось, что 5 ноября вопрос обсуждался в комиссии риксдага по иностранным делам. Учитывая деликатное положение Финляндии, стремились подчеркнуть цель укрепления стабильности и безопасности в интересах сохранения мира на основе существующих договоров. При этом хотели заранее получить уверенность, что эти планы не вызовут сложности ни со стороны Советского Союза, ни Германии.

6 декабря, в День независимости²⁷, в 23.30 я уже был в постели, когда позвонил секретарь Молотова и спросил, не могу ли я в этот же вечер прибыть в Кремль. Я не думаю, что совпадение с Днем независимости было намеренным. В полпервого ночи я был в кабинете Молотова. Он сказал, что у него для меня есть два сообщения, которые он зачитал, а потом по моей просьбе отдал мне бумаги. Первая:

«Советское правительство получило от посланника в Стокгольме, мадам Коллонтай, информацию, переданную ей министром иностранных дел Гюнтером и посланником Финляндии Васашерна, о том, что между Швецией и Финляндией готовится соглашение о подчинении внешней политики Финляндии Стокгольму, а также о том, что впредь внешней политикой Финляндии будет руководить не Хельсинки, а Стокгольм. Советское правительство считает, что подобное положение, если оно действительно возникнет в отношениях между Хельсинки и Стокгольмом, будет означать ликвидацию Мирного договора между Советским Союзом и Финляндией от 12 марта, в соответствии с которым партнером Советского Союза по этому Договору является не находящаяся в вассальном подчинении Финляндия, лишенная возможности отвечать за выполнение Договора, а независимое государство Финляндия, имеющая собственную внешнюю политику и способная отвечать по своим обязательствам, взятым по упомянутому Договору.

Советское правительство призывает правительство Финляндии взвесить все сказанное выше и подумать о тех последствиях, к которым приведет Финляндию подобное соглашение с любой иностранной державой, включая Швецию».

Мне вновь ничего не было известно о происходящем в Хельсинки и Стокгольме. Кремль же, как было видно, постоянно получал об этом информацию. Было ясно, что в Москве с большим подозрением следили за сближением Финляндии и Швеции, и что Кремль хотел помешать этому. Ошибочно оценивая намерения Финляндии, Кремль, очевидно, полагал, что за всем этим стоит какая-либо великая держава, в то время, конечно, Германия. Я не мог не обратить внимания на то, что речь идет о стремлении, на которое

²⁷ Государственный праздник Финляндии.

я уже указывал ранее, ослабить положение Финляндии, заставить наш народ жить в одиночку в зависимости от Советского Союза и отдалить от нас Швецию. Государственную независимость Финляндии Советский Союз хотел понимать по-своему, и это мы не могли принять. Мы также не забыли, что единственной претензией, которую Советский Союз предъявил Эстонии и Латвии и которая привело к уничтожению их независимости, было обвинение во взаимном союзе, который якобы был направлен против безопасности советской России. Поскольку целью переговоров о союзе между Финляндией и Швецией было укрепление существующих условий, *status quo*, то эта политика, как мне казалось, отвечала интересам и России, но, конечно, при условии, что Советский Союз действительно уважал независимость Финляндии.

В связи с резким выступлением Кремля правительство Швеции поручило своему московскому посланнику сообщить, что Швеция изучает возможность предложить правительству Финляндии начать переговоры о более тесном сотрудничестве между Швецией и Финляндией, в рамках которого могла бы идти речь о координации внешней и оборонной политики двух стран. Швеция исходит из того, что также и ее интересам отвечает укрепление существующего положения Финляндии, *status quo*, в том числе на основе Московского мира. Следствием подобного сотрудничества было бы получение гарантии, что Финляндия также намерена и желает проводить в отношении Советского Союза политику взаимной дружбы, которая существует между Советским Союзом и Швецией и которой правительство Швеции непоколебимо придерживается. Таким образом, мы способствовали бы политическому развитию на Севере Европы, которое было бы созвучно устремлениям советского правительства. Предпосылкой является также понимание этой идеи со стороны Берлина. Эта сторона вопроса пока не выяснена. Оба государства, Швеция и Финляндия, при этом, конечно, не освобождаются от своих обязательств в отношении других государств. Пока что в упомянутом вопросе не принято никаких окончательных решений и не будет принято до тех пор, пока не будет полной ясности, что ни в Берлине, ни в Москве не будет превратных представлений о содержании идеи (упомянутое сообщение МИД).

Со шведским посланником Ассарссоном мы находились в постоянном контакте, так что оба знали, что сообщалось нам из обеих столиц. После того как Ассарссон изложил Молотову наши подходы к вопросу о двустороннем союзе, Молотов высказал удивление, что к нему прибыл швед, а не я. Молотов пригласил в Кремль меня. Первым делом он поинтересовался, почему на его представление отвечал посланник Швеции, хотя он ожидал ответа именно от меня. Затем, наполовину с иронией, наполовину в шутку он спросил, что, внешняя политика Финляндии уже переподчинена Стокгольму? Ответил, что вопрос, который мы обсуждаем, является общим для Финляндии и Швеции, а в Стокгольме министр иностранных дел Гюнтер и финский посланник Васашерна обсуждали его с советским посланником мадам Коллонтай. В соответствии с инструкциями, которые были идентичны полученным Ассарссоном, рассказал, что по инициативе Швеции в чисто предварительном порядке ведется изучение вопроса о возможности более тесного сотрудничества между Финляндией и Швецией с целью координации оборонной и внешней политики. При этом не произойдет ни малейшего отступления от внешнеполитических обязательств, принятых Финляндией, а возможное сотрудничество будет происходить основе условий, созданных Московским миром. Последовал продолжительный разговор. Молотов считал, что речь идет о военном или оборонительном союзе, по поводу которого советское правительство высказало свое мнение еще весной. Ответил, что Финляндия и Швеция уже сейчас проводят единообразную внешнюю политику, поскольку ее основным принципом в обоих государствах является полный нейтралитет. Взаимодействие Финляндии и Швеции означало бы укрепление status quo и, следовательно, Московского мира. На это Молотов заметил, что дело обстоит не совсем так, поскольку мы как раз хотим подорвать то положение, которое Советский Союз стремится сохранить. После заключения союза Финляндия больше не сможет вести переговоры с советской Россией без согласия Швеции. Поэтому вы станете вассалами. Я опровергал подобную точку зрения. Далее я заявил, что сотрудничество Финляндии и Швеции способствовало бы такому политическому развитию на Севере, которое отвечало бы интересам Советского Союза, но Молотов не обратил внимания на эти слова. Я добавил, что

Финляндия и Швеция и сейчас имеют тесное сотрудничество в различных областях, чему способствуют 700-летние связи наших народов. Мы имеем общие основы в области образования, законодательства, общественной, экономической и частной жизни. Молотов ответил, что сейчас разговор идет не об этом, а о политическом сотрудничестве, которое предполагает военный союз.

- Я: О военном союзе и речи нет.

- Молотов: Но все-таки есть оборонительный союз, о котором говорили в прошлом марте. Сейчас вы хотите обходными путями, под другим названием прийти к тому же результату.

Поскольку посланник Ассарссон ранее говорил, что правительство Германии вряд ли будет возражать против нашего договора, хотя его еще не запрашивали, Молотов высказал предположение, что зондаж в Берлине все-таки был. Ответил, что ничего об этом не знаю. Мимоходом Молотов заметил, что было бы важно также знать, что думают обо всем этом Англия и Америка. Согласился с ним.

В заключение я сказал: «Мотивировка вашего заявления от 6 декабря представляется странной. В нем говорится, что внешняя политика Финляндии будет подчинена Стокгольму, и Финляндия превратится в вассала Швеции. С таким же успехом можно сказать, что внешняя политика Швеции будет подчинена Хельсинки, и Швеция станет вассалом Финляндии, поскольку наше взаимодействие будет взаимным и равноправным». Молотов не обратил на это внимания и завершил беседу следующими словами: «Может быть вы видите дело таким образом. Но советское правительство настаивает на своем заявлении. Оно выражает точку зрения Советского Союза и является предупреждением правительству Финляндии».

Обсуждение вопроса остановилось на этом. Москва прервала его. Несмотря на то, что толкование Кремлем статьи 3 Мирного договора было неприемлемым для нас, тем не менее вопрос развалился. Но упрямые действия Кремля лишь укрепили у нас, финнов, подозрения в отношении его намерений. Следует добавить, что на наш зондаж в Берлине мы получили ответ, в соответствии с

которым осуществление наших планов, учитывая деликатное положение Финляндии в отношении Советского Союза, в тех условиях сочли нецелесообразным.

«Две телеграммы о беседе с Молотовым (вторая касалась его сообщения о президентских выборах, я расскажу о ней позднее) показывают, как я провел здесь День независимости», писал я своему министру иностранных дел.

«Они показывают, насколько изменилось и ухудшилось наше политическое положение в результате войны, и насколько отравлена атмосфера в Кремле в нашем направлении.

Все яснее проявляется намерение Советского Союза оторвать нас от Швеции, точно так же, конечно, как и от Германии, заставить нас оставаться в изоляции, одинокими и слабыми, и при подходящей возможности положить нам конец, захватить Финляндию, лучше всего используя помощь наших коммунистов по методу Балтийских государств. Коллонтай в Стокгольме делает все возможное, чтобы отдалить Швецию от нас и бросить нас на произвол судьбы [...]

То, что аргументация Молотова, т. е. советского правительства, надумана и притянута, абсолютно ясно. Финляндия как “вассал”, утверждения о неспособности Финляндии выполнять Мирный договор – все это предлоги, и они не имеют под собой никакой основы и ничего общего с существом дела.

Первой приходит мысль, а не блеф ли это? Я так не думаю [...] Я считаю, что заявление Молотова нельзя игнорировать, оно сделано всерьез и содержит большую угрозу для нас.

Я в недоумении. После Вашей телеграммы 597 я решил, что дело “оставили дозреть”. Заняло ли шведское правительство теперь твердую и решительную позицию? Будет ли оно “attgöragemensamsakmedoss” (выступать вместе с нами) и будет ли оно всей своей военной мощью стоять рядом с нами, если это понадобится? Обещают ли они твердую поддержку?

Только на этих условиях мы можем выступать здесь уверенно. Но, прежде чем мы возьмем на себя риск конфликта и новой войны, мы должны иметь надежную информацию. Мы больше не имеем права проводить политику иллюзий, как это было в 1939 и 1940 гг.

[...] Мы должны помнить, что военные господа и некоторые руководители Советского Союза недовольны тем, что войну с Финляндией напрасно остановили раньше времени, и она осталась незаконченной.

Поскольку я не знаю, произошло ли что-либо существенное, то я остаюсь на своей прежней позиции. Я не думаю, что правительство и парламент Швеции твердо решили стоять вместе с нами и готовы заявить об этом».

12 декабря я послал следующую телеграмму: «Моя точка зрения изложена в письме Виттингу. Прошу рассмотреть мои соображения до продолжения каких-либо действий со Швецией. Цель хорошая, но она должна иметь прочную реальную основу, поскольку здесь, как я понимаю, хотят силовыми методами воспрепятствовать ей. Я вижу, что ситуация серьезная. Все это в данный момент вряд ли приведет к чему либо иному, кроме как к новому отступлению, если не будет реальной силовой основы. Отступление еще более ослабит наши позиции. Жаль, что я не получаю информации об этих мерах и об их подготовке».

13 декабря во втором письме министру иностранных дел я писал:

«Эти угрозы Молотова вызывают сомнение. Идея, договор со Швецией, конечно, дело хорошее, поддерживаю его полностью. Но, учитывая нынешнюю позицию Советского Союза, вряд ли мы этим путем достигнем результата. Дело надо начинать с другого конца, а именно располагать надежной информацией о получении помощи в том случае, если мы окажемся в новой войне против Советского Союза. Это дело теперь касается не только Финляндии и Швеции, оно не двустороннее. Советский Союз хочет, по крайней мере в данный момент, ему помешать. Молотов, т. е. советское правительство, считает, что если такой договор между Финляндией и Швецией будет заключен, то это будет означать «ликвидацию» московского мира от 12.03.1940. Это, конечно, надуманный предлог. Но наши разъяснения, что мир будет соблюдаться, не решают вопроса, Советский Союз хочет посмотреть на содержание договора. Что будет означать «ликвидация» мира, трудно сказать. Однако ясно, что тогда Советский Союз счел бы себя свободным, например, от обязательств по московскому миру в отношении границ и мог бы

захватить какие-то новые территории. Тогда мы окажемся в новой войне, а этого хотят здесь в некоторых кругах. В одиночку мы не сможем вести войну даже в течение трех с половиной месяцев. Наше военное и экономическое положение довольно слабое. Все это следует учитывать и добиваться уверенности на любой случай. Итак, вопрос очень серьезен, и, если правительство, парламент и народ Швеции не будут стоять на своей позиции, то этот demarche не может завершиться ничем иным, кроме как отступлением. К тому же встает вопрос о позиции Германии, которая мне неизвестна».

Из моего дневника 7.12.1940: «Все это показывает, в каком сложном положении мы оказались. В Финляндии твердят, что в войне мы спасли свою свободу, но большую часть этой свободы мы уже потеряли. Мы наполовину свободное государство. Мы не можем заключать даже оборонительных соглашений, а прошлым летом чуть не потеряли остатки нашей свободы».

Вопрос об оборонительном союзе был закрыт окончательно.

Обострение отношений летом 1940 года. – Судьба Балтийских государств. – «Общество мира и дружбы между Финляндией и Советским Союзом»

На нас, финнов, сразу после Московского мира ошеломляющее впечатление произвела судьба Балтийских государств.

Балтийский кризис наступил внезапно. В середине мая между Советским Союзом и Литвой состоялся обмен нотами по поводу советских войск, размещенных в Литве, и каких-то конфликтов, произошедших еще зимой, за два-три месяца до этого. После разъяснений литовского правительства вопрос казался исчерпанным. 23 июня 1940 года президент Сметона должен был торжественно прибыть в Вильно, новую и старую столицу Литвы, а вслед за ним – ряд министерств²⁸. Но 14 июня Молотов вручил министру иностранных дел Литвы, который вместе с премьер-министром был приглашен в Москву, резкую ноту, в которой содержались обвинения в похищениях и истязаниях солдат, а также в убийстве одного военнослужащего. Утверждалось, что целью литовских властей было сделать пребывание советских войск в Литве невозможным, создать враждебное отношение в Литве к советским военнослужащим и подготовить нападение на эти воинские части. Все эти факты говорят о том, что литовское правительство грубо нарушает заключенный им с Советским Союзом договор о взаимопомощи и готовит нападение на советский гарнизон, расположенный в Литве на основании этого договора. Кроме того, правительство Литвы обвинялось в том, что

²⁸ До передачи Литве г. Вильно (Вильнюса) столицей страны был г. Каунас (Ковно). Договор о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой был подписан 10 октября 1939 г.

вскоре после заключения договора о взаимной помощи оно вступило в направленный против СССР военный союз с Латвией и Эстонией, в результате чего усилилась связь генеральных штабов Литвы, Латвии и Эстонии, осуществляемая втайне от СССР. Все это противоречит договору о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой, который запрещает сторонам вступать в союзы, направленные против другой стороны. В этой связи Советский Союз требовал предания суду министра внутренних дел и начальника департамента государственной полиции Литвы, а также немедленного создания такого правительства, которое будет готово честно выполнять обязательства по договору о взаимопомощи. Выдвигалось требование обеспечить свободный пропуск на территорию Литвы достаточного количества советских воинских частей для размещения их в важнейших центрах страны. Правительство Литвы должно было дать ответ на следующий день до 10 час. утра. В 9 час следующего дня министр иностранных дел Литвы сообщил, что его правительство согласно с условиями советского правительства.

Я прочитал ноту советского правительства в «Правде» от 16 июня. Сразу отправился к эстонскому посланнику Рейю, который рассказал, что советское правительство с начала марта высказывало Литве претензии по поводу своих военнослужащих, покинувших части, но дальше этого дело не шло. Рей предположил, что основным побудительным фактором для действий России является мощное продвижение Германии в Западной и Северной Европе, а Литва как раз и представляет из себя северный маршрут для наступления на Россию. Эстонии и, насколько было известно Рейю, Латвии пока каких-либо требований не предъявлялось. Эстония лояльно следует договору о взаимопомощи, Советский Союз поступает так же и даже учитывает некоторые пожелания Эстонии. Рей, однако, был озабочен тем, что в ультиматуме, переданном Литве, говорится о военном союзе Балтийских государств, якобы направленном против Советского Союза. Эта «Балтийская Антанта» была создана в 1936 году с целью координации внешней политики трех Балтийских государств, в основном в Лиге Наций.

К этому времени судьба Эстонии и Латвии, однако, уже была решена. Позднее в тот же день Молотов вручил посланникам Латвии и Эстонии идентичные ультиматумы, в которых эти государства

обвинялись в том, что они не разорвали договор о военном союзе между собой, хотя он якобы находится в противоречии с договором о взаимопомощи с Советским Союзом, и даже распространили его на Литву, пытались привлечь к нему Финляндию, а также постоянно расширяли взаимное военное сотрудничество. Все это Советский Союз не может допустить, поскольку считает «исключительно опасным, угрожающим безопасности границ Советского Союза». В этой связи советское правительство выдвинуло Эстонии и Латвии такие же требования, как и Литве: создание нового правительства и свободный допуск советских войск для оккупации важнейших центров. Как Латвия, так и Эстония в тот же день сообщили о подчинении советским требованиям. Советские войска перешли границу Литвы 15 июня в 15 час, и границу Латвии и Эстонии 17 июня утром.

Эти ультиматумы характерны для современной политики великих держав. Их мотивировка, по крайней мере с точки зрения наших малых государств, кажется столь странной, что их выдвигание нельзя объяснить ничем другим, кроме как потребностью великих держав попытаться хоть как-то оправдать действия, которые нельзя оправдать ничем, кроме как стремлением реализовать свои «государственные интересы», как их понимают руководители этих держав. Я уже обращал внимание на это. То, что оборонительный союз Эстонии и Латвии опасен для безопасности советской России, или даже «исключительно опасен», абсолютно невозможное утверждение, а ведь оно было единственным поводом для ультиматума. Если Литва признала себя виновной в деле о военнослужащих, покинувших часть, то от нее можно было потребовать компенсации или других мер, но не выдвигать претензий, содержащихся в ультиматуме.

События в Балтийских государствах развивались быстро. Деканозова направили в Литву, Вышинского в Латвию и Жданова в Эстонию контролировать ход дел. Вскоре выяснилось, что все было заранее согласовано и организовано с коммунистами Балтийских государств. Были сформированы новые правительства. Во всех странах началась мощная большевистская пропаганда с арестами и другими связанными с этим мерами. Через три недели назначили новые парламентские выборы на основе нового избирательного закона. Хотя выборы были организованы так, что избирались только

коммунисты и их союзники, большинство в парламентах всех трех стран стояло за независимость своих государств. Но накануне заседания сейма Литвы каждому делегату заявили: «Имей в виду, что каждый, кто осмелится проголосовать против вхождения в Советский Союз, будет отвечать за это не только собственной жизнью, но и жизнью своей семьи и всего высшего сословия Литвы» (так, по крайней мере, рассказывает литовец Игнас Й.-Шейниус (*Ignas J.-Scheinius. Den röda floden stiger. S. 184*)²⁹. Парламенты всех трех государств единогласно высказались за вхождение в Советский Союз. В Эстонии до последнего надеялись хоть на самую малую автономию, «ну хоть такую, как у Внешней Монголии», позднее писал один эстонец (*Siiras Jaan. Viro neuvostokurimuksessa. S. 89*)³⁰.

О деталях этой драмы в то время еще не было полной информации. Но общий ход дел был ясен. Мы, финны, знали, что в Эстонии, условия жизни и настроения людей в которой нам были хорошо известны, вступление в Советский Союз могло поддержать лишь меньшинство, конечно при условии свободного волеизъявления. В Латвии было больше коммунистов, а в Литве, пожалуй, еще больше, но и в этих странах большинство было за независимость. Когда парламенты всех трех стран решили единогласно отказаться от независимости и присоединиться к Советскому Союзу, то для нас это было очень подозрительно. Происходящее в странах Балтии глубоко затрагивает нас, финнов. Так что я постоянно думал о судьбе трех малых народов.

В соответствии с принципами демократии любые действия предполагают поддержку со стороны большинства. Принуждение меньшинства, даже относительно большого, а также силовые действия в этих целях в условиях демократии считаются допустимыми. Ленин и большевики придерживались иного мнения. Они считали, что нет необходимости добиваться поддержки большинства. Энергичное меньшинство, даже небольшое, при благоприятных условиях может совершить революцию и перевернуть все на свете. Если народы не хотят принять учение Маркса и стать счастливыми, то их надо принудить к этому силой.

²⁹ *Ignas J.-Scheinius. Den röda floden stiger. Stockholm: Bonnier, 1941.*

³⁰ *Viro neuvostokurimuksessa piirteitä Viron tapahtumista ja kehityksestä bolshevikivallan aikana vv. 1939-41 / Jaan Siiras; viron kielestä suomentanut E.A. Saarimaa. Porvoo: WSOY 1942.*

Это вполне допустимое и даже доброе дело. Действия в странах Балтии соответствовали учению Ленина.

Акции, предпринятые Советским Союзом в странах Балтии, мы не могли выбросить их головы. «События в Балтии – в Эстонии, Латвии и Литве ужасны, – писал я министру иностранных дел 22 июля 1940 года. – Как они скажутся на нас?..» Судьба Балтии, а также методы, с которыми Эстонию, Латвию и Литву превратили в советские государства и подчинили советской державе заставляли меня день и ночь серьезно думать об этом.

Правда, мне казалось, что для России Финляндия и страны Балтии имеют разное значение. На переговорах 1939 года у меня сложилось впечатление, что Сталин и Молотов признают эту разницу. Но, конечно, Кремль с удовольствием наблюдал бы подобное развитие и в Финляндии. Естественно, размышляя о событиях в собственной стране, мы ни на минуту не забывали о драме на Балтике.

22 мая 1940 года в Хельсинки создали «Общество дружбы и мира между Финляндией и Советским Союзом», целью которого в соответствии с уставом было работать в интересах укрепления мирных и дружественных отношений между Финляндией и Советским Союзом, а также содействовать экономическим и культурным связям между ними. Итак, во всех отношениях хорошее дело. Когда я читал в советских газетах сообщения о деятельности общества, они произвели на меня положительное впечатление. В информации ТАСС от 21 июня говорилось, что на первом собрании общества в Хельсинки доктор Хело подчеркнул, что отношения между Советским Союзом и Финляндией должны основываться на «полном взаимном доверии». Доклад Хело, особенно в той части, где говорилось о большом значении дружественных отношений между Советским Союзом и Финляндией, «был встречен бурными аплодисментами», сообщал ТАСС. «Это – правильные слова. Против них нечего возразить», записал я в дневнике.

Позднее я получил другую информацию о деятельности общества, правда, в виде докладов государственной полиции. Правда, их нельзя считать лучшими историческими документами, но и оснований сомневаться в их достоверности у меня не было. Так что я использовал их в беседах с Молотовым. Когда уже в заявлении о

создании общества говорилось, что выйти из тогдашних экономических трудностей наш народ может только путем улучшения экономических, а следовательно, и политических и культурных отношений с Советским Союзом, то мне казалось, что здесь заходят слишком далеко. Нам нужно было лишь жить и работать в мире. Экономическое сотрудничество с Советским Союзом, конечно, было бы полезным и желательным, но развитие после 1918 года, когда мы свой объемный экспорт в Россию и импорт оттуда больше, чем достаточно компенсировали переводом нашей экономики на новые рельсы, показывало, что в области экономики мы не зависим от России. В этом же заявлении новое общество делало грубый выпад против социал-демократической партии Финляндии и руководства центрального союза профсоюзных объединений Финляндии, утверждая, что они «по-прежнему выступают против строительства дружественных отношений между Финляндией и Советским Союзом». Это необоснованное утверждение показало, что за обществом стоят левосоциалистические и коммунистические элементы.

Уже в первые недели своего существования общество начало шумную пропагандистскую работу, которая по времени совпала с уничтожением независимости Балтийских государств. Тяжелые условия в нашей стране, вызванные Зимней войной и начавшейся большой войной, использовались в подстрекательских целях. [В этом разделе об «Обществе Дружбы» я использую сообщения МИД и доклады государственной полиции.] В июне на праздничном мероприятии общества «Товарищ», известного своей левой ориентацией и относящемся к Рабочему объединению Хельсинки, один из руководителей нового общества, имеющий университетское образование, заявил, что нашу армию «под прикрытием ложного патриотизма заставили сражаться против Советского Союза, но теперь обещанием светлого будущего следует считать события в Балтийских государствах, где уже установилась более свободная жизнь». Другой руководитель общества, имеющий магистерское образование, также назвал изменения в странах Балтии «отрадным явлением» и заявил, что подобное может произойти и в Финляндии. В конце июня на официальном собрании общества была принята приветственная телеграмма новому правительству Эстонии, а также решено послать обращение к председателю парламента и

парламентским фракциям Финляндии с резкой критикой правительства за то, что оно своей деятельностью не способствует переводу отношений между Финляндией и Советским Союзом на доверительную основу, а, наоборот, пытается тормозить подобное, отвечающее жизненным интересам народа развитие, и препятствует работе общества. «В этой связи общество считает, что нынешнее правительство не имеет желания и способности привести отношения между Финляндией и Советским Союзом в отвечающее интересам финского народа состояние и ожидает создания такого правительства, которое искренне будет заниматься развитием экономических, политических и культурных связей между Финляндией и Советским Союзом, а также будет иметь желание и способность перевести эти отношения на доверительную и дружественную основу». Выдвижение подобного требования только что основанным обществом произвело на меня неприятное впечатление.

Красной нитью в подстрекательской деятельности общества проходило восхваление внутренней и внешней политики Советского Союза. Даже нападение СССР на Финляндию в 1939 году в выступлениях и докладах называли и понятным, и оправданным. Советских правителей благодарили, а финских – грубо ругали. Распространенным было утверждение, что Финляндию хотят вновь втянуть в войну, и правительство систематически работает в этом направлении. Самым разумным для Финляндии, говорили они, было бы покориться и поступить так же, как сделали страны Балтии, поскольку в любом случае рано или поздно Советский Союз захватит Финляндию. «Мы больше не можем петь обычные песни, мы должны петь советские песни», говорил председатель общества. И действительно, певческие группы общества репетировали песню «Свободная Россия» и подобные ей.

На демонстрациях, которые проводились в ходе собраний, по сообщениям полиции, раздавались выкрики: «Долой правительство», «Да здравствует советская Финляндия», «Да здравствует революция», «Через две недели мы покажем, на что способны», «Через две недели на Хельсинки будут падать бомбы в тысячу килограмм», «Осенью в Финляндии все будет по-другому», «Наша месть будет кровавой», «Полиция не осмелится трогать нас, т.к. за нами стоит Советский

Союз». В ходе демонстраций нападали на полицейских. На одном из мероприятий в Турку из 23 полицейских пострадали 11.

Один из активистов общества, коммунист, опять же по информации государственной полиции, в начале августа 1940 года распространял следующие слухи: примерно уже через две недели Советский Союз оккупирует основные объекты в Финляндии. Происходить это будет следующим образом: СССР объявит, что в целях обеспечения свободного прохода и избежания саботажа он вынужден установить контроль над важными железнодорожными узлами. «После этого из Советского Союза прибудет много поездов с военнослужащими. При этом с точностью до минуты будет известно, где и в какое время находится тот или иной поезд. Одновременно появятся воздушно-десантные войска, эскадрильи самолетов и флот. Может случиться и так, что первым будет десант. Во всяком случае, все будет происходить неожиданно. Можно сказать, что, когда люди будут просыпаться, многие места уже будут оккупированы. Они будут просыпаться от рева моторов самолетов. Это будет голос свободы. Теперь надо побеспокоиться, чтобы лахтари³¹ и их прихвостни не сбежали из страны».

Деятельность общества вызывала в народе подозрение, страх и ответную реакцию. Социал-демократическая партия начала энергично противодействовать этому движению. За короткое время общество получило заметную поддержку, но все же круг ее сторонников был не так уж велик. По сообщению самого общества, оно имело не более 40 тыс. членов.

Москва взяла общество под особую защиту. В «Правде» и «Известиях» постоянно, зачастую ежедневно публиковались искаженные, а иногда и просто лживые сообщения ТАСС о демонстрациях и беспорядках, которые сопровождали мероприятия общества в Финляндии. Поскольку советская печать не публиковала ничего, не прошедшего официальную цензуру, то это был плохой знак. Еще хуже было то, что сам Кремль встал на сторону общества и поддерживал ее деятельность.

Из моего дневника 24.07.1940:

³¹ Ляхтари – мясники, фин. Презрительное наименование белогвардейцев красногвардейцами в период гражданской войны в Финляндии.

«После обсуждения вопроса об Аландских островах Молотов сказал, что у него есть еще одно дело, которое он хотел бы проговорить со мной.

Молотов сообщил, что в Финляндии создано объединение, которое ведет работу в пользу укрепления дружбы между Финляндией и Советским Союзом. Оно получило в Финляндии большую поддержку, особенно со стороны трудящихся. Но члены финского правительства препятствуют его деятельности и преследуют его. Особым его противником является министр Таннер. Молотов зачитал сообщение ТАСС из Хельсинки в «Известиях», которое было опубликовано также в «Правде». Эта деятельность членов правительства и особенно господина Таннера вступает в противоречие с нынешней политикой Советского Союза и Финляндии, нацеленной на установление дружественных и добрых отношений между Советским Союзом и Финляндией. Только что названное объединение работает именно для достижения этой цели. Молотов не понимает подобной деятельности со стороны членов финского правительства и особенно господина Таннера.

Молотов продолжил, отметив, что прошлой осенью Таннер³² не дал Советскому Союзу и Финляндии прийти к заключению договора и добавил: «Если бы мы вели переговоры с Вами, то, очевидно, пришли бы к гораздо более выгодному для Финляндии договору, чем нынешний Мирный договор».

— Я: Заверяю, что правительство Финляндии и все его члены стремятся к установлению как можно более добрых и дружественных отношений между Финляндией и Советским Союзом.

Что же касается конкретно господина Таннера, то Вы ошибаетесь в его отношении. Прошлой осенью Таннер стремился к согласию и достижению договора между нашими странами, так же, как и я. Я уже упоминал об этом в прошлом марте в ходе переговоров о мире. Когда после переговоров осенью прошлого года мы вместе с Таннером выезжали отсюда, то были уверены, что скоро вернемся с новыми предложениями и уступками.

³² С 1 декабря 1939 по 27 марта 1940 гг. Вяйнё Таннер был министром иностранных дел.

– Молотов: Переговоры осенью продолжались так долго, что вы должны были бы понять, что они на том завершаются.

– Я: Повторяю то, что я говорил в марте прошлого года, а именно – понять менталитет другого народа очень непросто.

– Молотов: Ну, давайте оставим прежние дела. Но это факт, что Таннер сейчас выступает против деятельности Общества дружбы между Советским Союзом и Финляндией. Почему он это делает? Это общество стремится к той же цели, что и наши страны. Таннер не хочет хороших отношений между Советским Союзом и Финляндией.

Это, конечно, не дело Советского Союза определять, кто входит в правительство Финляндии. Но Советский Союз решает, с кем он предпочитает поддерживать контакты и сотрудничество. До тех пор, пока господин Таннер входит в правительство Финляндии, тем более занимает важный пост министра торговли, отношения между Советским Союзом и Финляндией, по моему мнению, не станут хорошими и не улучшатся, и вряд ли из торговли между нашими странами что-то выйдет. Неужели вы не можете обойтись без Таннера?

– Я: Что касается пребывания Таннера в правительстве, то это не мое дело назначать членов правительства или увольнять их.

– Молотов: Понимаю, что вам неприятно беседовать на эту тему.

– Я: Что касается позиции Таннера относительно финляндско-советских отношений, то могу заверить Вас, что он самым горячим и серьезным образом поддерживает установление и развитие добрых отношений между Финляндией и Советским Союзом и стремится к этому. Вам не следует сомневаться в этом ни в малейшей степени. Я хорошо знаю Таннера, мы с ним друзья уже 40 лет.

– Молотов: Но почему тогда он выступает против деятельности нового общества, пытается помешать ему, преследует его членов?

– Я: Я не очень хорошо знаком с этим новым обществом, ведь я давно не был в Хельсинки.

– Молотов: Почему же Вы не были в Хельсинки?

– Я: У нас было много дел с Вами. Почти каждый день прихожу с ними.

– Молотов: Поезжайте в Хельсинки, ведь о таких вещах нельзя говорить, не зная их лично.

– Я: Да я и так собирался съездить в Хельсинки. Как только закончим переговоры о железнодорожном сообщении, съезжу. (В шутку). Да и мой зубной врач говорит, что если я вскоре не приеду, то все зубы у меня выпадут.

– Молотов (в шутку): Ну раз зубной врач дал такой приказ, то надо срочно ехать.

«Наша беседа, на которой были только мы, не было даже секретаря Молотова, который обычно присутствовал, на этом была завершена. Молотов все время был очень любезен и в хорошем настроении».

В сообщении ТАСС, на которое ссылался Молотов, говорилось о значительном росте числа членов «Общества дружбы и мира», связанном с тем, что цели деятельности общества – создание прочных дружественных отношений с Советским Союзом, – получали активную поддержку во всех слоях населения, особенно среди трудящихся, и, во-вторых, с тем, что среди трудящихся социал-демократической ориентации проявляется большое недовольство руководством социал-демократической партии, политика которого потерпела крах. Используя в своих интересах поддержку правительства и испытывая глубокую ненависть к Советскому Союзу, реакционное крыло социал-демократической партии в последнее время развернуло яростную борьбу против «Общества дружбы и мира», называя его руководителей шептунами и предателями рабочего класса».

Как выяснилось из слов Молотова, объектом особого недовольства Кремля был министр Таннер. Один посол сказал, что кремлевские господа считают Таннера «своим личным врагом». Я долго думал о причинах этой ненависти. Очевидно, для этого было несколько причин. Социал-демократы, меньшевики, всегда были врагами большевиков, чуть ли не большими, чем «капиталисты». В

качестве лидера социал-демократии Таннер энергично выступал против деятельности «Общества дружбы», которое, по его мнению, размывало народное единство, точно так же, как ранее он выступал против коммунистов, правда, не поддерживал направленные на них чрезвычайные законы. В основе желания Кремля вывести Таннера из правительства лежало незнание им, Кремлем, обстановки в Финляндии. Кремль, очевидно, полагал, что Таннер является ключевой фигурой в действиях правительства против общества. Это было преувеличением. Да и нахождение Таннера вне правительства не помешало бы ему в качестве лидера социал-демократической партии активно выступать в этом вопросе.

Молотов до моего отъезда в Хельсинки вновь поднял вопрос об обществе.

Из моего дневника 03.08.1940.

«После разговора о транзите в Ханко и об Аландских островах Молотов вновь поднял вопрос о “преследованиях Общества дружбы между Финляндией и Советским Союзом”, о чем в последние дни были публикации в «Правде» и «Известиях».

Я сказал, что, поскольку еще не был в Хельсинки, то знаю об этом ненамного больше, чем в прошлый раз, когда мы беседовали на эту тему. Однако попросил Молотова не отождествлять деятельность общества и стремление к добрососедским отношениям между Финляндией и Советским Союзом. За хорошие отношения с Советским Союзом выступает весь финский народ и правительство. Свидетельством этого является соглашение о транзите на базу в Ханко³³, о котором ничего не говорится в Мирном договоре, но на которое мы пошли и при этом сделали большие уступки в соответствии с пожеланиями советской стороны.

Молотов признал, что в Мирном договоре ничего не говорится о транзите в Ханко, но добавил, что упомянутое соглашение не доставляет Финляндии каких-либо неудобств и у нее не было оснований не идти на него.

- Я: Ничего приятного нет в том, что ваши военные передвигаются взад-вперед по нашей территории. Но тот факт, что

³³ Подписано 6 сентября 1940 года.

мы пошли на это, как раз и служит свидетельством нашего стремления к добрым отношениям с вами, а также показывает, что мы не опасаемся каких-то злых намерений с вашей стороны против Финляндии.

— Молотов: Но окрестности Ханко вы сильно укрепляете. Ханко не направлено против вас, у него другие задачи.

— Я: Я не знаю в деталях этот вопрос, но обязанность независимого государства заботиться о своей обороне. Пока что мир такой, что это необходимо. Я бы очень хотел, чтобы мир образумился и войска, и военные укрепления не были бы нужны, но пока еще мы к этому не пришли.

— Молотов: Наверняка наступит время, когда армии и военные укрепления будут не нужны. Человечество поумнеет.

— Я: Сообщения ТАСС из Хельсинки неточные. Например, несколько дней назад ТАСС сообщил об аресте всех членов «Общества дружбы». На самом деле были задержаны 8 человек для допроса.

— Молотов: Но все-таки они были задержаны. Так что это правда.

— Я: Мы должны выполнять свои законы. Вы ведь тоже всегда говорите, что обязаны соблюдать свои законы даже в отношении финнов, случайно нарушивших границу. Далее: в деятельности «Общества дружбы» наблюдаются подозрительные моменты. На одном мероприятии общества кричали: «Еще будут бомбардировки». Финский народ начинает думать, что «Общество дружбы» не хочет дружбы между Финляндией и Советским Союзом, а хочет чего-то совсем другого».

Молотов выглядит удивленным и заявляет, что такое могли кричать только провокаторы.

— Я: Продолжим беседу, когда я вернусь из Хельсинки.

— Молотов: Пока Таннер в правительстве, ничего не получится из нашего стремления к хорошим отношениям между нашими странами. Он против них.

— Я: Я уже много раз говорил с Вами на эту тему.

– Молотов: Этот вопрос, конечно, ваше внутреннее дело.

– Я: Конечно, это наше дело.

– Молотов: Я говорю с Вами открыто и доверительно, ведь мы старые знакомые.

– Я: Понимаю.

– Молотов (прощаясь): счастливого пути.

– Я: Большое спасибо. (Через секунду шутливо). Могу я передать Ваши приветы господину Таннеру?

– Молотов (также шутливо): Таннеру? Нет, нет».

Вопрос стал выглядеть более серьезно, когда Молотов 1 августа 1940 года на заседании Верховного Совета, выступая с докладом о внешней политике правительства и отметив в общем удовлетворительное выполнение Мирного договора и достижение Соглашения о демилитаризации Аландских островов, добавил:

«Что касается дальнейшего развития советско-финляндских отношений в хорошем для обеих стран направлении, то это зависит, главным образом, от самой Финляндии. Понятно, что если некоторые элементы финляндских правящих кругов не прекратят своих репрессивных действий против общественных слоев Финляндии, стремящихся укрепить добрососедские отношения с СССР, то отношения между СССР и Финляндией могут потерпеть ущерб».

Подобное заявление на заседании Верховного Совета Советского Союза, т. е. парламента, означавшее открытую поддержку деятельности «Общества дружбы», следовало воспринимать всерьез.

Одновременно в российских газетах развернулась целая кампания против Финляндии, правда не в передовых статьях, а в почти ежедневных сообщениях из Хельсинки официального телеграфного агентства ТАСС. Чаще всего в них говорилось о «преследованиях общества дружбы», но также и о действительно тяжелых условиях жизни в Финляндии, «о страданиях финского народа», связанных как с Зимней войной, так и с идущей большой войной. Сообщения были выдержаны во враждебном для Финляндии духе, и к ним подверстывалось все, что можно было

найти неблагоприятного для Финляндии. Эта ситуация оживленно обсуждалась в дипломатических кругах, и общее мнение сводилось к тому, что речь идет о целенаправленной деятельности против Финляндии. В силу своей деликатности дипломаты не всегда прямо излагали мне свои соображения, но мой самый близкий друг-дипломат шведский посланник Ассарссон постоянно держал меня в курсе дел. Уже в июне, когда Советский Союз оккупировал страны Балтии, пошли разговоры о судьбе Финляндии и намерениях России, но в июле-августе они достигли апогея. У иностранных дипломатов не было никаких задних мыслей, напротив, они испытывали теплое сочувствие в отношении Финляндии. Но их задача – сбор информации и доклад своему министру иностранных дел, поэтому вполне возможно, что в некоторых докладах присутствовали и слухи.

В это время в мировой печати начали циркулировать грустные сплетни о Финляндии. Уже в июне, в дни оккупации Балтии, во французских, английских и американских газетах появились тревожные сообщения о прямой угрозе Финляндии, кое-где даже писали, что Советский Союз уже напал на Финляндию. В июле последовала новая порция подобных сообщений: в нескольких материалах из Стокгольма агентство Юнайтед Пресс сообщало, что Советский Союз в ультимативной форме потребовал разоружения финской армии. В некоторых больших мировых газетах, включая США, а также в радиопередачах эти известия излагались в крайне мрачном для Финляндии духе. По всему миру, включая официальные круги, распространилось безнадежное представление о будущем Финляндии. Благожелательно относящийся к Финляндии и, пожалуй, лучше всех знающий условия в Советском Союзе посол Германии граф фон дер Шуленбург, у которого я был в начале августа, сообщил, что в тот же день он получил запрос от своего правительства, что означают выпады «Правды» и «Известий» против Финляндии. Посол сказал, что он крайне удивлен и обеспокоен выступлениями этих газет, но не может сказать, что все это означает. «Здесь так трудно понять намерения русских».

15 июля 1940 года я направил следующую телеграмму в Хельсинки:

«Сегодня в “Правде” вновь сообщение “Тяжелая доля рабочих в Финляндии”. Частично основано на неизвестном мне шведском

источнике, частично на статье в “Суомен Сосиалидемократти”. Иностранцы с озабоченностью фиксируют подобные, уже ставшие привычными публикации по Финляндии и считают их подготовкой каких-то мер, поскольку всем известно, что здешние газеты помещают такие материалы с определенной целью. Я не такой пессимист, но и я не могу скрыть свою озабоченность, поскольку никакая добрая воля не поможет нам ликвидировать последствия нашей несчастной войны. В Финляндии сохраняется значительное недовольство, которое создает почву для восприятия внешнего влияния. В качестве позитивной меры предлагаю предпринять меры для уменьшения у нас подобных негативных газетных публикаций и недовольства, служащего основой для них, если это, конечно, возможно».

Для меня, находившегося в центре событий, все это было очень тяжело видеть. У меня не было никаких заблуждений относительно политики великих держав. В свете последних событий их не было и в отношении советской России. На помощь нам никто не придет. Но где сейчас народное единство, которое было во время Зимней войны? 22 июля 1940 года отправил своему министру иностранных дел следующее письмо: «Я слышал, что на родине растет недовольство и душевное уныние, порожденные несчастной войной. Именно этого я боялся и на это указывал в телеграмме от 15.07. Я писал, что “никакая добрая воля не поможет нам ликвидировать последствия нашей несчастной войны. В стране сохраняется значительное недовольство, которое создает почву для восприятия внешнего воздействия”. Судьба Балтийских государств и то, как Эстония, Латвия и Литва были превращены в советские государства, а затем включены в состав российской советской империи, заставляет меня день и ночь думать об этом серьезном деле. Сейчас речь идет о том, сможем ли мы приглушить недовольство в стране и пережить ближайшее время и ближайшие годы. Особенно меня пугает ближайшая зима. Почти ежедневно в здешней печати появляются статьи о тяжелом положении Финляндии. В сегодняшней “Правде” опять новость: “Трудности с продовольствием в Финляндии” ... Наше политическое положение изменилось и в том отношении, что такое суверенное государство как Финляндия вряд ли может использовать свои радикальные законы против коммунистов, если их движение начнет расти. Нам следует опираться на общую гражданскую поддержку и т.

п., а не на меры принуждения или наказания. Но что мы можем сделать, чтобы сознание и готовность к действиям и самопожертвованию присутствовали во всех тех кругах, которые что-то могут сделать для сплочения общества и укрепления его сопротивляемости, я отсюда сказать не могу. Но, как мне видится, это станет для нас основной проблемой в самое ближайшее время. Опасность состоит в том, что после Балтийских государств внимание отсюда, из Москвы, может быть переключено на нас, и тогда все будет зависеть от внутренней прочности нашего народа».

В начале августа я вновь телеграммой сообщил о статьях в «Правде», рассказывающих о конфликтах вокруг мероприятий «Общества дружбы» в Хельсинки, Тампере и других городах, и далее писал: «Я очень озабочен этими событиями, особенно с учетом вчерашней речи Молотова. По-моему, это движение можно победить и нейтрализовать духовными силами, которые следовало бы немедленно организовать» ... 6 августа я вновь сообщил о статьях в «Правде» с рассказом о «преследованиях общества дружбы» и об убийстве одного его члена, а также добавил: «Если это правда, то крайне печально и опасно... Я подозреваю, что за повторяющимися публикациями “новостей” кроются нехорошие намерения в нашем отношении. Повторяю, наша единственная защита – подавление подозрительных течений духовными силами». 9 августа я сообщил, что в этот день впервые за долгое время в газетах не было сообщений ТАСС из Финляндии, но тут же пришла из Хельсинки депеша о столкновениях с полицией в Турку на демонстрации «Общества дружбы». В этой связи я написал; «Дело очень сомнительное. Если так будет продолжаться, то следует учитывать возможность вмешательства Советского Союза. Повторяю то, что я писал в телеграммах и в письме Виттингу 22.07.40: Движение следует подавить духовными силами, что вполне возможно, если речь идет о небольшой жалкой группировке».

У нас в течение всего времени независимости считали, что Германия заинтересована в независимости Финляндии. В августе 1939 года Германия подписала с Советским Союзом часто упоминаемый Договор о ненападении, и весной и летом 1940 года в этом «браке по расчету» еще не было признаков разлада. Каждая из сторон спешно использовала его для того, чтобы ее добыча была как можно больше. Ни о какой военной помощи нам со стороны

Германии речи не было, но мы надеялись получить от нее хоть какую-то дипломатическую и моральную поддержку в Кремле, хотя реальное значение этого было бы минимальным. Во время Зимней войны Германия твердо стояла на нейтральной, даже прохладной для нас позиции. Были ли в августовском договоре секретные статьи, касающиеся Финляндии, нам не было известно наверняка. Немцы, если вступали в разговор на эту тему, то заверяли, что в договоре ничего не говорится о Финляндии. Но с разных сторон поступала иная информация. Например, в Москве, в русских кругах я слышал, что Финляндия отнесена к сфере интересов Советского Союза. После размышлений над этим вопросом 15 июля я направил в Хельсинки телеграмму: «Далее следует попытаться каким-то образом выяснить, включила ли Германия в августовском договоре Финляндию в зону влияния Советского Союза, или же она заинтересована в нас. Последний важный вопрос прояснить здесь не представляется возможным, это стоит попробовать в Берлине». Четырьмя днями позднее, 19 июля 1940 года рейхсканцлер Гитлер выступил на заседании рейхстага с уже упомянутой мною речью, в которой заявил: «Германо-советские отношения определены окончательно. Причина этого в том, что Англия и Франция, поддерживаемые определенными малыми государствами, постоянно подталкивали Германию к агрессии в тех регионах, которые находятся вне зоны каких бы то ни было германских интересов. То они говорили о том, что Германия стремится завоевать Украину, то — войти в Финляндию. Иной раз они утверждали, что мы угрожаем Румынии, или начинали пугать нами Турцию. Поэтому в таких условиях я посчитал правильным трезво определить наши интересы именно с русскими, чтобы раз и навсегда внести ясность в понимание вопроса, что хочет видеть Германия в будущем в качестве своей зоны интересов и, наоборот, что считает Россия важным, для ее существования.

На основании таких четких разграничений обоюдных сфер интересов произошло переустройство германо-советских отношений. И всякие надежды на то, что в результате этого между нами может возникнуть напряженность — просто детские фантазии. Ни Германия не сделала ни одного шага, который бы выходил за пределы ее интересов, ни Россия. Надежды Англии на то, что она сможет с помощью какого-либо нового европейского кризиса

облегчить собственное положение, если речь идет об отношении Германии к России, являются заблуждением».

Это был ясный язык. Хотя более поздние события привели Гитлера к совершенно иной политике в отношении России, речь отражала тогдашнюю позицию Германии. Финляндия относилась к тем странам, «которые находятся вне зоны каких бы то ни было германских интересов», так говорил Гитлер. В начале августа от немцев, благожелательно относившихся к Финляндии, я услышал, что Германия не могла помочь Финляндии, хотя и хотела, т. к. сама «по горло» была в войне. Поэтому Финляндии надо было самой разбираться с Советским Союзом.

Выступление Гитлера в рейхстаге, хотя и не было абсолютно неожиданным, вновь показало, что в политическом отношении мы одиноки. «Речь Гитлера 19.07. была плачевной для нас», писал я 22 июля своему министру иностранных дел. «В ней Гитлер дал ответ на мой вопрос, который я задавал в телеграмме от 15.07. Когда Гитлер говорил об отношениях Германии с Советским Союзом, то сообщил, что Финляндия относится к тем странам, к которым у Германии нет никакого интереса».

10 августа 1940 года вместе с супругой мы отправились в давно планировавшуюся поездку в Хельсинки. В Стокгольме, где я встретился с нашим посланником Васашерна, с большим вниманием следили за всем, касающимся нашей страны, были глубоко озабочены, вплоть до безнадежности, судьбой Финляндии. Когда на следующий день мы прибыли в Хельсинки и ехали с аэродрома Малми в город, нам повстречалась колонна коммунистов, примерно две тысячи человек, которые сопровождали на кладбище коммуниста, застреленного во время демонстрации «Общества дружбы». Стрелявший был американским финном.

В Хельсинки все дни прошли в переговорах с членами правительства и маршалом Маннергеймом. Все, и в не меньшей степени Маннергейм, были встревожены политической ситуацией. Поступали тревожные сообщения, вплоть до указывающих на начало переброски российских войск в направлении Финляндии. Я высказал мнение, что в последнее время наше положение осложнилось, а

присоединение к советской России стран Балтии, Бессарабии, Западной Белоруссии и Западной Украины, а также прошедшая война с Финляндией добавили России ощущение мощи и силы. Имперские чувства охватывают и народ России. Например, в выступлениях в московских народных парках начали говорить о восстановлении прежних границ России, т. е. стало явным то, о чем раньше предпочитали молчать. Наша война с советской Россией изменила настроения в российском руководстве. У нас многие полагали, что в результате нашей войны в Кремле возникло чувство осторожного уважения по отношению к нам. Русские про себя наверняка признавали, что мы сражались хорошо, но этот «респект» в делах не проявлялся. У нас были враги в Кремле. Рассказывали, что два влиятельных члена политбюро, а также советские военные выступали против заключения мира с Финляндией, но Сталин протолкнул его. После присоединения стран Балтии Советский Союз приблизился к нам. Вне всякого сомнения, в Кремле с удовольствием увидели бы у нас такое же развитие, что и в Балтии, и кое кто в Москве наверняка полагал, что так и произойдет. Следовало опасаться, что после событий в Балтии Советский Союз переключит свое внимание на нас. Последние статьи в «Правде» и «Известиях» о нас были плохим знаком. Почти каждый день они публиковали неприятные сообщения ТАСС, особенно об «Обществе дружбы». Недобрыми были угрозы Молотова в выступлении в Верховном Совете 1 августа 1940 года. В последнее время Молотов дважды поднимал тему «Общества дружбы» в беседах со мной. Все это предвещало что-то плохое. За этим что-то крылось. Но нам надо было как-то жить с Советским Союзом. По крайней мере в тот момент Советский Союз, внимание которого было обращено на Юг, скорее всего хотел избежать новой войны с Финляндией, хотя и знал, что наша страна в еще меньшей степени, чем прошлой зимой, была готова к сопротивлению. Но война в любом случае предполагает приведение в действие военной машины. Этого Советский Союз хотел избежать в то время. Поэтому мы могли бы жить рядом с ним, если бы урегулировали все вопросы.

С разных сторон я слышал, что высоким советским господам неприятно, что их братьев по духи держали в Финляндии как париев, в особом положении. В Москве, в благожелательных для Финляндии кругах, высказывали опасения, что для советских

правителей это может стать делом чести. А это уже было опасно. Меры государственной власти в отношении «Общества дружбы» следовало бы ограничить так, чтобы привлекать его к ответственности только в случае незаконных действий с его стороны. Примерно такие мысли я высказывал на переговорах в Хельсинки.

В то время как раз стоял вопрос о регистрации общества. Ему было сообщено, что регистрация будет произведена в случае, если в устав будет включено положение о том, что членами общества могут быть только добропорядочные и совершеннолетние лица. Первое требование, на мой взгляд, было приемлемо. Что касается возрастного ограничения, то в этом плане обществу должны предъявляться те же требования, что и к другим политическим объединениям, чтобы оно не могло говорить о каком-то особом обращении. Подчеркнул, что общество должно работать на тех же условиях, что и другие подобные организации. Его влияние можно было бы нейтрализовать с помощью пропаганды... Руководство общества, однако, отказалось от внесения изменений в устав, и в регистрации ему было отказано.

Рассказал Таннеру о высказываниях Молотова в его адрес. Таннер, относительно которого советский посланник в Хельсинки также имел беседу с министром иностранных дел, сообщил, что он уже решил выйти из правительства, и теперь приступил к реализации этого решения. Таннер был согласен со мной, что деятельности «Общества дружбы» следует противопоставить «духовное оружие», но счел и действия полиции необходимыми.

В Хельсинки посетил советского посланника Зотова, с которым у меня был двухчасовой разговор. Заверил его, что в Финляндии существует общее стремление к улучшению отношений с Советским Союзом, и теперь надо добиваться конкретных результатов. Молотов говорил мне много раз, что все вопросы между Финляндией и Советским Союзом решены Мирным договором, и Советский Союз не намерен вмешиваться во внутренние дела Финляндии. Если будем придерживаться этих принципов, то отношения между нашими странами могут стать хорошими.

Зотов согласился с этой позицией, но повернул разговор к «Обществу дружбы», заявив, что ему представляется нелогичным, когда препятствуют деятельности общества и в то же время говорят о

желании иметь хорошие отношения с Советским Союзом. Он сослался на заявление Рюти о том, что правительство не допустит коммунизма, опасается «коммунистической заразы», и что деятельность общества нанесла бы ущерб добрым отношениям. Поэтому эта деятельность должна быть прекращена. В Финляндии не хотят судьбы Балтийских государств. На это Зотов сказал, что общество выступает не за коммунизм, а за дружбу с СССР. В демократической стране это должно быть разрешено. Советский Союз не намерен подстрекательскими методами навязывать свой строй Финляндии, если финский народ этого не хочет. Цель общества – культурное сближение и знакомство друг с другом. Собрания общества проходят хорошо, на них присутствует полиция, но на улицах появляются провокаторы. Если бы обществу позволили свободно проводить свои мероприятия, то никаких печальных инцидентов бы не было. В Советском Союзе с удовлетворением воспринимают возникновение подобных «обществ дружбы», и не понимают причин ограничения их деятельности. Финское общество очень популярно в Советском Союзе. Создание правительством т. н. комитета профессора Хямляйнена приветствуют в Советском Союзе. Посланник высказал надежду, что этот комитет будет положительно относиться к обществу. Результат работы комитета как раз и будет зависеть от его позиции в отношении общества дружбы³⁴.

На это я ответил, что если бы «Общество дружбы» выступало только за дружбу и хорошие отношения с Советским Союзом, то никто ничего бы не имел против него, но я слышал, что на собраниях общества раздается грубая брань в адрес правительства, угрозы бомбардировок, войны и т. п. Все это выглядит прямо противоположным заявленным целям. Зотов отрицал это, и назвал это деятельностью провокаторов. Наконец Зотов остановился на речи министра Фагерхольма в Стокгольме, которая как бы служила ответом на выступление Молотова и не очень подходила к текущему моменту. Фагерхольм говорил о троянском коне и о пятой колонне, которая будет разбита.

³⁴ 6 августа 1940 года правительство Финляндии создало под руководством профессора Альберта Хямляйнена комитет для содействия культурному обмену между Финляндией и СССР и подготовки соответствующих предложений. Действия правительства рассматривались как попытка создать конкурирующую организацию обществу дружбы, и само общество, а также советский посланник И. Зотов отказались участвовать в работе комитета.

На заседании правительственной комиссии по иностранным делам, где я делал доклад о своих московских наблюдениях и о беседе с советским посланником в Хельсинки, развернулась широкая дискуссия о политическом положении страны и о некоторых открытых вопросах. Решили также, что премьер-министр Рюти безотлагательно выступит по радио с оценкой финляндско-советских отношений. В этом выступлении 18 августа Рюти открыто заявил, что «мы, финны, реалисты, мы признаем факты и исходим из существующих условий. Так что мир, каким бы трудным он ни был для Финляндии, раз уж он заключен, то безоговорочно одобрен, и на его основе мы начали строить отношения добрососедства». Назвав некоторые вопросы, которые после заключения мира были урегулированы или находятся в стадии урегулирования, Рюти заявил, что все эти переговоры имели одну цель: развитие отношений добрососедства и решение открытых вопросов путем переговоров в интересах обеих стран. Он отметил развитие экономических связей на основе недавно заключенного торгового соглашения, а также культурных обменов, для планирования которых был недавно создан специальный комитет. В связи со словами Молотова в его речи о том, что развитие отношений между двумя государствами зависит от правительства Финляндии, Рюти сослался на свое разъяснение по поводу еще открытых вопросов в финляндско-советских отношениях, после чего подчеркнул, что Финляндия делом доказала, что искренне и без всяких предрассудков стремится к установлению сотрудничества с СССР. Он также отметил, что Финляндия честно проводит политику мира и за этой политикой стоит весь финский народ.

Когда я еще был в Хельсинки, президент Каллио попросил меня оставаться в Москве и после того, как мне исполнится 70 лет в конце ноября того же года. Он без моего ведома принял решение, требуемое законом о выслуге лет. Ответил, что я собирался выйти в отставку в октябре. Но также и члены правительства сочли, что моя отставка была бы нежелательна в подобное критическое время. «Так что у меня нет иного выбора, кроме как пока оставаться на своем месте. Так сбылась старая финская пословица: не давай дьяволу мизинец, а то он всю руку откусит», – записал я в своем дневнике.

Завершив переговоры в Хельсинки и, в частности, основательно ознакомившись с переданными мне в МИДе объемным

официальным досье на «Общество дружбы», я вместе с супругой направился в обратный путь через Стокгольм, где настроения по поводу Финляндии по-прежнему оставались весьма пессимистичными.

Через пару дней после возвращения в Москву Молотов пригласил меня в Кремль. Я писал об этом своему министру иностранных дел:

«Из моих телеграмм ты знаешь, что 22.08. Молотов пригласил меня в Кремль. Как и всегда, он был со мной исключительно любезен. Но впечатление от беседы отнюдь не было положительным. Прежде всего, беседа подтвердила, что между Советским Союзом и Финляндией нет доверительных отношений, и здесь существует большое недоверие к нам. Чем все это закончится, не знаю.

Сначала Молотов любезно поинтересовался моим самочувствием, ходом поездки, после чего я передал ему предложения по Аландским островам. Он сказал, что как раз об этом хотел поговорить со мной. Мы прошлись с ним по статьям, и Молотов обещал вернуться к этому вопросу позднее.

После этого я сказал, что поскольку я сейчас у него, то хотел бы рассказать, что узнал об «Обществе дружбы», и попросил какое-то время послушать меня. У меня была заготовлена небольшая памятка, которая содержала следующие пункты:

а) Я заметил, что сегодня все слои финского народа стремятся к хорошим отношениям с Советским Союзом.

б) В Хельсинки хотят сделать деятельность «Общества дружбы» организованной и поставленной на регулярную основу.

с) Общество будет зарегистрировано после того, как в ее устав будут внесены некоторые дополнения, после чего оно сможет работать свободно, так же как и все другие объединения, естественно при условии соблюдения законов.

д) Чтобы Молотов понял, в чем же состоит причина негативного отношения к обществу, попросил разрешения привести некоторые факты, тем более, как я заметил, Молотов любил именно конкретные факты:

В деятельности общества наблюдаются такие проявления, которые не всегда уместны, а частично носят такой характер, что не могут быть допущены. На мероприятиях общества грубо ругают правительство, премьер-министру направлено письмо, содержание которого частично таково, что не может быть принято.

е) Среди членов общества, в том числе на ответственных постах, есть неуместные лица, в том числе обычные преступники. Я сказал, что вице-председатель общества имеет две судимости за кражу и одно за избиение. Далее сообщил, что из полученных мною документов следует, что два члена общества также имеют судимость за кражу, обман и хранение краденого имущества.

На этом месте Молотов сказал: «Мы не ведем следствие». Ответил: «Конечно, нет». Я лишь хотел дать ему, Молотову, правильную картину ситуации, а его дело оценить ее и попросил еще послушать меня.

ф) Продолжил: Общество своей деятельностью нарушает общественный порядок. В официальных документах я видел, что на его демонстрациях кричат: «Долой правительство!». («Это самый невинный из выкриков», сказал я полушутливо и посмотрел искоса на Молотова. Он рассмеялся. Этот старый революционер и сам не раз кричал «долой» и свергал правительство). Далее: «Через две недели мы покажем, на что способны». «Через две недели на Хельсинки будут падать бомбы в 1000 килограммов» (Добавил: «Это уже весьма серьезно»), «Осенью в Финляндии будет другой порядок», «Наша месть будет кровавой» и т. д. Далее, 29.07. они кричали: «Полиция не смеет ничего нам сделать, за нами Советский Союз». Вице-председатель общества призывал демонстрантов к борьбе с полицией. Я сообщил, что в Турку 7.08. во время демонстрации были ранены 23 человека, из 11, т. е. почти половина, полицейские.

г) В деятельности общества наблюдаются также провокационные моменты. Общим местом стало распространяемое утверждение, что правительство хочет привести Финляндию к новой войне, что является грубой ложью. Распространяются всевозможные слухи, например, такой: скоро Советский Союз захватит важнейшие железнодорожные магистрали и узлы в Коувола, Котка, Риихимяки, Тампере, Вааса, Турку, Хельсинки. По ним прибудет много советских поездов с солдатами, а также будут – воздушный десант, самолеты и

даже флот. Утверждают, что скоро Советский Союз захватит Финляндию. В заключение добавил: представьте, какое впечатление такие речи и слухи производят на финнов.

Я счел наилучшим выложить все сразу, поскольку Молотов слушал меня, правда, без особого удовольствия.

Когда я закончил, Молотов вновь сказал: «Это не следствие», и продолжил, что людей, мол, обвиняют в разных грехах, т. е. ему не хотелось верить мне.

Затем Молотов перешел в наступление. Он сказал: «Да, финский народ хочет дружбы с Советским Союзом, но в правящих кругах страны нет искреннего стремления к дружбе. Вы – единственный, кто хочет хороших отношений между Советским Союзом и Финляндией, но Вы – только один человек, и Вы не в состоянии добиться этой цели. Правительство занимается двуличной деятельностью, заявляет, что выполняет мирный договор, а на самом деле в правительственных кругах говорят: “Тот не финн, кто признает московский мир”». (Ранее Молотов говорил Богеману, что слышал это от одного бывшего члена правительства)³⁵. Это Молотов произнес три раза, подчеркнув значение слов поднятием руки. Я ответил: «Это невозможно. Правительство и я придерживались и продолжаем придерживаться одного мнения». Сослался на выступление Рюти. Молотов прекрасно знал, что во всех вопросах мы удовлетворяли пожелания Советского Союза. В заключение я спросил, не может ли он сказать мне точнее, откуда взялось так часто повторяемое им утверждение, которое не соответствует действительности. Молотов ответил, что не может сказать ничего иного, кроме как то, что «к сожалению, это утверждение – правда».

«Затем Молотов указал на наши укрепления у Ханко и на новых границах, заявив, что их возведение не свидетельствует о дружественном отношении к СССР. Он сказал, что в финских военных кругах разжигается ненависть к Советскому Союзу. В отношении укреплений я повторил Молотову то, что говорил раньше, а именно, что независимое государство должно заботиться о своей обороне. Я отрицал, что среди военных существует ненависть к

³⁵ Эрик Богеман, видный шведский дипломат, занимавший с 1938 по 1945 год пост генерального секретаря МИД своей страны.

Советскому Союзу. Мы, и военные, и остальной народ, хотим мира и добрососедских отношений с СССР. Добавил, что, будучи в Хельсинки, много беседовал с нашим первым солдатом, маршалом Маннергеймом, и «могу заверить Вас, что он сейчас так же за хорошие отношения и за мир, как и осенью прошлого года, до войны». Молотов сказал, что знает, что осенью Маннергейм был против войны, но добавил что-то вроде «а как сейчас, я не знаю». Я на это: «Уверяю вас».

Пару раз Молотов не очень внятно проговорил что-то вроде того, что мы, мол, рассчитываем, что в связи с нынешней большой войной может произойти кое-что выгодное для нас. Я спросил, что он имеет в виду, но он лишь повторил свои слова. На это я сказал, что слышу подобную мысль впервые.

Далее Молотов заявил, что Таннер лишь отошел в «тень», в большое кооперативное объединение «Эланто», где продолжает работать против Советского Союза. Ответил, что «Эланто» – частное предприятие, в котором Таннер длительное время был директором, и теперь он вполне естественно вернулся на прежнее место работы. Добавил, что в административный совет «Эланто» входят представители различных партий и направлений, в том числе левые социалисты, насколько мне известно, из круга Свободного слова. На это Молотов заметил, «Но ведь Таннер определяет».

Молотов также сослался на выступления Борна и «еще одного члена правительства».

– Я: «Фагерхольма».

– Молотов: «Да, да, Фагерхольма». По его мнению, эти выступления демонстрируют ненависть к Советскому Союзу. [Я] Сказал, что знаком с выступлением Борна и «считаю, что Вы прочли в нем такое, чего в нем нет. Речь Фагерхольма мне неизвестна. Но знаете ли Вы выступление Рюти в прошлое воскресенье? Там излагается точка зрения правительства, в частности говорится, что мирный договор будет тщательно соблюдаться». Молотов ответил, что знаком с выступлением Рюти, «но Рюти обошел главный вопрос». Поскольку наша беседа продолжалась уже довольно долго, 50 минут, то я не стал спрашивать у Молотова, что он понимает под «главным вопросом», но полагаю, что он в этот момент думал о деятельности

«Общества дружбы с Советским Союзом». Ведь Рюти уже заявил, что признает Московский мир без всяких оговорок. Когда будет более подходящая возможность, я попробую это выяснить. Молотов высказал сожаление, что мы выдвигаем условия для регистрации «Общества дружбы».

Продолжая беседу уже стоя, я заметил, что, как неоднократно говорил сам Молотов и я докладывал об этом в Хельсинки, все вопросы между Финляндией и Советским Союзом нашли свое решение на основе Московского мирного договора. Правительство Финляндии считает так же. Я ожидал, что Молотов подтвердит эту точку зрения, но он ничего не сказал. Вернусь к этому вопросу позднее.

Как я сообщал в телеграмме от 24.08., за несколько дней до меня у Молотова был Богеман и обсуждал с ним также и финские дела. Беседа с Богеманом шла примерно в том же направлении, что и со мной. Молотов считал плохим признаком «укрепление Финляндией своих границ». Говоря о перемещениях советских войск, он отметил, что Советский Союз – большая страна и у нее большая армия, и военные власти иногда перемещают войска «по техническим причинам», и за этим больше ничего не стоит.

Молотов особо подчеркнул Богеману, что правительство Финляндии ведет двойную игру: вовне сообщает о желании соблюдать мирный договор и в то же время строит козни для возвращения старых границ. Он опять сослался на слова «одного бывшего члена правительства», в соответствии с которыми «ни один истинный финн не может принять московский мир».

В заключение Молотов заверил, что Советский Союз проявит «большое терпение в отношении Финляндии» [...]

В конце письма я предложил некоторые «выводы»:

1) Несчастливая война отравила наши отношения с советским руководством и привела к тому, что Советский Союз полностью потерял доверие к нам.

2) С учетом судьбы Балтийских стран Советский Союз надеется добиться в отношении нас определенных результатов с помощью наших сторонников коммунистического движения.

Несмотря на все это, мы должны попытаться обеспечить хоть какое-то доверие к себе.

3) Вопрос с «Обществом дружбы» следует уладить так, чтобы можно было говорить, что ему предоставлена возможность работать на тех же основаниях, что и другим объединениям, конечно при условии, что оно будет соблюдать законы [...]

4) Поскольку ясно, что Советский Союз имеет в Финляндии широкую шпионскую сеть, то поэтому, а также и вообще, следует быть очень осторожными в выступлениях.

Есть ли основания для слов Молотова, что в военных кругах допускают неосторожные высказывания? [...]

5) Московский мир – факт, к которому привели политика и проигранная война, и на основе которого мы должны строить свою жизнь. Надо сделать так, чтобы это понимал финский народ.

Иная политика в самое ближайшее время неизбежно приведет нас к новой войне, и тогда нас ждет конец.

6) Но следует учитывать и ту возможность, что как бы мы ни старались удовлетворить Советский Союз, мы все же не сможем избежать войны. Такая возможность существует. Последняя несчастная война показала русским, что Советский Союз может сравнительно легко разбить нас, если мы одиноки. Ну и что? Нельзя ли подключить к этому Швецию? Если в Советском Союзе будут понимать, что Швеция активна выступает вместе с нами, то считаю, что Советский Союз оставит нас в покое. [...] Здесь ничто не имеет значения, кроме военного вмешательства. Конечно, есть и другой путь: мы делаем «Menschenmögliches» (все возможное (нем.). – Примеч. пер.) для выполнения Московского мира, и не даем никаких оснований для нападения на нас».

В своем дневнике я пометил: «Беседа была грустной. На ее основе трудно делать определенные выводы. Молотов не высказывал никаких угроз. Но весь смысл был направлен против “правлящих кругов Финляндии”. Похоже, что Молотов и другие советские руководители надеются на создание в Финляндии такого же движения, как в странах Балтии и на присоединение Финляндии к Советскому Союзу с его помощью».

Мой ближайший друг-дипломат Ассарссон рассказывал, что в последнее время в дипломатических кругах ему довелось услышать много печальных слухов о Финляндии, правда, сейчас они вроде попритихли. Один из наиболее умных дипломатов в Москве, румынский посланник Гафенку спросил у меня с сомнением в голосе: «Действительно ли Молотов в последнее время говорил, что благодаря московскому миру все вопросы между Финляндией и Советским Союзом урегулированы?» В конце августа военный атташе одной великой державы с уверенностью заявил, что в самое ближайшее время Советский Союз нападет на Финляндию. Но постепенно разговоры о Финляндии в кругу дипломатических сплетников стихли.

Публичный шум по финским делам начал смолкать. Внешняя деятельность «Общества дружбы», начиная с конца августа, также стихла. Государственные власти провели некоторые организационные меры. Массовые мероприятия теперь проводились на основе разрешений. Около полусотни функционеров общества были посажены под замок, многие задержаны для допросов. Печатный орган общества «Кансан Саномат» в начале августа был закрыт, близкий к обществу журнал «Сойхту» был также запрещен. В адрес общества начались серьезные ответные меры со стороны социал-демократической партии и социал-демократических кругов, а также центрального союза профсоюзных объединений. Социал-демократическая печать публиковала статьи об обществе, подчеркивая, что «речь идет о явной коммунистической деятельности, направленной на создание путем беспорядков и мятежей такой же ситуации, как и в странах Балтии, которая привела к потере Эстонией, Латвией и Литвой независимости» («Кансан Лехти»).

Наряду с «Обществом дружбы» внимание привлекало левое крыло социал-демократической партии, в которое входили некоторые (немногие) депутаты парламента и которое группировалось вокруг политического еженедельника «Вапаа Сана». В нем были различные радикальные элементы, которые в области внутренней политики выступали за острую классовую борьбу, исключая сотрудничество с другими слоями народа, а во внешней политике занимали неопределенные позиции, в основном сводившиеся к тому, что поскольку Финляндия стояла перед

выбором: советская или германская диктатура, то следует отдать предпочтение Москве перед Берлином. Совет социал-демократической партии предупредил эту группировку по поводу ее раскольнической деятельности, а когда это не помогло, шесть ее лидеров были исключены из партии.

Паралич в публичной деятельности «Общества дружбы» был следствием приведенных здесь мер со стороны государственных властей, а также результатом контрпропаганды. Однако вполне возможно, что и со стороны Советского Союза обществу были даны указания сделать свои выступления менее демонстративными, поскольку иначе его деятельность вряд ли была бы так резко приостановлена. В советской печати также почти прекратились публикации новостей и статей об обществе и о жизни в Финляндии. Трудно получить объективную информацию, но за кулисами явно что-то происходило. Может быть, в СССР решили, что этим путем в Финляндии ничего не добьешься. Финский народ нельзя было разрушить изнутри. В беседах со мной Молотов больше не поднимал тему общества, особенно после того, как я, вернувшись из Хельсинки, прямо изложил ему финскую позицию. Открытая поддержка общества советской печатью, наблюдавшаяся в июле-августе, прекратилась.

В тишине общество, однако, продолжало свою работу, поставив цель сплотить свои организации, распространяя размноженные пропагандистские материалы и, в первую очередь, вербуя новых членов. В конце октября в Хельсинки состоялся годовой съезд общества, была принята программа его деятельности. Делегация посланцев с мест, сформированная из делегатов съезда, посетила советского посланника, который выступил перед ними с ободряющей речью. Созданные по инициативе общества объединения представителей рабочего фронта, правда, немногочисленные, также провели в Тампере свой съезд. В его заявлении, в частности, содержалось требование прекратить работы по укреплению новых границ, «поскольку они угрожают сохранению хороших отношений с Советским Союзом».

Поскольку «Общество дружбы» не согласилось внести требуемые изменения в свой устав, ему было отказано в регистрации, как я уже говорил выше. Однако, поскольку общество продолжало

работать, государственные власти прибегли к юридическим мерам. В декабре городской суд Хельсинки объявил общество распущенным, поскольку выяснилось, «что деятельность общества осложняет и ставит под угрозу сохранение и развитие дружественных отношений между Финляндией и Союзом Советских Социалистических Республик, а также, поскольку деятельность общества осуществляется вопреки закону и добрым обычаям».

Выступления «Общества дружбы», конечно, не могли не вызвать подозрений по поводу того, что за ним стоит что-то иное, а отнюдь не строительство хороших и дружественных отношений с СССР на основе уважения государственной независимости Финляндии и невмешательства в ее внутренние дела. Подозрения подтверждались враждебным отношением советской печати к Финляндии и почти ежедневными недружественными публикациями, о чем мы говорили выше. Но были заметны и другие недобрые признаки. В конце августа в Москве в центральном парке с политическим докладом выступал член ЦК КПСС, т. е. достаточно высокопоставленное лицо, и он, отвечая на вопросы слушателей, заявил: «Сегодня в Финляндии дует ветер, но ветер может перейти в бурю». Я, который в силу своих глубоких убеждений старался работать на благо добрых отношений с Советским Союзом, очень тяжело воспринимал все это. А иногда меня охватывало чувство безнадежности.

Если в Советском Союзе действительно присутствовало намерение установить хорошие отношения с Финляндией на основе уважения ее государственной независимости, то следовало бы привлечь к этому сотрудничеству пользующихся авторитетом финских граждан, представляющих подавляющее большинство финского народа. Только таким путем можно было добиться реальных результатов. В Финляндии действительно думали, как наладить такое сотрудничество. Летом 1940 года правительство создало под руководством профессора Хямляйнена комитет для подготовки предложений на этот счет. Комитет выработал широкий план по культурным обменам. В июне было подписано торговое соглашение. Советская сторона, по нашему мнению, не оказывала достаточной поддержки нашим усилиям, ее внимание почти целиком было нацелено на «Общество дружбы». Никаких конкретных результатов от работы комитета получить не удалось.

В силу различных идеологических и мировоззренческих расхождений сотрудничество между Советским Союзом и другими странами складывалось непросто. Советский народ жил, замкнувшись в себе, своей жизнью. Он отталкивал от себя другие народы. Но таким же было и отношение других народов к Советскому Союзу. Финляндия не представляла в этом отношении исключения, хотя у нас, по сравнению со многими другими странами, было больше оснований поддерживать более тесные связи с нашим великим соседом.

В силу мировоззренческих различий между Советским Союзом и европейскими государствами пока не удалось установить такое же взаимопонимание, которое, несмотря на все противоречия, существует между западными странами. «Культурное сотрудничество между Советским Союзом и остальной Европой в период между двумя мировыми войнами было крайне незначительно, и польза от него была почти нулевая; языковые различия, как и прежде, конечно, играли свою роль, но решающее значение при этом имели разделяющие нас идеологические доктрины», писал один шведский ученый (профессор Х.С. Нюберг: H.S. Nyberg. «Svenska Dagbladet», 22.12.1942).

После всех потрясений два с половиной десятка лет назад революционная Франция смогла начать сотрудничество с другими странами. Советская Россия, в свою очередь, в 1940-м и в первой половине 1941 года все еще жила в революции, в своих идеях, в основном отдельно от остального мира. Поэтому установить более или менее тесное общение с Советским Союзом в сфере культуры и других областях было очень трудно. Революция в России ударила глубже, чем Французская революция, поскольку она перевернула общественные и экономические условия вплоть до самых основ. Поэтому разрыв между Советским Союзом и остальным миром глубже. Создадут ли события и опыт идущей большой войны, а также сотрудничество Советского Союза с западными державами предпосылки для изменения отношений СССР с остальным миром, сделают ли они взаимодействие с СССР мирным и плодотворным? Признает ли Советский Союз право других народов жить по-своему? Все мы надеемся на это и ждем этого. Нормальная жизнь Европы, да и всего мира невозможна без великого Советского Союза и взаимодействия с ним.

Вмешательство Советского Союза в дела Финляндии, о котором я уже говорил и буду говорить еще, представлялось финнам странным.

Однако мне вновь придется привести некоторые смягчающие обстоятельства. Советский Союз не выглядел большим грешником, чем другие великие державы. Великие державы в общении с другими государствами не стесняются и уж никак не проявляют скромность. Подстрекательство, пропаганда и т. п. являются для них обычным методом действий. «Там сейчас работают германские деньги точно так же, как раньше – английские», сказал мне некий посол по поводу одной небольшой ближневосточной страны в 1940 году. «Использование агентов для разжигания беспорядков никакое не новое изобретение для оказания давления на противоположную сторону», говорил сам Ллойд Джордж 26 мая 1927 года в нижней палате британского парламента в ходе дискуссии по поводу документов, обнаруженных в помещении советской торговой делегации³⁶. Одновременно он привел аналогичные примеры из истории Великобритании. Бывший заместитель министра иностранных дел Великобритании Артур Понсонби использовал на том же заседании еще более прямой язык. «Мы должны, говорил он, садясь на конек высокой морали, учитывать тот факт, что подделки, кражи, ложь, подкуп и соблазн используют в каждом министерстве иностранных дел и в каждой канцелярии во всем мире». Гул прошел по всей нижней палате. Дипломатическая ложа превратилась в одно ухо. Понсонби продолжил: «Заявляю, что наши представители за рубежом игнорировали бы свои служебные обязанности, если бы они в соответствии с общепризнанным моральным кодексом не добывали тайные сведения из иностранных архивов». «Манчестер Гардиан» констатировала, что «все государства регулярно используют дипломатические привилегии для подобных краж (речь шла о краже документов министерства обороны), и у нас, по всей вероятности,

³⁶ Имеется в виду 12 мая 1927 г. налёт лондонской полиции на дом торгового общества АРКОС, являвшимся отделом Российской Торговой делегации, осуществлявший экспортные и импортные операции между Великобританией и СССР. Инцидент привел к разрыву дипломатических отношений между двумя странами, которые были восстановлены лишь в 1929 г.

столько же российских секретных документов, сколько наших - у русских» (Louis Fischer, *The Soviets in World's Affairs*, II³⁷, P. 691).

Я привел пример из Великобритании только потому, что он оказался у меня под рукой. Аналогичные примеры наверняка можно привести и в отношении других великих держав. Как видите, Советский Союз находится в хорошей компании. Так что давайте не будем удивляться и возмущаться по поводу деяний великой державы - Советского Союза. Если уж мы хотим на что-то надеяться, то пусть все великие державы обращают больше внимания на мораль. Да и у нас, в малых государствах, есть что улучшить. Мы, похоже, приличные только потому, что в силу своего малого размера и слабости не можем быть иными.

Вот так обстоит дело, хотя нам, наивным и невинным северянам, это кажется грустным. Историография в своих оценках не использует моральные критерии, а только прохладно констатирует результат, объясняет причины событий, а также - насколько достигнутая цель оправдывала применявшиеся средства. Историография проходит молча, пожимая плечами, мимо аморальных деяний. Иногда она даже может признать темные дела приемлемыми с точки зрения «государственных интересов», зачастую мнимых, той или иной страны, сточки зрения «общего исторического развития» или в силу «более крупного исторического контекста». Ход истории следует оценивать по используемым и признанным в это же время критериям. До сих пор все еще, несмотря на попытки улучшить международную мораль, применяются те же критерии, которые Макиавелли ввел в практику 400 лет назад.

Следует также помнить, какой была общеполитическая ситуация в Европе после Московского мира весной и летом 1940 года. В апреле Германия оккупировала Данию и Норвегию, в мае - Голландию и Бельгию. В июне была повержена Франция. Таким образом, ситуация резко изменилась с тех пор, как Германия и Советский Союз заключали договор в августе 1939 года и когда они делили Польшу в сентябре 1939 года. «Советский Союз не в восторге

³⁷ *Fischer Louis. The Soviets in World Affairs, 1917-1929. Princeton: Princeton University Press. 1951. 2 vols.* (Возможно автор пользовался и более ранним изданием или цитировал по статье в газете Манчестер Гардиан. Книга вышла в свет в 1930 г. и многократно переиздавалась.

от этих больших побед Германии», так полагали в дипломатических кругах того времени в Москве. Понятно, что огромная сила Германии, которой Советский Союз опасался в течение многих лет, заставляла Кремль задуматься о различных вариантах на будущее. «Сейчас у нас с Германией хорошие отношения, но все в этом мире меняется», сказал мне Сталин на переговорах осенью 1939 года. Заставили ли военные события в Западной Европе и мощное продвижение Германии на европейском континенте Советский Союз повысить свою внешнеполитическую активность? Вполне возможно. Или же они повлияли только на выбор времени для действий? Но это факт, что весной и летом Советский Союз предпринял энергичные внешнеполитические действия на северо-западном и юго-западном направлениях.

Из моей беседы с Молотовым 22 августа 1940 года, о которой я рассказывал выше, стало ясно, что Кремль сохраняет глубокое недоверие в отношении нас: правительство Финляндии ведет двойную игру; ни один финн не может смириться с Московским миром; Финляндия укрепляет свои новые границы против Советского Союза; в военных кругах Финляндии разжигают вражду к Советскому Союзу; финны надеются использовать начавшуюся большую войну в своих интересах. Коротко говоря: финны вынашивают планы мести и готовятся к действиям. В этом был смысл слов Молотова. Деятельность «Общества дружбы» использовалась как противовес для планов мести и распространения влияния Германии в Финляндии.

Молотов в ходе переговоров о мире в марте 1940 года и неоднократно после них заверял меня, что на основе Московского мира все спорные вопросы между Финляндией и Советским Союзом разрешены. Была ли это искренняя речь? Этот вопрос я постоянно задавал себе. Советское правительство торжественно заверяло, что договоры, заключенные с Эстонией, Латвией и Литвой осенью 1939 года, ни в малейшей степени не затрагивают и не ставят под угрозу ни независимость, ни внутренние условия жизни этих государств. Тем не менее с Балтийскими государствами вышло так, как вышло. Кремль сформировал антифинляндское теневое правительство Куусинена, а также, напав на Финляндию, в своем ответе Лиге Наций утверждал, что никакой войны советской России с Финляндией нет! Во внешнеполитическом выступлении на заседании Верховного

Совета 29 марта 1940 года Молотов заявил, что «Советский Союз «никогда не ставил вопроса о возвращении Бессарабии военным путем». Но уже в следующем июне советское правительство в ультиматуме правительству Румынии предложило добровольно передать Бессарабию и Северную Буковину и «тем самым сделать возможным мирное решение конфликта между Советским Союзом и Румынией». Гафенку рассказывает, что на карте, переданной румынскому посланнику, Молотов красным карандашом провел линию, которая в дополнение к перечисленным в ноте районам отрезала северный угол Молдавии. В связи с протестами Гафенку Молотов не отрицал, что, возможно, произошла ошибка, но добавил, что вопрос уже решен. Так что ничего поделаться нельзя (mt. ss. 227-228³⁸).

Так что ничего удивительного нет в том, что мы спрашивали, какое значение имеют слова и заверения. Кремль вполне мог счесть, что условия изменились и начать выстраивать новые позиции. Договоры заключаются при условии *rebus sic stantibus*, что обстоятельства остаются без изменения. Если речь идет о коротком временном отрезке, то этот принцип вряд ли можно использовать. Мне лично трудно понять, когда открыто говорят неправду. Может быть, это качество не очень подходит мне как дипломату и политику. Я ведь считал, что Молотов в наших многочисленных, довольно откровенных и прямых беседах говорил искренне. Но, принимая во внимание все сказанное выше, нет ничего удивительного в том, что я не был осведомлен об истинных намерениях Кремля в отношении Финляндии. Когда в июне 1941 года я читал запись беседы Гитлера с Молотовым, состоявшуюся в Берлине в ноябре 1940 года (не думаю, что Гитлер очень добросовестно зафиксировал ход беседы), то она меня удивила и потрясла. Но об этом позднее.

³⁸ Gafenco G. Op. cit. P. 227-228.

VI

Аландские острова

С Аландскими островами связаны стратегические интересы различных государств, и поэтому острова неоднократно становились объектом переговоров и международных соглашений.

Вплоть до Фридрихгамского³⁹ мирного договора 1809 года демилитаризация островов была одним из ведущих принципов внешней политики Швеции. В 1856 году на Парижском конгрессе между Россией, Великобританией и Францией было подписано соглашение о недопустимости строительства на Аландских островах военных укреплений и развёртывания вооруженных сил. Несмотря на это, в период мировой войны 1914–1918 гг. Россия возводила на островах укрепления и другие военные сооружения. В соответствии с Брест-Литовским мирным договором в марте 1918 года Россия по требованию сильнейшего на тот момент балтийского государства – Германии – обязалась снести эти укрепления. В соответствии с соглашением между Финляндией, Швецией и Германией, заключенным в декабре 1918 года, укрепления были уничтожены в течение последующего года. Наконец, 20 октября 1921 года в Женеве была подписана Аландская конвенция, закрепившая демилитаризованный и нейтральный статус островов, «с целью гарантировать, что острова никогда не будут представлять опасность с военной точки зрения». В конвенции принимали участие балтийские государства, за исключением России, а также Франция, Великобритания и Италия.

Россия, подчеркивая значение островов для своего транспортного сообщения, неоднократно – в октябре 1919, в июле

³⁹ Договор между Россией и Швецией по итогам Русско-шведской войны 1808–1809 гг. был заключен в г. Фридрихсгаме (ныне Хамина, Финляндия).

1920, в июле и ноябре 1921 гг. – протестовала по поводу того, что аландский вопрос решался без учета ее мнения, а также заявляла, что не считает эти решения связывающими ее. Правда, к моменту подписания женевской конвенции советская Россия заключила мирные договоры с некоторыми из своих соседних государств, но в целом ее международное положение в то время еще достаточно не стабилизировалось, и у нее не было регулярных отношений с крупными европейскими державами. «Подорванная войной и иностранной интервенцией Советская Республика могла только протестовать против этого незаконного акта в отношении СССР», – заявил Молотов в докладе на сессии Верховного Совета 31 мая 1939 года. – «Но и тогда с нашей стороны было ясно и неоднократно заявлено, что Советский Союз не может остаться в стороне от этого вопроса, что изменение юридического статуса Аландских островов невозможно в нарушение интересов нашей страны». В связи с распространенными ошибочными оценками положения России многие сомневались, что советская Россия имеет будущее. Именно поэтому она и не была приглашена на переговоры в Женеве. В конвенцию 1921 года было включено положение, в соответствии с которым какому-либо государству, не участвующему в конвенции, могло быть предложено подключиться к ней, если это будет признано желательным всеми подписантами. При этом имелась в виду именно Россия, но результата тогда достичь не удалось.

Но Советский Союз не забывал об Аландах. Это выяснилось, когда в конце 30-х годов по инициативе Финляндии встал вопрос о пересмотре конвенции.

Система, созданная Женевской конвенцией 1921 года, по сути, мало что содержала, кроме декларации о нейтралитете Аландских островов. Эффективных гарантий обеспечения нейтралитета в случае появления угрозы ему в конвенции не было. По конвенции Финляндия практически не имела возможностей защищать эту свою демилитаризованную территорию, ведь в мирное время страна не могла предпринимать на островах какие-либо действия, направленные на укрепление их обороны. Коллективные гарантии по конвенции были лишь видимостью. Предписываемый ею порядок действий в период современных молниеносных войн был неуклюжим и медленным. Государства-гаранты не несли никаких реальных обязательств, ибо решения Совета Лиги Наций и

государств-участников конвенции должны были быть единогласными; при условии большинства в две трети гаранты имели лишь право приступать к рекомендованным мерам. Эксперты по международному праву высказывали мнение, что поскольку предпосылки, составившие основу конвенции 1921 года, и в первую очередь система коллективной безопасности Лиги Наций, утратили эффективность, то и вся конвенция потеряла свое значение. (*Erich R. Åland under krigsåren, Statsvetenskaplig Tidskrift. Häft 2-3, 1942. S. 152*).

В Финляндии отсутствие возможности оборонять Аландские острова вызывало озабоченность, и весной 1938 года государства, наиболее заинтересованные в сохранении нейтрального статуса Аландов – Финляндия и Швеция, начали переговоры, в результате которых в январе 1939 года они пришли к единому мнению о необходимости внесения изменений в конвенцию 1921 года. Протяженность демилитаризованной территории предлагалось сократить так, чтобы Финляндия могла строить укрепления в самой южной части архипелага, а также получала право в течение последующих десяти лет предпринимать военные меры и в остальной части архипелага в пределах согласуемой между Финляндией и Швецией линии границы. Кроме того, правительства Финляндии и Швеции договорились о двух пояснениях. В соответствии с первым, самостоятельное инициативное военное вмешательство государства, ведущего войну, в интересах защиты Аландских островов ни в коем случае нельзя было рассматривать как применение системы гарантий, предусмотренных конвенцией. В соответствии со вторым Швеция как государство-гарант, но и в собственных жизненных интересах, оставляла за собой право в случае появления угрозы войны на Балтике предоставить по просьбе Финляндии помощь в оборонительных действиях по сохранению нейтралитета Аландских островов.

Для внесения изменений в конвенцию 1921 года было необходимо получить согласие всех ее государств-участников, после чего вопрос следовало передать на одобрение и утверждение совета Лиги Наций. Кроме того, было обращение к правительству советской России, в то время члену Совета Лиги Наций, с просьбой содействовать принятию этих, предварительно согласованных между Финляндией и Швецией положений.

В течение весны 1939 года все государства-участники конвенции 1921 года дали свое согласие на внесенные предложения. Англия и Франция, которые в тот момент вели с советской Россией переговоры о военной взаимопомощи, сопроводили свое согласие существенными оговорками: правительство Англии заявило о необходимости запросить мнение советского правительства, Франция – о необходимости одобрения предложения «заинтересованными государствами». Советское правительство на полученную ноту не ответило.

При обсуждении вопроса в Совете Лиги Наций в мае 1939 года советский представитель посол Майский потребовал дополнительных разъяснений: в чем состоят истинные цели укрепления островов; насколько масштабны будут укрепления; против кого будут направлены укрепления, а также существует ли уверенность, что какое-либо государство-агрессор не использует эти укрепления против Советского Союза. Эти вопросы отражали подозрения, которые имело советское правительство, но они также выражали его точку зрения. Совет лиги Наций не принял никакого решения. Возникла тупиковая ситуация. Правда, юридические формальности были соблюдены, ведь все государства-участники конвенции дали свое согласие на предложенные изменения, но Советский Союз, хоть и не участвовал в конвенции, но был таким реальным фактором, игнорировать который было нельзя. Так провалилась идея Финляндии и Швеции.

Ясное представление о позиции Советского Союза в аландском вопросе дал Молотов в вышеупомянутом докладе на сессии Верховного Совета 31 мая 1939 года. Важность Аландских островов заключается в их стратегическом положении в Балтийском море, говорил Молотов. Аландские острова могут быть использованы во враждебных СССР целях, поскольку отсюда может быть перекрыт доступ в Финский залив. Когда Финляндия вместе со Швецией намеревались осуществить свои большие планы по вооружению островов, советское правительство запросило данные о цели и характере намеченных вооружений. Правительство Финляндии, однако, отказалось предоставить такую информацию. Мотивировка отказа, а именно что речь идет о военных секретах, не выглядела убедительной, поскольку правительство Финляндии сообщило об этих планах другому правительству, а именно правительству

Швеции. И не просто сообщило ему о планах, но и привлекло его к их осуществлению. Между тем согласно конвенции 1921 года Швеция никаких особых прав в этом отношении не имеет. С другой стороны, заинтересованность Советского Союза в вопросе вооружений Аландских островов не только не меньшая, а даже большая, чем у Швеции. «В свете международных событий последнего времени аландский вопрос приобрел для Советского Союза особенно серьезное значение. Мы не считаем возможным мириться с допущением какого-либо игнорирования интересов СССР в данном вопросе, имеющем большое значение для обороны нашей страны», – заявил Молотов.

Это заявление ясно отражает позицию Советского Союза в аландском вопросе. Она была той же, что и 20 лет назад. Проход судов с Балтийского моря к России должен быть обеспечен. Противник, держащий в руках Аландские острова, может его перекрыть. Но на позицию Кремля могли повлиять и более широкие расчеты, относящиеся к побережью Балтийского моря. Ссылка на международные события того времени показывала, что не исключался конфликт и с другой великой Балтийской державой. Наверняка здесь присутствовала и забота о чести теперь уже могучей и уверенной в себе великой державы, которая не могла снести своего отстранения от решения вопросов, касающихся «жизненного пространства». «СССР теперь не тот, чем он был, скажем, в 1921 году, когда он только что приступил к своей мирной, творческой работе. Приходится об этом напомнить, так как до сих пор даже некоторые наши соседи не могут, видимо, этого понять», – сказал Молотов в упомянутой выше речи, направив свою иронию в сторону Финляндии. «Нельзя не признать и того, что СССР уже не тот, каким он был всего 5–10 лет тому назад, что силы СССР окрепли. Внешняя политика Советского Союза должна отражать наличие изменений в международной обстановке и возросшую роль СССР как мощного фактора мира... В едином фронте миролюбивых государств, действительно противостоящих агрессии, Советскому Союзу не может не принадлежать место в передовых рядах», – гордо добавил Молотов, сорвав бурные долго не смолкавшие аплодисменты присутствующих на сессии Верховного Совета партийных руководителей и рядовых членов, заполнявших большой зал.

Летом 1939 года финны передали в Кремль дополнительную информацию и разъяснения по аландскому вопросу, а также попытались убедить его отказаться от негативной позиции в отношении финляндско-шведского плана. Поскольку позиция Советского Союза была именно такой, как ее изложил Молотов в своей речи, то особой надежды на успех не было. Ничего из этого и не вышло. Кремль продолжал придерживаться той точки зрения, что заинтересованность Советского Союза в Аландских островах большая, чем у Швеции, и посему он не может признать никакого особого положения Швеции в этом деле. Вряд ли Советский Союз видел угрозу лишь со стороны Финляндии и Швеции. Наверняка основными были опасения, что с помощью запланированных укреплений Финляндия и Швеция даже совместными усилиями окажутся не в состоянии оборонять острова от враждебной России великой державы. Очевидно, были и такие сомнения, а будут ли они вообще защищать острова. – Для Советского Союза гораздо важнее, чем для Швеции, чтобы возводимые на островах укрепления «не смог использовать агрессор», говорили нам вновь и вновь в Кремле. Поэтому в вопросах обороны островов у Советского Союза должно быть по крайней мере такое же положение, что и у Швеции. – Кроме того, Советский Союз предлагал Финляндии помощь в обеспечении неприкосновенности островов. Ответ, что принятие подобного предложения означало бы отказ от политики нейтралитета Финляндии, считался неудовлетворительным.

Переговоры с Кремлем летом 1939 года ни к чему не привели. Финляндия, однако, не приступила к строительству укреплений на островах, не приступили к выполнению и т. н. стокгольмского соглашения между правительствами Финляндии и Швеции. Во время Зимней войны Финляндия возвела на островах некоторые укрепления и провела ряд военных оборонительных мер. Так обстояли дела к весне 1940 года.

27 июня 1940 года в беседе с Молотовым после обсуждения проблемы никеля в Печенге, о которой расскажу позднее, я отметил, что торговое соглашение готово к подписанию. Но Молотов сказал, что до этого он хотел бы поднять вопрос об Аландских островах, где Финляндия построила военные укрепления. Позиция Советского

Союза сегодня та же, что и весной прошлого года, а именно: Аландские острова не следует укреплять, подчеркнул он. Если Финляндия хочет этого, то это должно происходить вместе с Советским Союзом на основе совместного соглашения. Советский Союз хотел бы также контролировать демилитаризованный статус островов. Обо всем этом Советский Союз и Финляндия должны договориться. Со своей стороны обратил внимание, что эта позиция отличается от изложенной Сталиным и им, Молотовым, в ходе переговоров прошлой осенью, когда они сообщили, что Финляндия может укреплять острова, если будет делать это самостоятельно. На это Молотов ответил, что после Зимней войны Советский Союз и по этому вопросу изменил свою позицию, но не стал излагать ее в ходе мирных переговоров, чтобы не создавать дополнительных трудностей. Спросил у Молотова, как ему видится контроль за демилитаризованным статусом. Он ответил, что на этот счет мы должны договориться между собой. Если же Финляндия хочет укреплять острова, то также надо будет договориться, как будет организовано наше сотрудничество.

Обсуждение вопроса об Аландах тогда стало для меня неожиданностью. Поскольку под влиянием Советского Союза оказалось все южное побережье Финского залива, а по Московскому миру он получил еще и базу в Ханко, то, по нашему мнению, у него было достаточно возможностей для обороны Финского залива. Весной 1940 года нам казалось, что Советский Союз больше не выступает против совместных действий Финляндии и Швеции на Аландских островах для защиты Ботнического залива. Теперь же позиция Кремля изменилась. Где же крылась причина этого? За четыре дня до этого Молотов поднял вопрос о никеле в Печенге. Может быть причиной стало изменение общеполитической ситуации в Северной Европе? Это представлялось возможным. Военные действия в течение трех прошедших месяцев, большие победы Германии полностью изменили ситуацию в Западной и Северо-Западной Европе. В апреле Германия захватила Данию и Норвегию и распространила свою власть на Север. В мае и июне она подчинила себе Голландию и Бельгию, а также повергла Францию. Ее военные позиции укрепились и на Балтике.

Обдумав ситуацию, на следующий день я послал следующую телеграмму: «По аландскому вопросу считаю, что сегодня для

избежания угрозы конфликта мы вряд ли имеем другую возможность, кроме как отказаться от укрепления островов. Это означало бы возвращение к прежней конвенции 1921 года. В случае возможного столкновения великих держав наши укрепления вряд ли имели бы реальный вес. С юридической точки зрения, которая в сегодняшних условиях не имеет особого значения, в вопросах контроля за демилитаризованным статусом островов следует принимать во внимание и конвенцию 1921 года».

Правительство сочло целесообразным согласиться с предложением советского правительства. 3 июля я был у Молотова. Помимо аландской темы, я дал также первый положительный ответ и по проблеме никеля. Я начал шутливо: «Я надеюсь, что теперь Вы, господин премьер-министр, будете довольны». Это явно понравилось Молотову. В соответствии с имеющимися инструкциями я сообщил, что правительство Финляндии приняло решение вывести с Аландских островов военнослужащих и ликвидировать находящиеся там военные укрепления, которые содержались там со времени войны в связи с нестабильной обстановкой в районе Балтийского моря, а также, что для реализации принятых решений уже предпринимаются конкретные меры. Советскому правительству будет сообщено о завершении вывода войск и вывоза оборудования. Добавил, что возврат к демилитаризации означает восстановление нейтрального и демилитаризованного статуса Аландских островов в том виде, как это предполагала конвенция 1921 года, которая опиралась на подписанное также и Россией соглашение 1856 года. Финляндия проинформирует правительства балтийских государств о принимаемых мерах.

Молотов выразил удовлетворение по поводу моего сообщения. Одновременно он поднял консульский вопрос, поинтересовавшись, согласимся ли мы, если Советский Союз направит своего консула на Аланды. Одной из его задач будет наблюдение за демилитаризованным статусом островов. Ответил, что сейчас на это сказать ничего не могу. Молотов высказал надежду на скорейшее решение вопроса.

Развитие событий привело к тому, что мы вернулись к конвенции 1921 года, для изменения которой Финляндия и Швеция приложили так много усилий. Швеция, конечно, была

заинтересованной стороной в аландском вопросе, однако каких-либо активных действий в этой связи от нее не ожидалось. Вторая великая балтийская держава, Германия, тогда не проявляла заметного интереса к островам, по крайней мере в отношении их демилитаризации. В любом случае действия Советского Союза ее не беспокоили. В этом вопросе Финляндия вновь оказалась один на один с Советским Союзом.

В отсутствие Молотова продолжил обсуждение темы контроля за демилитаризованным статусом Аландов с генеральным секретарем НКВД Соболевым. Сообщил, что мы согласны на размещение консула на Аландских островах при условии, что это будет обычный консул. О деталях договоримся позднее. Соболев, однако, неожиданно передал мне памятную записку, в которой говорилось, что советское правительство считает необходимым осуществлять периодический контроль за демилитаризованным статусом островов, направляя двух представителей советского военного руководства на Аландские острова два или три раза в год для этого, как якобы и предлагал мне Молотов. Я отрицал, что у меня был разговор с Молотовым о подобном военном контроле. Речь шла лишь об обычном консуле. Этого было бы вполне достаточно. Консул наблюдал бы за всем происходящим на островах, ничего тайного там не могло происходить, да и кроме этого у консула не было бы других дел. Посещение островов военными группами вызывало бы лишь лишнее беспокойство. Вновь подчеркнул, что в отношении Аландских островов остается в силе конвенция 1921 года, в соответствии с которой острова представляют интерес для государств, подписавших ее, в их числе Швеция и Германия, а также Франция, Англия и Италия. Советский Союз не подписывал упомянутую конвенцию, но мы хотели бы уладить все вопросы с ним в дружественном духе. «Предложение (о военном контроле) свидетельствует о наличии у Советского Союза подозрений в отношении нас», записал я в своем дневнике.

Нам представлялось, что аландский вопрос можно было решить довольно просто, лишь удалив с островов военное оборудование и военнослужащих. Следовало лишь договориться о положении консула, его полномочиях, а также о количественном составе консульства. Правда, возникали вопросы с юридической точки зрения. Конвенция 1921 года, к которой по мнению финнов

следовало вернуться, не предполагала предоставления подобного права не участвующему в ней государству.

В еще более худших юридических лабиринтах мы оказались, когда Молотов 24 июля – в тот самый раз, когда он впервые поднял вопрос о «преследованиях Общества дружбы» – неожиданно передал «предложение о соглашении между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией об Аландских островах». В проекте было две статьи. В соответствии с первой Финляндия принимала обязательства по демилитаризации Аландских островов, отказу от строительства на них укреплений, а также по непредоставлению их в распоряжение вооруженных сил других государств. Положение о демилитаризации было сформулировано примерно как в конвенции 1921 года. В соответствии со второй статьей Советскому Союзу предоставлялось право иметь на Аландских островах собственное консульство, которое, помимо обычных консульских функций, осуществляло бы контроль за выполнением обязательств по демилитаризации и не укреплению островов. Таким образом, Советский Союз отказался от требования по контролю военными представителями. 1 августа на сессии Верховного Совета Молотов сообщил, что правительство Финляндии приняло предложение Советского Союза о демилитаризации Аландских островов и об учреждении там советского консульства.

В середине июля за границей начали распространяться утверждения и спекуляции по поводу нового этапа в аландском вопросе. В этой связи, пытаясь представить свои вынужденные действия как добровольные, с финской стороны было официально объявлено, что «после того, как были устранены причины, вызванные военными действиями и нестабильностью в регионе Балтийского моря и побудившие Финляндию в соответствии с Аландской конвенцией провести укрепление Аландских островов, отсюда начался вывод вооруженных сил и военного оборудования».

Примечательно, что немецкое официальное информационное агентство Дойчес Нахрихтенбюро 26 июля, т. е. через два дня после вручения мне Молотовым предложения по договору, опубликовало сообщение своего московского корреспондента о переговорах по аландскому вопросу, в котором говорилось о достижении между

Финляндией и Советским Союзом договоренности по ряду вопросов. Этими вопросами как раз и были те самые пункты, которые содержались в советском предложении. Было очевидно, что Кремль информировал Берлин о наших переговорах, что, впрочем, было в духе договора о дружбе между Германией и СССР от 23 августа 1939 года⁴⁰.

В начале августа я сообщил Молотову, что вывод войск и вывоз военного оборудования с Аландских островов завершен. Пока что там оставалось незначительное крепостное и полевое оборудование, а также морские мины. Демилитаризация была практически осуществлена. Финны стремились к тому, чтобы определить судьбу крепостного оборудования только после окончания войны. Его сохранение было необходимо для того, об этом, кстати, говорилось и в советском предложении, чтобы Аландские острова не попали к третьему государству.

Ответное предложение к соглашению по Аландам обсуждалось в Хельсинки в начале августа, когда я там был. В нем было пять пунктов. Принимались положения о демилитаризации и не укреплении островов в предложенном виде, однако фундаменты для установки артиллерии и защитные сооружения, не имеющие оружия, было предложено сохранить до окончания военного положения в Европе и определить их судьбу по согласованию между Финляндией и Советским Союзом после заключения общего мира. Далее в предложении конкретизировался район действия соглашения, который соответствовал конвенции 1921 года за исключением вод, которые вообще не упоминались, т. к. сочли, что они в данном случае не имеют значения. В третьей статье говорилось, что консульский представитель Советского Союза на Аландских островах будет делать свои возможные заявления финским властям через ландсгевдинг Аландского Лена⁴¹, после чего уполномоченный правительством Финляндии представитель совместно с консульским представителем произведут расследование. В четвертой статье отмечалось, что новый договор не изменяет права и обязанности, которые Финляндия имеет по конвенции 1921 года. И, наконец,

⁴⁰ 23 августа 1939 года между СССР и Германией был заключен Договор о ненападении, 28 сентября 1939 года – о дружбе и границе.

⁴¹ Губернское правление.

устанавливалось, что соглашение вступает в силу после обмена ратификационными грамотами.

В конце августа у нас с Молотовым был продолжительный разговор о нашем встречном предложении к соглашению. Он сообщил, что советское правительство готово взять наше предложение за основу переговоров, но хотело бы внести в него изменения. Из первой статьи следовало убрать положение о сохранении до конца войны имеющихся на островах фундаментов для установки артиллерии и защитных сооружений, не имеющих оружия, так как это не согласовывалось бы с принципом их демилитаризации. Я пояснил, что строения и сооружения имеют небольшие размеры, но, поскольку Финляндия принимает обязательство не допускать использования островов вооруженными силами других государств, то было бы важно сохранить эти сооружения, чтобы при необходимости Финляндия могла защищать острова. Молотов ответил, и весьма разумно, что если речь идет о вооруженной обороне островов, то там должно быть мощное вооружение. Небольшие сооружения не помогут.

В нашем предложении было положение, в соответствии с которым консул мог приступить к выполнению своих функций следуя обычной процедуре получения согласия правительства Финляндии. Молотов предложил снять это положение. Ответил, что при назначении консульского представителя следует соблюдать установленный порядок. На это Молотов сказал, что, конечно же, при этом будет соблюдаться «обычный порядок», но об этом не стоит говорить в соглашении. По всей вероятности, Кремль и здесь подозревал наличие у нас какой-то задней мысли или интриги, но это было не так.

Далее Молотов предложил убрать всю четвертую статью о правах и обязанностях Финляндии по конвенции 1921 года. Он считает, что в связи с заключением нового договора конвенция 1921 года «исчезает». С этого начался широкий разговор. Я сказал, что мы придерживаемся иного мнения по данному вопросу. Молотов заметил, что из числа государств, подписавших конвенцию, Эстония и Латвия теперь входят в Советский Союз, а Польша исчезла. «Дания утратила свое значение», сказал он, имея в виду ее оккупацию Германией. Англия, Франция и Италия не проявляют интереса

к Балтийскому морю, их также не интересуют Аланды. Я отметил, что денонсация конвенции 1921 года юридически сложное дело. Она готовилась при посредничестве Лиги Наций.

Молотов ответил, что Аландские острова представляют интерес только для Финляндии, Швеции и Советского Союза. Советское правительство не имело бы ничего против, если бы к соглашению подключилась Швеция. Германия далеко от Аландов, и Молотов, казалось, не хотел бы ее участия в аландских делах. Он добавил, что сейчас у Советского Союза хорошие отношения с Германией, но в 1921 году они такими не были. О Лиге Наций Молотов заявил презрительно: «Она умерла, и никто о ней не жалеет». – Я: «А вы обсуждали эту тему со Швецией?». – Молотов: «Нет. Мы говорим только с вами, поскольку острова принадлежат вам».

Я отметил, что Аланды долгое время имели международную природу, что нашло отражение в конвенции 1921 года. Изменение или денонсация этой конвенции – не простое дело. Предложил Молотову поручить своему юристу подготовить справку по конвенции и всем связанным с нею аспектам. По мнению Молотова, такая юридическая справка не нужна. «Если мы договоримся с вами, то этого будет достаточно». Наконец Молотов предложил, чтобы соглашение вступило в силу немедленно, как это было с Московским мирным договором. На этом беседа на этот раз закончилась.

Беседу продолжили через несколько дней, когда Молотов передал новое советское предложение в письменном виде. Он сказал, что в предыдущий раз из моих слов следовало, что нам трудно принять его точку зрения об исчезновении конвенции 1921 года. Они решили удовлетворить нас, «пойти нам навстречу», и поэтому подготовили новое предложение, исходя из того, что конвенция остается в силе.

В первой статье говорилось об уничтожении фундаментов для установки артиллерии. Я вновь отметил, что в соответствии с нашей точкой зрения необходимо временно оставить эти сооружения. Молотов, однако, не отступал от своего текста, т.к. «временное нарушение» положений о демилитаризации не может быть принято. Вторая статья о границах района Аландских островов не вызвала разногласий. Третья статья о назначении и деятельности советского консула была принята в предложенной нами редакции, но без

положения о согласии правительства Финляндии на его назначение. Молотов повторил, что консул будет назначаться «в обычном порядке».

Четвертая статья в советском предложении оказалась более сложной. Молотов сказал, что они пытались найти такую формулировку, которую мы могли бы принять. В соответствии с этим предложением конвенция 1921 года оставалась в силе, но если бы Финляндия на ее основе прибегла к каким-либо действиям, то она должна была вступить в переговоры, «проконсультироваться» с Советским Союзом. Далее говорилось, что права и обязанности государств, подписавших конвенцию 1921 года, полностью распространяются и на Советский Союз.

Это породило сложные проблемы. После того как я закончил читать статью, Молотов спросил, что я на этот счет думаю, и можем ли мы ее принять.

Ответил, что, как мне кажется после первого прочтения, существо статьи может быть принято. Но вот с юридической точки зрения распространить на Советский Союз права и обязанности сторон, вытекающие из конвенции 1921 года, это за пределами полномочий Финляндии, для этого необходимо согласие всех государств-участников.

— Молотов: Из числа участников конвенции выпали Эстония и Латвия. А что с Польшей? Есть какое-то польское правительство в Лондоне; необходимо его согласие?

— Я: Мне кажется сейчас требуется согласие лишь существующих государств-участников. В первую очередь, конечно, Швеции и Германии, но также и Англии, Франции и Италии.

— Молотов: Я думаю, что согласие Германии мы получим, если это необходимо. Предполагаю, что и Швеции, если вы этого хотите.

Он добавил что-то вроде того (Молотов говорит очень быстро), что если Финляндия хочет, то вопрос будет урегулирован с другими участниками конвенции.

В соответствии с пятой статьей предложения соглашение вступит в силу сразу после подписания. Я сказал, что вопрос требует решения парламента. Поскольку парламент начинает заседания 1

октября, а сегодня уже 4 сентября, то предложение о немедленном вступлении соглашения в силу не имеет практического значения. Вопрос будет рассмотрен парламентом достаточно быстро.

— Молотов: Тем более надо вводить соглашение в силу немедленно.

На этом беседа завершилась, а я обещал вернуться к обсуждавшимся вопросам.

Аландская проблема вновь показала, что роль международного права заметно снизилась. Положение Аландов было урегулировано международной конвенцией с участием большого числа государств. Особый интерес к проблеме проявляли Балтийские государства Германия и Швеция. Но оба они, уже не говоря об Англии, Франции и Италии, вели себя пассивно. Шведские позиции озвучивались в Кремле слабо и неэффективно. Финляндия по-прежнему действовала в одиночку. В наше время дипломатические соглашения уступали перед реальными событиями и складывающимися обстоятельствами.

Правительство Финляндии приняло решение принять три первых статьи из предложения Советского Союза, которые касались полной демилитаризации островов, а также ликвидации фундаментов для установки артиллерии и другого военного оборудования, границ территории Аландских островов, а также назначения советского консула. Более сложной была четвертая статья, содержащая требование консультаций.

Предоставление Советскому Союзу права консультаций означало бы признание за этой страной некоего привилегированного положения, которое не вписывалось в систему конвенции 1921 года. Я не думаю, что, внося это предложение, Кремль имел какие-то недобрые задние мысли. Его первоначальная и постоянная позиция сводилась к тому, что Аландские острова должны быть полностью и без всяких изъятий демилитаризованы, а у Советского Союза должно быть право контроля за этим. Русские считали, что в связи с заключением нового соглашения конвенция 1921 года должна «исчезнуть». В связи с моими замечаниями относительно того, что мы не имеем права в одностороннем порядке вносить изменения в

конвенцию, Кремль был готов принять нашу позицию, но снабдил ее положением о консультациях. Кремль исходил из того, что Советская Россия имеет большой интерес к Аландам, самый большой после Финляндии, и больше, чем Швеция. В соответствии с конвенцией в случае войны на Балтике Финляндия для защиты территории имела право на временной основе устанавливать морские мины, а также, если бы острова подверглись агрессии, предпринять меры для ее отражения до прихода на помощь других государств-участников конвенции. Хотя любой из этих двух случаев, в которых Финляндия действовала бы в одиночку, вряд ли представлял угрозу для Советского Союза, тем не менее в соответствии с конвенцией какое-либо или какие-либо государства-участники могли направить свои вооруженные силы на острова при условии, конечно, что механизм, предусмотренный этим документом, сработал бы. Правда, все это представляется маловероятным предположением. При этом существует по крайней мере теоретическая возможность, что Аландские острова станут объектом вмешательства «внешних» государств, может быть даже какой-либо великой державы. Подобные неожиданности и вмешательства были, естественно, не по душе Советскому Союзу. С помощью консультаций он хотел контролировать развитие событий и, по всей вероятности, зарезервировать за собой возможность прибыть на место раньше других, если сочтет это необходимым. Имеющиеся в нашем распоряжении сегодня материалы показывают, что Советский Союз вряд ли тогда ставил цель окончательно захватить острова и тем самым представлял угрозу для Финляндии, как мы тогда предполагали. Оборонная аргументация, последовательно выдвигавшаяся советской Россией в течение 20 лет, вызывает доверие.

В Финляндии вопрос о консультациях вызывал большие сомнения как потому, что их содержание не было определено, так и в особенности потому, что возникало противоречие с п. 2 статьи VII конвенции 1921 года, в соответствии с которым в случае внезапного нападения на Аландские острова Финляндия должна была предпринять на этой территории все необходимые меры для остановки и отражения агрессора до тех пор, пока не поступит помощь государств-гарантов. Поскольку в соответствии с конвенцией Финляндия была обязана незамедлительно информировать о своих действиях Совет Лиги Наций, который, как и вся Лига Наций,

находился в неопределенном состоянии, то на практике эта информация, очевидно, должна была быть направлена государствам-участникам конвенции. При этом мы сочли, что подобная информация могла быть доведена и до сведения Советского Союза, который в соответствии с новым соглашением являлся заинтересованной стороной. Поэтому мы предложили вместо консультаций включить в соглашение положение о том, что в упомянутом случае Финляндия незамедлительно направляет информацию также Советскому Союзу. В соответствии с советским предложением все права и обязанности государств, подписавших конвенцию, распространялись также на Советский Союз. На практике это означало присоединение Советского Союза к конвенции. Финляндия не имела ничего против этого. Однако это было невозможно осуществить с помощью двустороннего соглашения между Финляндией и Советским Союзом, для этого было необходимо согласие всех государств-участников конвенции. Финляндия обещала принять необходимые меры для его получения. Проект ноты по этому вопросу государствам-участникам конвенции был передан для сведения советскому правительству.

Как следует из сказанного, в Хельсинки придавали реальное значение системе, сформированной на основе конвенции 1921 года, а также предоставленному Финляндии праву на защиту островов от внезапного нападения. На практике, однако, по моему мнению, все это было преувеличением. Поскольку в мирное время Финляндия не имела права предпринимать какие-либо действия по укреплению островов, то эти положения конвенции имели лишь теоретическое значение. Они позволяли вести оборону лишь от небольших отрядов. Но если бы великая держава на самом деле решила оккупировать острова, то в современной войне это было бы осуществлено такими силами, противостоять которым с помощью скромных случайных мер было бы невозможно.

Обдумав ситуацию, я пришел к выводу, что Кремль не примет нашего предложения. Учитывая военное значение Аландских островов для Советского Союза, он, осознавая себя мощной великой державой, захочет участвовать во всех действиях по обороне островов, даже вместе с Финляндией. Аналогичное право он был бы согласен предоставить только Швеции. Во время моего пребывания в Москве я стремился избегать противоречий и для решения вопросов

всегда пытался находить в переговорах компромиссы. На тот случай, если Кремль не примет наше предложение, я рекомендовал Хельсинки ввести понятие – заблаговременное уведомление (что было бы весьма близко к термину – консультации), при этом также предполагалось получение согласия на конкретные действия государств-участников конвенции. К этому следовало привлечь внимание Молотова, а также к тому, что государства-участники конвенции могут потребовать себе те же права, которые получил бы Советский Союз, и это в конечном счете может побудить Кремль отказаться от своего предложения. Из Хельсинки ответили, что предварительное уведомление, даже если нам придется пойти на введение этого понятия в случае согласия Кремля, противоречило бы п. 2 статьи VII конвенции, поскольку в соответствии с ней в определенных случаях, например при внезапном нападении, подобное предварительное уведомление не всегда можно успеть сделать. На самом деле, по моему мнению, это был бы маловероятный случай.

В следующий раз, будучи у Молотова, отдал ему наше встречное предложение, которое он тут же просмотрел. Говоря о советском консульстве, я выразил надежду, что оно будет иметь умеренный по размерам штат. Сейчас там находятся 12 человек, которым не хватает работы. Молотов ответил, что если там людей больше, чем работы, то мы их сократим.

По статье IV состоялся широкий разговор. Молотов твердо отстаивал право на консультации. У Советского Союза, говорил он, особые интересы на Аландах, так же как и у Швеции. И эти интересы больше, чем у других государств. Конвенция 1921 года по Аландам была направлена против советской России, так же как и договор 1856 года был направлен против России. Я ответил, что сейчас как раз и идет речь о подключении Советского Союза к этой конвенции.

Молотов спросил, почему правительство Финляндии не хочет принять предложение о консультациях. Ответил, что консультации не предусмотрены системой, созданной конвенцией 1921 года. Финляндия не имеет права в одностороннем порядке договариваться об этом с Советским Союзом и предоставлять ему привилегированное положение по сравнению с другими. Кроме того, понятие «консультации» весьма неопределенное.

Молотов ответил, что термин «консультации» широко используется в международных соглашениях. Он означает, что стороны совещаются. Если на таких консультациях не будет достигнуто согласие, то Финляндия будет иметь право приступить к действиям, предписанным конвенцией 1921 года. Советский Союз имеет особые интересы в отношении Аландских островов, и поэтому его особое положение оправдано и обосновано. Из всех других государств только у Швеции там есть особые интересы, и советское правительство не будет выступать против предоставления таких же прав Швеции. Другим, помимо Финляндии, Советского Союза и Швеции, нечего делать на Аландах. По мнению Молотова, Финляндия имеет законное право заключить обо всем этом соглашение с Советским Союзом. Он не принял нашу юридическую трактовку.

Молотов также не понял смысла V статьи проекта, в соответствии с которой соглашение вступало в силу лишь после обмена ратификационными грамотами, ведь Московский мирный договор вступил в силу сразу после подписания. Мои разъяснения не произвели на него впечатления.

На этот раз у меня с Молотовым было четыре сложных вопроса! Помимо Аландов это был финско-шведский оборонительный союз, транспортировка германских солдат и проблема никеля. В это время, летом 1940 года, мы оказались буквально в тисках, каждый день мы могли ожидать чего угодно.

Выше я приводил слова Молотова о том, что как конвенция 1921 года, так и договор 1856 года были направлены против России. Эти слова не лишены основы. Россия была вынуждена подписать договор 1856 года после Крымской войны. Конвенция 1921 года обновила договор 1856 года и «дополнила его содержание». В сентябре 1940 года Молотов заявил германскому послу графу фон дер Шуленбургу, когда речь у них шла о Дунае, «что России важно выйти из состояния неполноценности, в которое она была принуждена попасть после несчастной для нее Крымской войны» (*Gafenco G. Op cit. P. 82*). Таким образом, к делам по-существу добавлялся вопрос об авторитете великой державы России. Похоже, что это относилось и к Аландским островам. После проигранной Крымской войны Россия и там была вынуждена смириться с

невыгодными для себя условиями. Однако конвенция 1921 года оказалась направленной в равной степени как против советской России, так и против Германии, да еще и против Англии. Но Советский Союз хотел применительно к Аландам снять всю свою «неполноценность». Получение Советским Союзом права консультаций выделило бы его особое положение, и он в «своей среде обитания» стоял бы рядом с Финляндией и Швецией и выше других государств.

Еще до того, как мы успели у себя разобраться в делах, через три дня Молотов вновь вызвал меня в Кремль. Он был несколько возбужден и сразу же заявил, что IV статью в нашей редакции принять нельзя, поскольку там отсутствует предлагаемое им положение о консультациях. Он также не мог согласиться с тем, что «вокруг Европы будут рассылаться ноты» и добавил, на мой взгляд насмешливо, «а что если, например, Франция не согласится». Он изложил «окончательное предложение», в соответствии с которым IV статья, в которой говорилось о продолжении действия конвенции 1921 года, вообще снималась. На это я заявил, что конвенция 1921 года остается в силе. Молотов ответил, что Советскому Союзу безразлично, как мы трактуем конвенцию – действует она или нет. В статью II, определяющую островную зону, русские захотели включить формулировку конвенции 1921 года с описанием водной территории. Нам было все равно. В заключение Молотов заявил, что Советский Союз требует, чтобы соглашение вступило в силу сразу после подписания. Все проблемы, которые обсуждались много месяцев, должны были быть решены, а соглашение – подписано в течение недели. Поскольку мирный договор вступил в силу с момента подписания, то препятствий для аналогичных действий с этим «второстепенным» соглашением не было. Я, правда, повторил, что мы хотели скорейшего вступления в силу Мирного договора, чтобы завершить войну. Парламент собирается на заседание уже завтра, 1 октября, и наш вопрос будет рассмотрен так быстро, насколько это возможно. Молотов: «Это ваше собственное дело, как вы организуете рассмотрение в своем парламенте, но Советский Союз требует, чтобы этот вопрос был закрыт». «Молотов был очень сердитым», писал я в телеграмме и добавлял: «Он сказал: с вами невозможно вести переговоры, мы бьемся с этим делом месяцы. С немцами более важные вопросы решили за несколько дней. – Мое

мнение: предложение Молотова о снятии статьи IV следует принять, так что не будем упоминать конвенцию 1921 года, которая фактически утратила свое значение. Поскольку парламент собирается на сессию завтра, то прошу неофициально организовать дело так, чтобы соглашение вступило в силу сразу после подписания. Против дополнения статьи II у нас, естественно, возражений нет. Прошу не прибегать к излишней юридикации, Кремль ведь не уездный суд».

В Хельсинки расценили последнее предложение Кремля как отступление. По сути дела? Советский Союз вернулся к своему первоначальному предложению. С точки зрения Кремля его второе предложение было ужесточением позиции. В связи с нашими встречными заявлениями Кремль попытался найти формулировку, которая признавала бы продолжение действия конвенции 1921 года. С точки зрения Кремля это была гибкость по отношению к нам. Но поскольку это не помогло. Кремль вернулся к своему первоначальному предложению. Тому, которое мы ранее отвергли. Конечный результат, на наш взгляд был лучше, чем предлагавшаяся система консультаций.

Как я уже выше говорил, не думаю, что за предложениями Кремля крылись какие-то задние мысли. Мне показалось, что Молотов был разочарован тем, что его усилия [найти компромисс] не удовлетворили нас. В этом также проявились разные подходы и различное юридическое мышление. Юридически было ясно, что мы не могли в одностороннем порядке предоставить Советскому Союзу право консультаций. Мнение Кремля было прямо противоположным. В целом представляется, что Кремлю чуждо то тщательное соблюдение норм международного права и договорных обязательств, которое присуще нам, североевропейцам. После 1921 года условия полностью изменились, – это подчеркивал Молотов. Некоторые подписанты конвенции исчезли, а «Лига Наций умерла, и об этом никто не жалеет». Соотношение сил на международной арене совершенно иное, чем это было в 1921 году. И прежде всего советская Россия стала совершенно иной, чем была тогда. Теперь это мощная держава. На этой стороне Европы она стала фактором номер один. Ее интересы теперь весят гораздо больше. Все это должно было найти свое выражение в юридических формулировках.

Снятие статьи IV в Хельсинки сочли весьма удачным решением. Нам также было объявлено, что в ближайшие дни в парламенте состоится обсуждение соглашения. Поскольку последнее предложение Советского Союза, по существу, соответствовало первому, которое мы не приняли, то до тех пор я испытывал некоторую озабоченность. Теперь же я с удовлетворением ответил: «Если мы сможем избежать дальнейшего обмена бумагами и принять советское предложение, то я сочту это решение самым лучшим для Аландских островов и вообще для отношений с Москвой. Кремль раздражает то, что главный вопрос давно согласован, а окончательного решения так и нет».

Парламент дал правительству полномочия заключить с Советским Союзом соглашение на основе представленного ему проекта договорных статей, которые соответствовали последнему советскому предложению. В записке правительства говорилось, что новое соглашение не повлияет на положение конвенции 1921 года.

11 октября 1940 года в Кремле мы подписали соглашение. «Молотов был в хорошем настроении», записал я в дневнике. «Он сказал, что считает это соглашение шагом вперед в наших отношениях. Я заявил, что испытываю удовлетворения тем, что этот вопрос нашел свое решение. Молотов ответил, что он тоже доволен».

Таким образом, этот сложный вопрос был снят. Но я лично не был доволен тем, как шло его обсуждение. Было бы лучше с самого начала принять первое русское предложение, чем нудно обсуждать его долгие месяцы. Конечно, пришлось бы добавить вторую статью с положением о границах зоны Аландских островов, в третью – порядок рассмотрения заявлений консула, что было бы естественно, и против чего советская сторона не возражала. «После долгого обсуждения статьи IV мы в конце концов приняли их первое предложение, но для этого Молотову пришлось ударить кулаком по столу и выдвинуть ультиматум», – писал я министру иностранных дел. «Подобная практика рассмотрения дел не способствует укреплению наших позиций, поскольку здесь создается впечатление, что с Финляндией можно договариваться, только проявляя жесткий подход. Подобную практику, когда вопрос несколько раз возвращался на рассмотрение в Хельсинки, а затем все-таки было

принято первое советское предложение, Сталин и Молотов не могли понять».

Специалист по международному праву, министр Р. Эрих⁴² в упомянутой выше статье резко критиковал соглашение 1940 года. «Это – печально известное соглашение со львом, *pactum leoninum*⁴³, международная аномалия», писал он, «это – звено в той политике насилия и шантажа, которая началась с нападения на Финляндию в 1939 году, которая продолжилась Московским мирным договором и продолжается после него». Правда, по мнению Эриха, конвенция 1921 года еще до подписания нового соглашения утратила все свое практически-политическое значение и, говорит он далее, потеряла всякую силу и эффективность.

Я, конечно, не хочу защищать соглашение по Аландским островам 1940 года, особенно с юридической точки зрения. В связи с постоянными изменениями в международной обстановке, постоянным перераспределением сил международное право оказывается под давлением. Тезис Эриха о том, что конвенция 1921 года потеряла практически-политическое значение и утратила свою эффективность еще до заключения соглашения 1940 года, соответствует действительности. Однако можно спросить: а имела ли она когда-либо практически-политическое значение, и была ли она когда-либо эффективной? На мой взгляд, она с самого начала практически не имела значения, поскольку сформированная на ее основе система была неуклюжей, сложной и непрактичной. Следствием, с одной стороны, призрачной международной юридической защиты островов по конвенции и, с другой – опять же призрачного права Финляндии на оборону островов стала их действительная демилитаризация, без всякой возможности их обороны. Соглашение 1940 года, по которому острова остались без всяких укреплений, вряд ли внесло какие-либо фактические изменения в положение дел. Но с юридической точки зрения конвенция 1921 года продолжала действовать. По крайней мере таково было представление Финляндии и Швеции на переговорах в

⁴² Рафаэль Вальдемар Эрих – финский политик, юрист, дипломат, премьер-министр в 1920–1921 гг. Именно в период его пребывания во главе правительства между Финляндией и РСФСР был заключен Тартуский мир (1920), означавший полное и окончательное признание независимости Финляндии.

⁴³ Соглашение, по которому одна из сторон получает львиную долю выгоды.

Стокгольме в 1938 и 1939 гг., а также ее других государств-участников и совета Лиги Наций.

Аландские острова, как подчеркивает Эрих, находились в зоне общеевропейского интереса. Об этом еще в 1856 году свидетельствовало соглашение о запрете их милитаризации. Интерес к островам проявился и в конвенции 1921 года, по которой к определению статуса островов подключились десять государств, а также совет Лиги Наций. Но этот общеевропейский интерес к островам был довольно слабым, из чего и следовала неэффективность конвенции 1921 года. Эрих считает, что поскольку о конвенции 1921 года больше говорить не стоит, то было бессмысленно ограничивать суверенное право финского государства на защиту этой части своей территории, хотя Аландские острова и могли бы стать зоной мира, может быть даже нейтрализованной территорией, но только не беззащитной. Он полагает, что какое-либо иное государство, скорее всего западный сосед Финляндии, может иметь признанный интерес к поддержанию мира на островах, и что подобные планы, о которых Финляндия и Швеция договорились в 1939 году, имеют право на существование.

После событий последних лет трудно не заметить, что кроме Финляндии, которой принадлежат острова, и Швеции, которая проявляет к ним интерес, растет интерес к островам со стороны Советского Союза, а за ним и Германии. Складывается впечатление, что Финляндия и Швеция больше не могут вдвоем свободно заниматься вопросами положения островов. Система конвенции 1921 года нуждалась в повышении эффективности, и в Финляндии сочли, что нам было бы выгодно подчеркнуть наличие более широкого интереса к островам. Поскольку как раз этот общеевропейский интерес и проявился в конвенции 1921 года, – правда, не в очень эффективной форме, но хотя бы в виде принципиальной позиции, – то не в интересах Финляндии было бы занимать негативную позицию в отношении конвенции. Нам следовало бы стремиться, насколько это возможно, к изменениям в этом документе с целью его улучшения и повышения реальной эффективности. Так я рассматривал эту проблему в ходе переговоров в Москве в 1940 году, к этому же сводилась, как я понимаю, и позиция правительства Финляндии.

Эрих пишет, что Советский Союз, несомненно, стремился раз и навсегда заменить созданную на основе конвенции 1921 года международную систему новым двусторонним соглашением. Финляндию заставили не только уничтожить созданные во время войны оборонительные сооружения и, таким образом, вновь демилитаризовать Аландские острова, и не только поддерживать эту демилитаризацию, но и не передавать эти острова в распоряжение вооруженных сил других государств. Поскольку в случае нарушения статуса Аландских островов правом и обязанностью государств-участников конвенции 1921 года является вооруженное вмешательство, и поскольку это может произойти только на основе решения совета Лиги Наций, то ясно, говорит Эрих, что целью нового соглашения является полное устранение этого международного органа. Право контроля, которое получает по новому соглашению представитель Советского Союза, консул, на Аландских островах, также противоречит конвенции 1921 года. Советский Союз никогда «не признавал» конвенцию 1921 года, так что теперь ясно, что идя на новое соглашение, Советский Союз полностью отказался от нее, говорит Эрих.

Молотов первоначально высказывал мысль, как я рассказывал выше, что с новым соглашением конвенция 1921 года «исчезнет». Во втором советском предложении, однако, говорилось, что конвенция 1921 года остается в силе, и что Советский Союз присоединяется к ней. Правда, с этим увязывалось обязательство Финляндии по консультациям, что, по мнению Молотова, не противоречило конвенции. В беседе он пояснял, что если в ходе консультаций мы не придем к единому мнению, то Финляндия будет иметь право прибегнуть к мерам, предписанным конвенцией. Позднее упоминание конвенции было снято, и мы вернулись к первоначальному советскому предложению. В этой связи я заметил, как говорилось выше, что конвенция 1921 года останется в силе, на что Молотов заявил, что им все равно, что мы думаем о конвенции: действует ли она или нет. Он наверняка полагал, что эта конвенция не имеет практического значения. В целом, как казалось, Кремль не рассматривал юридическую сторону международных вопросов так тщательно, как привыкли мы, североевропейцы.

Поскольку соглашение по Аландским островам потеряло свое значение из-за войны, то вряд ли стоит более детально рассматривать

его соотношение с конвенцией 1921 года. Поэтому упомянем лишь несколько аспектов.

Финляндия стремилась к тому, чтобы к контролю за демилитаризованным статусом островов помимо Советского Союза подключились бы государства-участники конвенции 1921 года, если у них будет к этому желание. Мы считали, что двустороннее соглашение с Советским Союзом не является препятствием для последующего заключения соглашения аналогичного содержания с другими государствами. Отметим, что Швеция также имела консула на Аландских островах, а Германия держала место для консульского агента.

По конвенции 1921 года Финляндия имела право в случае внезапного нападения на Аланды прибегнуть к мерам по отражению агрессии и сдержанию агрессора. Это, по сути дела несколько теоретическое право в связи с характером проблемы по-прежнему оставалось в силе. По новому соглашению Финляндия обязывалась «не предоставлять их (острова) для вооруженных сил других государств». На мой взгляд, это положение не могло означать ничего другого, кроме как запрет намеренно предоставлять острова для военных целей, но его вряд ли можно трактовать как препятствие для государств-участников конвенции 1921 года оказывать помощь в отражении нападения другого государства после того как механизм, предусмотренный конвенцией, – неожиданно! – вынес положительное решение.

Мог возникнуть вопрос, имеет ли Финляндия право в случае войны на Балтике временно устанавливать мины в водах Аландских островов, как это было предусмотрено конвенцией 1921 года. В ходе обсуждения первого советского предложения, в соответствии с которым эта конвенция должна была «исчезнуть», Молотов заявил, что единственное право, которого лишается Финляндия из предусмотренных конвенцией, это как раз и есть право установки морских мин, а также добавил: «Но об этом мы можем договориться отдельно». Я, однако, много раз говорил, что в соответствии с нашим пониманием конвенция остается в силе, и что у нас нет права ее денонсировать или изменять в одностороннем порядке. Положения нового соглашения следовало трактовать в этом контексте.

Кому-то мои юридические трактовки могут показаться надуманными. С изменением условий и соотношения сил применение международного права становится подчас непосильно трудной задачей, требуется его приспособление и адаптация, а также учет весомых интересов других держав. Этим оно отличается от внутригосударственного права. Но именно так, не дрогнув, как богиня правосудия с весами, мечем и повязкой на глазах надо идти прямой дорогой и в сфере международного права.

Работы по ликвидации оборонительных сооружений на Аландских островах были начаты еще до подписания соглашения, и советское правительство направило туда своего консула. При этом возникали трения. Как консул, так и посланник в Хельсинки утверждали, что работа не ведется достаточно тщательно, а консулу не позволяют следить за ее ходом. Возникли также разногласия по поводу персонала и количественного состава пограничной и лоцманской станций на Аландах. Вопрос обсуждал со мной Вышинский, который в присущей ему манере жестким голосом заявил, что по полученным им сведениям работа по уничтожению оборудования на Аландских островах ведется «недобросовестно», советские контролеры не допускаются на место работ для их проверки, и с ними общаются крайне неохотно. К тому же якобы предпринимаются попытки скрыть некоторые ранее выполненные работы по укреплению островов. Причиной этих пустых склок была как присущая русским подозрительность, так и, по всей вероятности, излишний служебный энтузиазм посланника в Хельсинки и консула. На конец года в штате консульства в Мариехамне⁴⁴ было аж 38 чел. В шведском консульстве, помимо консула, был один канцелярский сотрудник. В штат советского консульства, по всей вероятности, входили молодые офицеры-саперы и представители государственной полиции, которые были исключительно активны. На рубеже 1940-1941 годов ликвидация оборонительных сооружений на Аландах была завершена.

⁴⁴ Административный центр Аландских островов.

Профессор А.Р. Седерберг в своей книге «Новейшая история Финляндии» (стр. 261–262)⁴⁵ пишет: «Очевидно, что Советский Союз своими требованиями (касающимися демилитаризации архипелага и ликвидации сооружений) намеревался зарезервировать за собой возможность при наступлении благоприятного момента захватить Аландские острова». Аналогичная мысль содержится и в «Сине-белой книге» II (стр. 33)⁴⁶.

Каковы были истинные тайные намерения Кремля, на основе имеющихся сегодня у нас материалов, сказать трудно, но, как я уже говорил, приведенные выше утверждения можно поставить под сомнение. Речь по сути дела шла о возвращении к демилитаризованному статусу, который острова имели в течение десятилетий. Россия хотела исключить опасность использования островов для перекрытия доступа к ней с Балтийского моря. Советский Союз также отслеживал эту угрозу, и даже занимался ею два десятилетия назад, в 1919–1921 гг., когда он еще не обладал сегодняшними силами. Поэтому вполне понятно, что в 1939 и 1940 гг. Кремль стремился предотвратить возможность попадания Аландских островов в руки враждебной великой державы или, даже если острова продолжали принадлежать Финляндии, предотвратить их использование против России. Бессмысленно большой штат консульства, полагал Советский Союз, позволял бы ему лучше наблюдать за происходящим на островах, а также за появлением угроз, которых следовало остерегаться, но для военного захвата островов помощь консульства вряд ли имела бы какое-то значение. Остается вопрос, удовлетворится ли Советский Союз существующими условиями на островах после восстановления мира и стабилизации обстановки.

⁴⁵ *Cederberg A.R. Suomen uusinta historiaa 1898-1942. Kustantaja: WSOY, 1943.*

⁴⁶ «Сине-белая книга Финляндии», издание Министерства иностранных дел, публикуются документы и комментарии к важнейшим внешнеполитическим вопросам.

VII

Транзит в Ханко

Вскоре после наступления мира мы поставили вопрос о восстановлении между Финляндией и Советским Союзом железнодорожного сообщения в том виде, как это и было до Зимней войны. Для начала хотели открыть движение на временной основе. Ответ советской стороны получили лишь 8 июля. В нем было три предложения: два из них касались заключения обычных технических соглашений. Но третье оказалось для нас печальным сюрпризом. Предлагалось разрешить советским поездам передвигаться по железным дорогам Финляндии в Ханко и обратно. Это была неожиданная и серьезная проблема.

В обосновании проекта соглашения говорилось, что поскольку Советский Союз по Мирному договору арендовал полуостров Ханко с прилегающими островами на 30 лет для создания там военно-морской базы, то для перевозки персонала сухопутных и военно-воздушных сил, фигурирующих в упомянутом договоре, а также для снабжения военно-морской базы необходимо предоставить разрешение советским поездам передвигаться по железным дорогам Финляндии на полуостров Ханко и обратно.

В предложении говорилось о перевозке военных подразделений, в том числе вооруженных, а также боеприпасов на советских поездах с советским персоналом за исключением финского сопровождающего на локомотиве. Количество поездов никак не ограничивалось. Внутренняя охрана поездов возлагалась на советскую сторону, внешняя – на финскую. Срок действия соглашения – 30 лет, как и срок аренды Ханко.

Обоснование советского предложения Московским мирным договором было неоправданным. О праве на транзит в ходе мирных переговоров ничего не говорилось. Мы предполагали, что русские будут использовать морской и воздушный транспорт, что было вполне возможно, хотя перевозки по морю зимой могли быть сопряжены с некоторыми трудностями. В беседе с Молотовым в начале августа о советско-финляндских отношениях отметил, что хотя в Мирном договоре ничего не говорилось о транзите в Ханко, тем не менее мы готовы его обеспечить, и это свидетельствует о том, что мы во многом идем навстречу пожеланиям Советского Союза. Молотов признал, что в Мирном договоре ничего нет о транзите, но добавил, что это не причиняет нам никаких неудобств, а посему у нас нет оснований и отказывать советской стороне. Я ответил, что это будет не очень приятно, когда ваши военные будут разъезжать взад-вперед по нашей территории, но наше согласие показывает, что мы хотим хороших отношений с СССР и не боимся, что у вас есть какие-то недобрые намерения в нашем отношении. Указав на строительство укреплений финнами, Молотов заявил: «Мы не планируем базу в Ханко против вас, она у нас для других целей».

Этот вопрос мы обсуждали с Молотовым и после подписания соглашений. Отвечая на его вопрос относительно перевозки германских военнослужащих через территорию Финляндии в Норвегию, я заметил, что у нас с Советским Союзом имеется аналогичное соглашение о перевозке военных в Ханко. На это Молотов заявил, что транзит в Ханко основывается на Мирном договоре.

- Я: В Мирном договоре об этом ничего не говорится, и мы это уже обсуждали ранее, и Вы, Молотов, это знали и признали. Мы первоначально исходили из того, что перевозки в Ханко будут идти по морю и по воздуху.

- Молотов: Но Мирный договор не запрещает транзит.

- Я: Это ничего не значит. Мы все устроили, хотя Мирный договор нас к этому не обязывает.

Ранее, в июне, Германия обращалась к Швеции с просьбой разрешить перевозки военнослужащих и военного оборудования в Норвегию и обратно. Швеция дала согласие. Подтолкнуло ли это

Советский Союз обратиться к нам, сказать трудно. Но вполне возможно. Но вполне возможно и то, что мысль о снабжении базы в Ханко по суше возникла сама по себе. В ходе переговоров по транзиту в Москве русские не ссылались на соглашение между Германией и Швецией.

Председателем финской делегации на этих переговорах был старший директор железнодорожного управления Янссон и членами горный советник Гартц и директор Пейтсара. По политическим вопросам делегация должна была советоваться со мной, и министерство иностранных дел рекомендовало мне следить за ходом переговоров и обращаться в НКВД, если в переговорах не было результатов. Переговоры шли гладко и быстро до тех пор, пока не дошли до Ханко.

Транзит в Ханко был для нас, конечно, серьезным и сложным вопросом. Ведь речь шла о перевозке не только боеприпасов, но и военнослужащих через всю южную Финляндию. Однако мы решили занять в принципе положительную позицию в отношении советского предложения. Понятно, что в тех условиях Финляндия не могла негативно отнестись к этому запросу, ведь, как я уже сказал, Швеции только что пришлось согласиться с таким же запросом со стороны Германии. В качестве собственного мнения я сообщил в Хельсинки: «Несмотря на юридическую сторону, Советскому Союзу следовало бы дать возможность использовать те преимущества, которые дает железнодорожный транспорт, но таким образом, чтобы это не представляло военную угрозу Финляндии». Мы намеревались организовать перевозки так, чтобы при этом не пострадали важнейшие интересы обороны страны. Но, как бы надежно мы ни обеспечивали эти интересы, тем не менее сам факт, что мы были вынуждены смириться с подобным военным транзитом через нашу территорию, - так же как и Швеция пошла на уступки Германии - отражает сложное и незащищенное положение в наше время малых государств, а также отношение к ним больших держав. Налицо был тот факт, что два малых северо-европейских государства, так же как и целый ряд государств на европейском континенте в других отношениях, оказались в подчинении у Германии, Италии и советской России.

На переговорах русские говорили, что поскольку они в любом случае могут попасть в Ханко по морю и по воздуху, то зачем же финнам возражать против использования для этих целей железной дороги? Просто так будет удобнее. И это казалось разумным. Но русские не хотели понять, как этот вопрос представлялся нам. Ежедневный проход иностранных поездов через плотно заселенную южную Финляндию уже сам по себе был связан с различными сложностями. Но главным было то, что, как мы опасались, подобный транзит будет связан с военной угрозой для Финляндии. Именно эту сторону мы должны отслеживать в первую очередь и, соответственно, при необходимости вводить ограничения на передвижение. Кроме того, вставал вопрос и о нейтралитете Финляндии. Ведь если Советский Союз оказывался в вовлеченном в войну, то военный транзит через нашу территорию породил бы трудно разрешимые проблемы.

Основными вопросами на переговорах были – перевозки боеприпасов и военнослужащих, использование советских поездов и их число, контроль за поездами, а также срок действия договора.

С нашей стороны сначала были попытки исключить боеприпасы и свести дело к перевозке только обычных грузов. Русские, естественно, с этим не согласились. Они не приняли также наше предложение о разрешении перевозить лишь военные грузы, необходимые для строительства постоянных оборонительных сооружений. На практике, однако, провести различие между подобными грузами было бы крайне сложно.

Самым важным был вопрос о перевозке военнослужащих и о разрешенном количестве поездов. По первоначальному предложению русских по территории Финляндии могло передвигаться неограниченное количество поездов, в каждом из которых могли находиться сотни военнослужащих с вооружением. Вначале мы вносили различные предложения: ограничить перевозки лишь пассажирами в гражданской одежде; пассажирами могут быть только военнослужащие без оружия, причем оружие перевозилось бы в другом поезде; ограничить количество военнослужащих в поезде, например, до 50 чел. Русские не принимали наших предложений. Они согласились лишь на то, чтобы военнослужащие были без оружия, а оружие находилось бы в другом вагоне, но в том

же поезде. Позднее они отказались зафиксировать и это предложение в письменной форме, сочтя устное обещание достаточным. Что касается количества поездов, то сначала они были согласны на одну пару поездов в сутки в обоих направлениях, но вскоре резко потребовали две пары.

Финское военное руководство серьезно подчеркивало, что может быть разрешена перевозка только военнослужащих без оружия, причем оружие должно находиться в другом поезде, а также что должна быть установлена верхняя граница перевозимых безоружных военнослужащих и охраны поездов. По этим важным для нас вопросам никак не удавалось прийти к согласию. Особенно сложными были конец июля и начало августа. Правительство предоставило нам право действовать свободно для достижения решения по собственному усмотрению, а президент Финляндии в начале августа дал нам полномочия принять соглашение на той основе, которая будет выработана в ходе переговоров. Однако перевозка военнослужащих с вооружением была настолько сомнительным делом, что мы не воспользовались этими полномочиями. 9 августа получили из Хельсинки телеграмму: «Ничего не можем поделать, если переговоры провалятся. Не можем согласиться на перевозки вооруженных войск. Если русские отступят от своей ранее заявленной позиции (имеется в виду выше изложенное новое требование русских на две пары поездов в сутки вместо одной, а также их отказ от письменного обещания перевозить оружие в отдельном вагоне, даже в том же самом поезде), то выдвигайте требование на перевозку оружия в другом поезде, а также заявите об отказе во второй паре поездов». На этом переговоры были прерваны, переговорщики вернулись в Хельсинки и я вместе с ними.

Дали согласие на использование российских поездов. Согласились также на использование российских локомотивов, поскольку в ином случае русские все равно не взяли бы на себя ответственность за техническую сторону, и такая ответственность лежала бы на финских железных дорогах. Разногласия касались вопросов охраны во время перевозок. Мы предложили пломбировать как пассажирские, так и товарные вагоны, русские категорически отказались. Попробовали получать подтверждение численного количества русской охраны и персонала поездов, но и это не

встретило понимания. Зато русские согласились с тем, что на станциях может выходить с поезда только этот небольшой персонал. За поездами будут наблюдать находящийся в локомотиве финский сопровождающий и проводник. Предложили заключить соглашение на два года с автоматическим продлением, если ни одна сторона не объявит о прекращении его действия. Наше предложение, как мы и ожидали, не встретило понимания с российской стороны, которая настаивала на сроке аренды Ханко, т. е. 30 лет.

На переговорах в Хельсинки продолжили обсуждение вопросов перевозки военнослужащих с оружием и количества поездов. Наши военные были озабочены возможным присутствием вооруженных российских солдат. С военной точки зрения единственным эффективным решением была бы транспортировка солдат без оружия, которое находилось бы в другом поезде. Я должен был обсудить это с Молотовым и попробовать добиться согласия нотной перепиской. График движения поездов можно было составить так, чтобы одна пара поездов встречалась на советской стороне, а на финской территории тогда одновременно было бы не более трех поездов.

Вернувшись в Москву, я поднял эту тему в беседе с Молотовым. Вновь отметил, что, как это было известно Молотову, в Московском мирном договоре ничего не говорилось о транзите в Ханко, но, несмотря на это мы готовы организовать движение российских поездов как можно лучше. Сказал, что российское предложение о транспортировке войск с оружием, вызывает в Финляндии подозрения. Это очень сомнительное дело. Молотов прервал меня: «Я знаю этот вопрос. Вы хотите, чтобы оружие перевозилось в отдельных вагонах. Мы не возражаем».

- Я: Подобная идея уже обсуждалась, но тогда мы полагали, что перевозиться будет лишь небольшое число военнослужащих. Теперь же речь может идти о целых военных составах, которых на территории Финляндии одновременно будет три. Поэтому считаем, что солдаты должны ехать без оружия, которое будет перевозиться отдельно в другом поезде.

Добавил, что поскольку стоит вопрос о перевозке солдат, вооруженных или безоружных, то потребуются решение парламента, ведь речь идет о передаче права на использование нашей

территории другому государству. Правительство полагает, что парламент даст согласие только если перевозка военнослужащих и оружия будет осуществляться в разных поездах. Передал Молотову ноту по этому вопросу, подчеркнув его особую важность для нас, поскольку речь идет о нахождении на территории Финляндии за нашей спиной составов, полных вооруженных солдат.

Молотов ответил, что «эти войска не представляют никакой опасности для вас». Он обещал переговорить со своими военными и высказал предположение, что решение будет найдено.

В течение беседы я намеренно подчеркивал, что мы хотим соблюдать Мирный договор, и даже идти дальше, как, например, в случае транзита в Ханко, и исходим из того, что Советский Союз со своей стороны также будет соблюдать Мирный договор.

«Молотов был приветлив, даже еще более приветлив, чем 22.08», записал я в дневнике. В ходе этой беседы мы также затронули тему никеля и Аландских островов, но эти два вопроса на тот момент еще не приобрели остроту.

Через несколько дней Молотов сообщил, что советское правительство примет наше предложение путем обмена нотами. 6 сентября были подписаны как ноты, так и соглашения о железнодорожном сообщении и о транзите в Ханко.

Таким образом, в ходе переговоров был достигнут наилучший возможный на тот момент результат. В соответствии с нотами в пассажирских поездах могли находиться только невооруженные люди, а также особо оговаривалось, что оружие военнослужащих необходимо перевозить отдельно, в других поездах. Это было важное указание. Таким образом, соглашение приобрело иной характер, что сделало его терпимым для Финляндии. В соответствии с графиком движения одновременно на территории Финляндии могли находиться не более трех поездов. Внешнюю охрану поездов осуществляла финская сторона, внутреннюю – советская. В соответствии с нотами персонал российской охраны должен был быть малочисленным. На станциях имели право выходить только российский персонал, обслуживающий поезд. Соглашение заключалось на 30 лет, как и соглашение об аренде Ханко.

При этом следует учитывать государственно-правовой и международно-правовой аспекты. Вопрос был бы крайне простым, если бы соглашение содержало лишь технические моменты железнодорожных перевозок. В Хельсинки, однако, сомневались, не создает ли новое соглашение в обход финского законодательства бремя в пользу иностранного государства путем предоставления его представителям возможности использования публичных прав в Финляндии. Права российских охранников, наблюдающих за поездами, могли означать это. Однако, поскольку внешнюю охрану поездов обеспечивала Финляндия, а передвижение российских охранников, в том числе на подъездных путях, происходило по инструкциям финских проводников, наблюдающих за поездами, а также поскольку финский сопровождающий в локомотиве контролировал выполнение указаний, то было сочтено, что подобная практика не означает использование публичного права на финской территории. На ход обсуждения проекта соглашения повлиял и тот факт, что удалось отклонить возможность перевозки военнослужащих с оружием. В результате было принято решение не рассматривать соглашение в парламенте в порядке, предусмотренном для межгосударственных соглашений. Оно поступило лишь в комиссию по иностранным делам, после чего президент дал необходимые указания.

После сложных и утомительных переговоров соглашение и ноты были подписаны, и я решил, что это печальное дело позади. Но возникли новые трудности.

Железнодорожное сообщение и транзит в Ханко открылись в начале октября. Мы считали естественным, что выполнение согласованных договоренностей необходимо должным образом контролировать. Но уже с прибытием первых транзитных поездов начались скандалы. Русские и слышать ничего не хотели о контроле.

Вопрос о контроле я обсуждал несколько раз с генсеком НКВД Соболевым, обменивались памятливыми записками. Он сообщил, что советское правительство дало необходимые указания соответствующим представителям наблюдать за тем, чтобы пассажиры на поездах, следующих в Ханко и возвращающихся оттуда, не имели с собой оружия, и чтобы его (оружия) не было в товарных вагонах смешанных поездов. Но советское правительство

не считает «необходимым» осуществлять контроль, об этом также ничего не говорится в нотной переписке. Это действительно произошло по недосмотру при подготовке ноты. По мнению русских, контроль якобы противоречил статье XIV соглашения, в которой говорилось, что товары не подлежат проверке финской стороной. Советское правительство не возражало против проверки удостоверений личности пассажиров, но предложило, чтобы они (удостоверения) предъявлялись финским властям на первой финской станции.

Я ответил, что проверка удостоверений личности в порядке. Но контроль за отсутствием оружия не отлажен. XIV статья соглашения о транзите не распространялась на вопрос, согласованный в нотной переписке, это был отдельный от общего соглашения вопрос, и за его соблюдением был необходим контроль, поскольку осуществление любой договоренности необходимо контролировать. Этот вопрос касается не только Советского Союза, сказал я, но и другой договорной стороны – Финляндии. Соболев твердо заверил, что Советский Союз будет тщательно и безусловно соблюдать все взятые им обязательства. Если финны заметят, что советские представители не выполняют соглашения, то они будут наказаны советским правительством. Дополнительный контроль может быть связан со сложностями и трениями.

В связи с беседой передал Соболеву наше предложение, в котором говорилось как о проверке удостоверений личности пассажиров, так и о порядке досмотра товарных вагонов визуально, когда только открывались бы двери вагонов, но финские представители не могли бы заходить внутрь. Это была бы самая легкая и простая процедура, которая не была бы связана с какими-либо сложностями. Соболев ответил, что вопрос будет рассмотрен в надлежащем учреждении. На наше предложение ответа не поступило, и всю осень и зиму вопрос не был решен. Весной 1941 года из беседы с новым советским посланником в Хельсинки я вынес впечатление, что вопрос может быть урегулирован.

Я не думаю, что в этом второстепенном деле у Кремля были какие-то задние военные расчеты. В случае возможного нападения Советского Союза на Финляндию какой-то вагон с оружием решающей роли не сыграл бы. Согласие на перевозку

военнослужащих без оружия продемонстрировал желание оставаться на деловой основе. Вопрос о контроле, на мой взгляд, осложнялся постоянными и создающими сложности опасениями великой державы подорвать свой престиж. Словам и обещаниям правительства великого Советского Союза не верят! Если бы русские захотели понять нашу позицию, то им ничего бы не было проще, как сказать: «Мы не считаем такой контроль нужным, но раз вы его хотите, то пожалуйста». «Господа в Кремле очевидно думают, а самосознание там очень высокое, что великий Советский Союз не может допустить, чтобы пара мелких финнов ходила с проверками и что-то вынюхивала в вагонах, в которых на собственном поезде едут солдаты славной армии», – писал я министру иностранных дел. После победоносной войны в царящих здесь по отношению к нам настроениях подобные мысли у русских были обычным делом. Кроме того, ряд появившихся осенью и зимой вопросов вызывал раздражение в Кремле. Отрицательная позиция Кремля по любому вопросу вызывала у финнов подозрения, но это было там безразлично. В свою защиту Кремль может сказать, что это обычная безразличная позиция великих держав по отношению к малым. Да и малые народы и государства не всегда чисты, когда у них появляется возможность показать свою силу. Неспособность к разумным и умеренным действиям, нежелание посмотреть и понять суть дела с позиций противоположной стороны представляется общей проблемой народов и государств. Связано ли это с неисправимой человеческой слабостью?

VIII

Торговые отношения

В соответствии со статьей 8 Мирного договора возобновлялись экономические отношения между Финляндией и Советским Союзом и было необходимо провести переговоры для заключения торгового договора.

Переговоры начались в конце мая в Москве. Председателем финской делегации был министр торговли Котилайнен и председателем советской делегации – нарком внешней и внутренней торговли Микоян. В нашу делегацию, помимо меня, входили горный советник Гартц и заместитель начальника отдела МИД Яланти, специалист по современным торговым договорам. Позднее в качестве экспертов подключались бизнесмены, представлявшие различные экономические сферы.

Во времена России наш великий сосед был лучшим торговым партнером Финляндии. В 1911–1915 гг. наш экспорт в Россию составлял в среднем 39% от всего экспорта, а импорт оттуда – в среднем 39,5% от всего импорта. Кроме того, у нас был довольно значительный т.н. «невидимый экспорт» – средства, используемые летними дачниками и др., которые в отдельные годы доходили почти до 25% «видимого экспорта». После Октябрьской революции товарооборот с советской Россией опустился до незначительных показателей. В 1934–1936 гг. наш экспорт колебался между 0,5% и 1,6%, а импорт – между 2% и 5,1% от всего импорта и экспорта Финляндии. Россия не играла практически никакой роли в нашей внешней торговле. За годы независимости мы нашли новые рынки в других странах для нашего значительно возросшего экспорта и более чем компенсировали потерянное в России.

С экономической точки зрения торговля между соседними государствами – естественное дело. Она более выгодна, чем с дальними странами из-за меньших расходов на транспорт. Поэтому активные торговые отношения между Финляндией и советской Россией с экономической точки зрения были бы полезны. Они бы также способствовали общему улучшению отношений между соседними государствами.

При этом, однако, следует учитывать различные обстоятельства. Во-первых, Советский Союз не особо хотел покупать наш главный экспортный товар – изделия деревоперерабатывающей промышленности, поскольку сам производил их, в том числе на экспорт. В своей большой восстановительной работе советская Россия нуждалась в первую очередь в машинах, но в этой сфере Финляндия не была сколько-нибудь заметным экспортером. Но с этим связаны и другие проблемы. В Советском Союзе внешняя торговля, так же как и вся экономическая деятельность, сосредоточена в руках государства. Советский Союз учитывает не только экономические факторы, но и политические расчеты. Советский Союз стремился использовать внешнюю торговлю для укрепления своего политического влияния. Нарком внешней торговли Микоян прямо заявил на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года, что «внешнеторговые отношения, их характер и широта прямо зависят от политических отношений». На практике имели место и более печальные факты. Так, в 1925 году Советский Союз прекратил весь транзит через Эстонию и направил его через Латвию. Эта ситуация продолжалась несколько месяцев и привела к отставке министра иностранных дел Пуска. Подобные методы Советский Союз применял в отношении Эстонии и Латвии и часто, по крайней мере в какой-то степени, добивался поставленной цели (*Fischer Louis. The Soviets in World Affairs II. S. 519*).

Когда я еще будучи банкиром находился за границей, мои коллеги часто спрашивали меня о торговле между Финляндией и советской Россией, а также о степени экономической зависимости от великого восточного соседа. Когда я сообщал, что наш экспорт в советскую Россию колеблется между половиной и двумя процентами от нашего всего экспорта, и что мы, таким образом, в экономическом плане полностью независимы от Советского Союза, то в ответ слышал положительные оценки ситуации. Так что, хотя развитие как можно более широкой торговли с нашим великим соседом было бы

естественным делом, тем не менее я, будучи по своей природе осторожным человеком, даже еще до конфликтов последних лет выступал за необходимую сдержанность, по крайней мере вплоть до стабилизации политической обстановки в нашей части Европы.

В Советском Союзе внешняя торговля была монополией государства, что создавало трудности для стран, поддерживающих частное предпринимательство и свободную экономику. Особенно наглядно это было видно, когда с одной стороны было небольшое государство, Финляндия, а с другой – гигантская держава, Советский Союз. Но, тем не менее, экспорт Финляндии в СССР мог бы быть значительно больше, чем $\frac{1}{2}$ - 2%, без угрозы появления трудностей из-за возможных неожиданностей. Трудности будут возможны тогда, когда наш экспорт достигнет таких величин, что от него будут зависеть важные отрасли экономики. Так обстояло дело в период власти России, из-за чего нам пришлось преодолевать значительные сложности в начальный период нашей независимости, пока мы не нашли новые рынки и наша промышленность не приспособилась к ним.

Переговоры по торговому договору в комиссариате внешней торговли под председательством Микояна шли хорошо. 27 мая на втором заседании одобрили основные принципы общего договора и соглашения о платежах, а также создали две комиссии для обсуждения деталей. С нашей стороны было внесено, в частности, следующее предложение: поскольку в Советском Союзе внешняя торговля замыкается на государственный орган, комиссариат внешней торговли, то и в Финляндии торговля с Советским Союзом могла бы быть централизована и происходить не с частными фирмами. Микоян с этим не согласился, заявив, что подобного положения нет ни в одном торговом договоре Советского Союза. По ходу дела он проявил особый интерес к изделиям из металла, станкам, судам и другим транспортным средствам, но особого желания покупать наши основные товары – бумагу и целлюлозу, у него не было.

Последнее пленарное заседание состоялось в наркомате внешней торговли 23 июня. Котилайнен, который находился в Хельсинки из-за технических вопросов по договору, вернулся в Москву для обсуждения как самого торгового договора, так и

проблемы Энсо-Валлинкоски, о которой я расскажу позднее. Все вопросы по договору были урегулированы, и его подписание назначили на 25 июня. Микоян направил нам приглашения на ланч после церемонии подписания. Но неожиданно возникла проблема. Утром нам сообщили, что «у Микояна в назначенный день не будет времени», из-за чего как подписание договора, так ланч отменялись. - «Не кроется ли за этим что-то?», записал я в своем дневнике.

И за этим действительно была не только проблема со временем у Микояна.

Молотов пригласил меня в Кремль 23 июня. Это были трагические дни для балтийских народов, а о Финляндии начали распространяться недобрые слухи. «Я боялся, что пришла очередь Финляндии, что Молотов выдвинет нам свои требования. Члены торговой делегации и весь состав посольства испытывали беспокойство», пометил я в дневнике. Молотов, однако, был очень приветлив: «Давненько мы не виделись», сказал он и завел речь о проблеме никеля в Петсамо, к которой я вернусь позднее. Через пару дней он спросил, когда же я дам ответ по никелю. 27 июня я дал ему первый ответ по никелю и, когда мы завершили обсуждение этой темы, он затронул описанные выше события,

В беседе я заметил, что все затронутые сегодня дела не имеют отношения к торговому договору, который согласован и может быть подписан. Молотов ответил, что Советский Союз готов к торговому договору, чтобы «помочь Финляндии, находящейся в трудном положении», а также надеется, что Финляндия, в свою очередь, будет содействовать урегулированию вопросов с созданием комиссии по никелю в Петсамо и в аландском вопросе в соответствии с пожеланиями Советского Союза. В заключение встречи я сказал, что сообщу обо всем в Хельсинки. В тот же день вечером, когда мы с торговой делегацией обедали в московской гостинице, по телефону нам сообщили, что подписание торгового договора состоится на следующий день. Что это была за разыгранная перед нами интермедия, я так и не понял до сих пор. В любом случае, это были неуместные действия. Во-первых, объем товарооборота по договору, как увидим позднее, был слишком маленьким для того, чтобы оказать влияние на какие-то другие дела, в которых фигурировали иные ценности, уже не говоря о том, что торговые дела, по крайней

мере для менталитета финнов, неприменимы для использования в других целях. Во-вторых, обе стороны получают пользу от торговли, особенно когда речь идет о товарообороте на основе клиринга, при котором оба государства покупают те товары, которые им нужны, и платят за них полную цену. Но увязка подписания готового торгового договора с не относящимися к нему проблемами никеля и укрепления Аландских островов вызвали у нас некоторые подозрения и смешанные чувства. Следует, однако, признать, что Молотов в беседе со мной сделал эту увязку в мягкой и дружественной форме, выдав ее лишь за пожелание Советского Союза. Перед подписанием Микоян сообщил, что советское правительство утвердило договор и высказал пожелание, что два вопроса, поднятые комиссаром по иностранным делам Молотовым со мной, будут решены в благоприятном духе.

После подписания в представительском помещении советского правительства на «Спиридоновке» был дан шикарный ланч с обильными и вкусными блюдами и многочисленными российскими винами. Хозяевами были Микоян и Деканозов. Ланч продолжался два с половиной часа, атмосфера была свободной и веселой, как это всегда бывает с русскими на подобных мероприятиях. Много шутили. Микоян был веселым армянином. Кавказец Деканозов произвел более сдержанное впечатление.

Торговый договор содержал принцип наибольшего благоприятствования, как и в любой либеральной системе. Поскольку внешней торговлей в Советском Союзе, как уже было сказано, занимается исключительно государство, которое может по своему усмотрению устанавливать цены на российские товары и вводить другие условия и которое является единственным покупателем товаров другой стороны, то этот принцип не имел для нас того же значения, что в либеральных экономических системах, да и вообще он вряд ли имел для нас какое-то значение. С другой стороны, в соответствии с этим принципом Советский Союз получал в Финляндии различные преимущества, которые мы давали другим государствам по торговым договорам. Далее, договор содержал положения о пароходном сообщении и транзитных перевозках, что было выгодно обеим сторонам. В связи с кардинальным отличием правовой и экономической систем наибольшее благоприятствование вряд ли имело значение для граждан Финляндии, занимающихся

хозяйственной деятельностью на территории другого государства, о чем также говорилось в договоре. Как происходило бы урегулирование споров в арбитражном суде на территории Советского Союза, мне сказать трудно. Наконец, Советский Союз получал право иметь при своей миссии торговое представительство, юридический статус которого оговаривался в приложении к договору. Торговый представитель и два его заместителя получали дипломатический иммунитет. Сотрудники представительства пользовались налоговыми льготами подобно консульским работникам. Его помещения имели экстерриториальный статус. Торговый договор заключался до конца 1940 года, после чего каждая из сторон имела право его денонсировать с объявлением об этом за шесть месяцев.

В течение первого года действия договора товарооборот должен был происходить в соответствии с квотами, установленными в приложении к протоколу, относящемуся к договору. Финляндия должна была поставлять в советскую Россию буксиры, баржи, паровые турбины, насосы, медный провод, медно-оловянные сплавы для бумагоделательных машин и прессов, кобальт, пирит, кожу, шкуры, техническую бумагу и сливочное масло, в общей сложности на 7,5 млн долларов США. Из России следовало закупить 70 тыс. тонн пшеницы и ржи, соль, табак, апатит, дизельное топливо, керосин, бензин, смазочные масла, марганцевую и хромовую руду, хлопок и масличные корма, в общей сложности также на 7,5 млн долларов США.

Одновременно утвердили, как это стало обычным в последнее время, платежное соглашение, систему клиринга. В соответствии с ним все платежи между двумя странами велись через Финляндский банк и советский Государственный банк. Платежи обеих сторон должны были быть сбалансированы. Если баланс нарушался, для его выравнивания правительствами двух стран предпринимались меры. Если это сделать не удавалось, то соответствующее правительство имело право прервать поставки товаров в другую страну до выравнивания платежного баланса. В промежутках долговое сальдо могло подниматься до 500 тыс. долларов.

За пределами платежного соглашения по особому разрешению правительств могли происходить компенсационные сделки, при

которых стоимость товаров, поставленных из Советского Союза, покрывались поставками товаров такой же стоимости из Финляндии.

Планируемый товарооборот в 7,5 млн долларов или в 375 млн марок для каждой из сторон не имел особого значения для нас в обычный год. Согласованный экспорт составлял около 4,5% от нашего среднегодового экспорта до Зимней войны. По сравнению с 1941 годом, когда из-за войны у нас были проблемы с внешней торговлей, подобный экспорт составлял бы 9%. В числе импортных товаров были очень нужные для нас. К сожалению, в области торговли проявились трудности, и товарооборот оказался меньше планировавшегося. В конце года наметились разногласия по трактовке договора. В связи с различием экономических систем русские и финны понимали по-разному многие вещи. Когда Микоян подписывал списки на товарные квоты, в Советском Союзе их рассматривали как некий обычный договор на поставки, в отношении которых комиссар по внешней торговле может принять на себя обязательства, поскольку он делал это от имени советского государственного учреждения, а в Советском Союзе государство является как производителем товара, так и его продавцом. В Финляндии же квоты рассматривались как договор о тех пределах, внутри которых можно было поставлять товары на экспорт и которые определялись производственными возможностями. Однако поскольку в Финляндии производство и продажа являются делом частных фирм, то именно с ними должны были заключаться отдельные договоры на экспорт. Кроме того, сроки изготовления финских экспортных товаров – буксиров, барж, паровых турбин и других машин – были весьма длительными. Например, в следующем году мы должны были поставить 17, а в последующем – 21 буксир, барж соответственно 9 и 11. Так что далеко не все финские экспортные товары должны были быть поставлены в первый год. Однако для советских товаров не были нужны подобные длительные сроки поставок. Таким образом, если бы обе стороны точно придерживались квотных списков, то в первый год товарооборот не мог быть сбалансирован, причем дефицит приходился бы на финскую сторону. Впоследствии, однако, по дополнительным соглашениям о поставках для финских производителей были введены дополнительные частичные и предварительные платежи (предоплата) через клиринговые счета.

В соглашении о платежах было установлено, что все платежи обеих сторон должны быть сбалансированы. Если баланс нарушался, то соответствующее правительство имело право прервать товарные поставки другой стороне до восстановления баланса. Естественно, что финский экспорт в Россию, большая часть которого состояла из изделий длительного срока изготовления, поначалу был незначительным. Во второй половине 1940 года стоимость финского экспорта квотных товаров составляла около 139 тыс. долларов, а импорта из СССР – 3065 тыс. долларов. Но, если учесть частичные и предварительные платежи по заказам судов и др. упомянутых выше изделий, которые (платежи) также относились к экспорту, поскольку шли финским производителям на изделия, находящиеся в стадии производства и предназначенные для экспорта в СССР, то платежный баланс был соблюден.

Русские, однако, считали, что необходимо соблюдать баланс и в поставках товаров. Они ссылались на протокол к торговому договору, в котором говорилось, что в первый год действия торгового договора товарооборот должен соответствовать квотам, указанным в приложении. Признаю, что в ходе торговых переговоров в Москве далеко не все возможные детали были тщательно согласованы, так что оставалось место для разногласий.

Думаю, что эти вопросы можно было бы урегулировать без особых сложностей, если бы отношения между Финляндией и Советским Союзом осенью и зимой 1940–1941 гг. складывались хорошо. К сожалению, дело обстояло не так, и по различным вопросам у нас возникали трения. Особенно затяжки с проблемой никеля, о чем я расскажу позднее, раздражало русских. В середине января Советский Союз прервал экспортные поставки в Финляндию, заявив, что Финляндия не поставляет свои экспортные товары в достаточном объеме, в результате чего возник значительный дисбаланс товарооборота. Экспорт будет возобновлен только после восстановления баланса. В комиссариате внешней торговли говорили, что «Финляндия ведет торговлю плохо, затягивает дела, выдвигает различные отговорки».

В беседе с Вышинским о проблеме никеля и организации руководства планируемой компании по производству никеля я сказал полушутливо: «Пост исполнительного директора слишком

мелкий для вас, чтобы из-за этого начинать войну против нас». Вышинский ответил: «А мы уже находимся в торговой войне». Я направил телеграмму в Хельсинки: «Думаю, что перерыв в товарных поставках из Советского Союза и сложности в других делах связаны с ухудшением отношений, а также с проблемой никеля... К такому выводу я пришел на основе одного замечания Вышинского. Зная русских, могу сказать, что этого следовало ожидать. Если это возможно, то нам надо потерпеть. В любом случае финские экспортеры должны соблюдать график поставок. Не знаю, соблюдали ли они его до сих пор, русские утверждают обратное».

В соответствии с соглашением о платежах уполномоченные, назначаемые сторонами, должны встречаться раз в три месяца для проверки хода его выполнения. В феврале и марте такие переговоры состоялись в Хельсинки. Единства мнений не было. Финны настаивали на том, что, с учетом российских частичных и предварительных платежей сохраняется платежный баланс, и Советский Союз не имеет права прерывать экспорт. Русские, в свою очередь, утверждали, что частичные и предварительные платежи не подлежат учету, и необходим баланс в товарных поставках. Поскольку именно в этой области образовалась значительная диспропорция, то Советский Союз прекратил экспорт в Финляндию до выравнивания товарооборота.

Оплачиваемый по клирингу импорт по товарным квотам из Советского Союза по состоянию на 1 марта 1941 года составил около 3 217 тыс. долларов, экспорт из Финляндии – около 283 тыс. долларов. Если же к сумме товарного экспорта из Финляндии добавить упомянутые частичные и предварительные платежи, всего их было 3 598 тыс., то общая стоимость экспорта поднимется до 3 882 тыс. долларов, превысив стоимость товаров, ввезенных из России. Подсчеты делались также относительно того, до каких величин поднимутся экспорт и предварительные платежи к концу первого договорного года, т. е. 31 июня 1941 года. На переговорах согласия добиться не удалось, и торговля на этом закончилась.

На прощальном визите у Сталина 31 мая 1941 я затронул вопросы торговли между нашими странами, сказав, что имели место недоразумения и разногласия относительно трактовки договора. Изложил наше понимание, а также понимание Советского Союза.

Сталин, который, как оказалось, хорошо владел ситуацией, заметил: «Мы не договаривались, чтобы Советский Союз кредитовал Финляндию». Нам, финнам, трудно понять, как русские в конце концов видели этот вопрос. Частичные и предварительные платежи, выплачиваемые по договору, для поставщика товара были действительно кредитом, как если бы он взял эти деньги в кредитном учреждении, правда, тогда он платил бы проценты. Русские, как кажется, считали, что средства по предоплате должны были оставаться неиспользованными на клиринговом счете лишь как гарантия получения оплаты после изготовления поставляемого товара. Но, по нашему мнению, это не было целью соглашений о поставках.

IX

Президентские выборы. – Обустройство новых границ Финляндии

Президентские выборы. Вечером, в День независимости 6 декабря 1940 года, когда Молотов передал мне заявление о внешнеполитическом сотрудничестве Финляндии и Швеции, о чем я писал выше, он передал мне также и вторую бумагу. О ней я послал следующую телеграмму:

«Комиссар Молотов 6 декабря передал мне второе заявление следующего содержания: “Не хотим вмешиваться в этот вопрос или делать какие-то намеки относительно кандидатуры нового президента Финляндии, но внимательно следим за подготовкой к выборам. Хочет ли Финляндия мира с Советским Союзом, мы решим, когда узнаем, кто избран президентом. Ясно, что если президентом будет избран кто-нибудь такой как Таннер, Кивимяки, Маннергейм или Свинхувуд, то мы сделаем вывод, что Финляндия не хочет выполнять Мирный договор с Советским Союзом.” Я ответил, что президентские выборы полностью наше внутреннее дело. Молотов это признал, но добавил, что, конечно, можете выбирать президентом кого хотите, но мы имеем право делать собственные выводы. Сказал, что будем выполнять Мирный договор, президентские выборы на это не повлияют. Поскольку Молотов говорил устно по бумаге, я не мог его не слушать. По моей просьбе он отдал бумагу мне. Довожу это до вашего сведения».

В дальнейшей беседе я, как и часто ранее, продолжал подчеркивать, что будем выполнять Московский мирный договор, а также поддерживать хорошие отношения с Советским Союзом. В качестве свидетельства о преобладающих в нашей стране

настроениях сказал, что накануне прочел в газете Аграрного союза⁴⁷, которая особо отстаивает интересы карельской национальности, статью, в которой говорилось, что ни о какой мести не может быть и речи. «Мы не хотим войны, ни для реванша, ни для какой иной цели», – писала газета.

В связи с обоими заявлениями Молотова послал министру иностранных дел письмо, отрывок из которого, посвященный политическому сотрудничеству Финляндии и Швеции, я привожу на странице 54 этой книги. «Второе заявление Молотова, касающееся президентских выборов, конечно неуместно, но, по-моему, оно имеет меньшее значение», – писал я министру. – «В наше время, малым странам может достаться как угодно. Да и большим государствам приходится мириться с чем угодно. [...] Но и это последнее дело отражает изменение нашего положения. До последней войны речи о подобных “заявлениях” не могло быть».

Обдумав этот вопрос еще раз, направил в Хельсинки телеграмму: «Для полной ясности и испытывая чувство ответственности на своем посту подтверждаю то, что сообщал в письме Витгингу 8.12, а именно, что считаю угрозу Молотова по поводу президентских выборов серьезной, и ее игнорирование может привести к сомнительным последствиям. Судя по газетам, у нас где-то полдюжины стремящихся в президенты, так что оснований для опасного игнорирования предупреждения у нас нет. Сам я уже сообщал, что выставлять свою кандидатуру не буду». Мое имя в этой связи упоминалось в газетах, а также в полученных мною письмах, поэтому я телеграммой, а также письмом сообщил об отказе баллотироваться. Президентом был избран премьер-министр Рюти.

Молотов признавал, что президентские выборы – внутреннее дело Финляндии. «Конечно, можете выбирать, кого хотите, но у нас есть право делать собственные выводы». Сделав эту уступку, он, похоже, считал, что русские не выходят за пределы допустимого. Для нас же, финнов, подобное вмешательство с целью повлиять на выборы было нарушением наших прав, и мы не могли не сделать собственные выводы. Подобные действия Советского Союза были невозможны до войны. Даже с точки зрения самой советской России они были нецелесообразны. Они вызвали брожение в умах. И не

⁴⁷ Финская политическая партия.

могли не способствовать укреплению некоторых подозрений относительно намерений советской России и не могли не осложнить строительство нормальных отношений.

Вмешательство во внутренние дела других государств известный исторический факт. С печально известного «времени свободы» в Финляндии под властью Швеции полно примеров подобных действий со стороны России и других государств. История Польши содержит еще более наглядные примеры. В прошлом веке, в период либеральных идей, по мере развития международного права стали более осторожно относиться к нарушению суверенитета как малых, так и больших государств. Но особенно в последнее время полно грубых примеров беззастенчивого отношения больших держав к более слабым. Поэтому Советский Союз и в этом отношении не был первооткрывателем, а находился в обществе подобных себе. Но мы, народы северных стран, для которых соблюдение принципов справедливости является естественным делом, особенно щепетильны в этом отношении.

Великие державы, вмешиваясь в чужие дела, обычно пытаются достигать своих целей с помощью тайных интриг, подкупа или подстрекательства. Но в последнее время, как в случае Австрии и Чехословакии, а также Балтийских государств, отбрасывают в сторону и излишнюю застенчивость. Действия Кремля 6 декабря 1940 года можно отнести к этой категории. Угрожающие форма и тон заявления так же оскорбительны, как и его содержание. Для нас, финнов, это было нечто неслыханное. Это было почти то же, как если бы Советский Союз или Германия официально и торжественно заявили бы Швеции, что они не допустят назначения определенных лиц премьер-министром. Но какое впечатление этот шаг произведет на малую Финляндию, Кремль не думал. Очевидно, что никто из четырех деятелей, упомянутых в заявлении Молотова, и так не был бы избран президентом. Действия Кремля не были целесообразными и по этой причине. Его поведение в президентском вопросе, так же как и в ряде других, касающихся Финляндии, определялись стремлением держать нашу страну в состоянии зависимости и подчиненности Советскому Союзу. Считали, что подобная политика необходима на будущее, имея в виду собственные интересы обороны и безопасности.

Швед *Бу Энандер (Bo Enander)* в книге о внешней политике Финляндии в период Второй мировой войны пишет: «Действия России в ходе президентских выборов следует рассматривать на фоне целенаправленной пропаганды, которую в Хельсинки вела Германия в пользу министра Кивимяки» (*Finland och det andra världskriget*, s. 18). Если другое государство, которое Советский Союз считал своим возможным будущим противником, занималось активным подстрекательством с целью вмешательства в президентские выборы (я тогда об этом ничего не знал, но впоследствии слышал из надежного источника), то это в какой-то степени объясняет действия Кремля. Кремль опасался усиления влияния Германии в Финляндии. Москва, насколько мне известно, не вела пропаганды в пользу какого-либо кандидата. Сложилось впечатление, что из называемых публично моя кандидатура не была бы неприемлемой для Кремля, поскольку там было известно, что я искренне работал в интересах разрешения противоречий и установления хороших отношений между Финляндией и советской Россией. 18 декабря, незадолго до президентских выборов, когда я был у Молотова по другим делам и уже уходил, он неожиданно сказал: «Мы с удовольствием держим вас здесь, но также с удовольствием приветствовали бы Вас в качестве президента Финляндии». Ответил наполовину шутливо: «Мне так нравится Москва, что собираюсь оставаться здесь до тех пор, пока не придет время заниматься частной жизнью и раскладывать пасьянс». Молотов рассмеялся над моим ответом. До этого я уже отказался от борьбы за президентский пост. Отношение Москвы к моей кандидатуре в президенты можно было рассматривать как некий признак того, что у русских не было никаких недобрых намерений в отношении Финляндии, и что они по-деловому подходили к сотрудничеству с ней. И хотя я был известным посредником в урегулировании дел между Финляндией и Советским Союзом, а по мнению многих финнов даже слишком далеко идущим другом России, тем не менее Кремль знал меня как «буржуя» или «капиталиста», не разделяющего его идеологию.

Укрепление новых границ Финляндии. Тот азарт, с которым Молотов много раз поднимал вопрос о ведущихся работах по укреплению новых границ Финляндии, заставлял меня много размышлять о намерениях Советского Союза. Впервые речь об этом

зашла в ходе нашей продолжительной беседы 3 августа, о которой я рассказывал выше. Когда я сказал, что отношение нашего правительства к вопросам военного транзита в Ханко свидетельствует о стремлении финнов к хорошим отношениям с Россией, а также об отсутствии у нас опасений относительно наличия у русских недобрых намерений против нас, то Молотов ответил, что ему известно о наших мощных укреплениях вокруг Ханко, и подчеркнул, что Ханко не направлено против нас, а создано для других целей. В этой связи я заметил, что в обязанности независимого государства входит забота о своей обороне. Второй раз Молотов поднял эту тему 22 числа того же месяца в продолжительном разговоре об «Обществе дружбы», когда, высказав целый ряд претензий к нам, он заявил: «У Ханко, а также на других ваших границах готовятся мощные укрепления». Я вновь сказал, что независимое государство обязано заботиться о своей армии и обороне. По словам шведского посланника Ассарссона, Молотов также говорил секретарю кабинета Богеману⁴⁸, участвовавшему в шведско-советских торговых переговорах в Москве, что энергичное укрепление финнами границы с Советским Союзом является плохим знаком. На замечание Богемана о том, что в Финляндии обеспокоены концентрацией советских войск, Молотов ответил, что Советский Союз большая держава, у нее большая армия, и что военные по техническим причинам иногда перемещают войска, но это в данном случае ничего не значит. В беседах того времени Молотов обвинял правительство Финляндии в двойной игре: оно делает вид, что намерено выполнять Мирный договор, но одновременно интригует с целью восстановления старой границы. При этом он сослался на слова одного бывшего члена финского правительства: «Ни один настоящий финн не может признать границы по Московскому миру».

Еще в начале октября Молотов жаловался посетившему его по другим делам посланнику Ассарссону, что в Финляндии сильны настроения против Советского Союза, и что эта страна энергично укрепляет свои границы – «это нехороший знак», говорил он. Молотов вновь напомнил слова одного высокопоставленного финского представителя, что ни один финн не признает Московского мира, а также добавил, что от самой Финляндии

⁴⁸ Высокопоставленный сотрудник МИД Швеции.

зависит, как будут развиваться ее отношения с Советским Союзом. Постоянное повторение Молотовым этих обвинений создавало тревогу.

Позиция Кремля против укрепления новых границ Финляндией вызывала вопросы. А что, по мнению Москвы, мы должны были оставить новые границы, а также район Ханко и границы в Карелии открытыми? Что за всем этим кроется? Постоянные сооружения на границах нельзя использовать для нападения. Они пригодны только для обороны.

На переговорах о мире в прошлом марте Молотов занимал другую позицию. «Стройте свои укрепления сколько угодно. В этом отношении мы ничего не говорим», были тогда его слова. Теперь позиция Кремля изменилась. Повлияло ли на это полное изменение военно-политического положения после огромных побед Германии весной и летом 1940 года? Вполне возможно.

Обвинения Кремля по поводу укрепления новых границ Финляндии были связаны с общим отношением Советского Союза к нашей стране. За этим, как кажется, стояло новое представление о политическом положении нашей страны и об отношениях между Финляндией и Советским Союзом. Основное место в политике Кремля, по его же собственным заявлениям, занимали соображения обеспечения безопасности своей страны. Об этом свидетельствовали действия Кремля во время президентских выборов в Финляндии, а также поведение в вопросах сотрудничества Финляндии и Швеции и др. Финляндия должна была быть привязанной к Советскому Союзу и находиться под его влиянием. И если бы дела обстояли именно так, то ей были бы не нужны укрепления на границе против СССР. Казалось, к этому сводилась мысль Кремля. Но мы думали по-другому. Финляндия должна быть полностью независимым государством, таким как Швеция и другие. Если Кремль по-настоящему хотел бы признать право Финляндии на жизнь независимым государством и уважал нашу территориальную целостность, то он не должен был бы возражать против действий по укреплению нашей безопасности. И что это была бы за государственная независимость, если бы она не включала примитивное право и обязанность каждого государства заботиться об обеспечении собственных границ?

Х

Военная литература

Молотов много раз жаловался мне, что в Финляндии и особенно в военной среде разжигается вражда к Советскому Союзу. Он говорил, как я уже писал выше, о двойной политике финского правительства. Эту информацию Кремль, конечно, получал от своих представителей в Финляндии.

Особое недовольство вызывала литература о Зимней войне, выходившая в большом количестве после ее окончания, и по поводу которой в Кремле устраивали целые сцены. В конце октября я был впервые у Вышинского, только что назначенного первым заместителем Молотова. Он высказал сожаление, что уже в первую нашу встречу вынужден обсуждать со мной исключительно неприятные дела: одно из них было военной литературой, другие касались укреплений на Аландских островах и добычи никеля в Печенге.

Финляндию в последнее время захлестнул целый поток литературы о войне, которая разжигает ненависть в отношении Советского Союза, говорил Вышинский. Финское правительство должно остановить публикацию подобных книг. Он спросил, как мы реагировали бы, если бы в Советском Союзе также начала выходить такая же литература, разжигающая ненависть в отношении Финляндии. Ответил, что ничего не читал из этих книг. Вышинский быстро ответил: «У меня их целый стол, если хотите, могу дать почитать». Сказал, что закажу их для себя в Хельсинки. Из газет у меня сложилось впечатление, что это главным образом мемуары, издаваемые частными издательствами. «Мемуары можно писать по-разному. Сейчас надо дать ранам зажить. Если это будет

продолжаться, то возникнет опасное положение», – слова Вышинского были разумными.

Заметил для себя, что у нас образуется новое печальное дело. Но основе беседы направил в Хельсинки следующую телеграмму:

«Каково содержание этих многочисленных книг о войне? Отличаются они излишним национализмом или содержат что-то такое, что в Советском Союзе воспринимается как оскорбление? Прошу послать мне наиболее грубые издания. Считаю, что в нашем нынешнем опасном положении не стоит делать большого номера из этой войны, которая к тому же закончилась капитуляцией. Иначе здесь может возникнуть ответная реакция, которая приведет к новому несчастью. Думаю, что в психологическом плане наш народ может обойтись без подобного барабанного боя, вызывающего внешнеполитическое внимание. Ну а новый Рунеберг появится в свое время».

Использованное мною слово «капитуляция» (сдача) было не совсем точным, поскольку это понятие означает договор о сдаче вооруженных сил, укреплений и военных кораблей противоборствующей стороне. В Московском договоре ничего не говорилось о сдаче войск, правда речь шла об укреплениях и территории. По сути дела это был насильственный мир после проигранной войны, но после мужественной борьбы.

Когда на следующий день я был в Кремле у Молотова, то он, в раздражении после обсуждения проблемы никеля поднял тот же вопрос. Он заявил, что в Финляндии ведется грубое подстрекательство и возбуждение вражды против Советского Союза. Он показал на пять книг у себя на столе, заявив, что это лишь малая часть публикуемой в Финляндии военной литературы. На одной обложке был действительно неприятный рисунок: финский солдат пронзал штыком большевика-солдата. Молотов показал мне эту книгу: «Вот так вы хотите улучшать отношения между Финляндией и Советским Союзом?». Ответил, что я не читал эти книги. Спросил, известно ли Молотову, что было в них. Он ответил, что ему рассказывали о содержании этих книг. Обложка книги, которую Молотов показал мне, действительно была безвкусна, но в ее содержании (я потом прочитал эту книгу) не было ничего оскорбительного. «Вопрос о военной литературе вызывает

озабоченность», телеграфировал я в Хельсинки. «Среди книг Молотова была считающаяся безобидной “На земле Суомуссалми”⁴⁹. Прочитал ее сегодня. На мой взгляд, в ней почти на каждой странице содержится что-либо политически сомнительное или вредное. Правда, вступление в книге датировано 27.1., но опубликована она, конечно, после войны. Прошу серьезно подумать, что можно сделать, потому что делать что-то надо. Беседы с Вышинским и Молотовым произвели тяжелое впечатление».

Вскоре пришел ответ по телеграфу: «“На земле Суомуссалми” неуместна и оскорбительна. Первое издание вышло 11.3. Министерство юстиции сегодня конфисковало нераспроданный тираж. Просим незамедлительно сообщить об этом в НКВД, высказать сожаление и пояснить, что у нас нет литературной цензуры. В других книгах на военную тему, вышедших после мира, вряд ли имеется что-либо оскорбительное, но они в настоящее время изучаются и будут конфискованы, если в них будет найдено что-либо оскорбительное. Пытаемся предотвратить выход военной литературы». Сообщил об этом Вышинскому, который был доволен.

Военной литературы, правда разного качества, выходило столько, что даже издатели начали считать, что ее слишком много. Когда я разбирался в Кремле с этой проблемой, вспомнились слова Бисмарка: «Каждая страна будет отвечать за окна, которые разобьют ее газетчики, счет рано или поздно придет». Я довольно много прочел этих книг. В отношении одних применительно к отношениям с Советским Союзом ничего негативного сказать было нельзя. Такой была, например, книга Сииласвуо «Сражения в Суомуссалми»⁵⁰, в которой отдавалось должное героизму противника. Но в других почти на каждой странице было что-то сомнительное во внешнеполитическом отношении. Вполне понятно, что после всего пережитого мысли авторов облекались в жесткие и горячие слова, но в Кремле это не помогало.

В числе этих книг была вышедшая в свет до Зимней войны и используемая в школах в качестве учебника географии Хакалехто-Салмела «Отечество и мир». Последний тираж ее был выпущен после Московского мира. «В этой книге во всем, что касается Советского

⁴⁹ Suomenssalmen Sotatantereella. 1940.

⁵⁰ SIILASVUO, HJALMAR: Suomussalmen taistelut. Helsinki 1940.

Союза, большие непристойности», писал я министру иностранных дел. «Ясно, что авторы не знают условия в Советском Союзе, и даже не пытаются разобраться в них. Вместо этого они излагают собственные мнения и измышления. Информация в ней устаревшая и неправильная (начиная с количества населения в СССР и городах)». – «Что касается книги “105 дней борьбы”, изданной Союзом независимости⁵¹ то даже и не знаю, что сказать», писал я министру иностранных дел. – «В ней как в старые времена настойчиво повторяется, что мы – форпост западной цивилизации против азиатского варварства и т.п., что очень несвоевременно и не нравится здесь. Ну и всякое другое: например, нарушение Советским Союзом договоров. Восхваляется непобедимость нашей армии, а также говорится, что русские не смогли захватить требуемые ими территории. Об этом и я говорил Молотову на мирных переговорах, на что он ответил: “Если хотите, чтобы мы захватили эти территории, то можем отложить наши переговоры, но после этого условия мира будут другими”. Таким и было фактическое положение. Однако издание, о котором мы говорим, содержит главным образом фотографии, и весьма неплохие фотографии, было бы жалко конфисковать его. Так что подумайте, как лучше поступить».

«Что касается других книг», продолжал я, то «Каарло Эрхо “Сумма⁵²” о боях в Сумме и Каарло Репонена “На передовой”⁵³ вряд ли могут оскорбить чувства русских. Скорее их можно рассматривать как серьезное обвинение в адрес нашего военного руководства. Ведь компетентное военное руководство должно было заранее предположить, что великая держава с нескончаемыми запасами может создать именно такой “огненный ад”, какой был на фронте в Сумме 1.2.-13.2.1940. Одновременно следовало оценить, какие

⁵¹ Союз независимости - правая финская организация, созданная в 1924 году под лозунгами укрепления независимости Финляндии, в том числе от “угрозы, исходившей от СССР”. Распущена в 1946 году в соответствии с советско-финляндским договором о перемирии как профашистская организация. Речь идет о книге: 105 taistelun päivää. Suomen ja Neuvostoliiton sota talvella 1939-40. Kustantaja, 1940.

⁵² *Kaarlo Erho. Summa: sotamiehen kynällä piirrettyä, muistelmia Raumalaiskomppanian vaiheista Summan ja Länsikannaksen sekä Viipurin puolustuksessa.* WSOY 1940.

⁵³ *Reponen Kalervo: Etulinjoilla Summassa, Yläsommeessa ja Viipurinlahdella* Kustantaja: Karisto, painovuosi:1940.

средства мы должны были выставить, чтобы противостоять ему. Но такие оценки мы сделать не смогли.

«Среди лучших книг Палолампи “Коллаа выдержит”⁵⁴. Там, конечно, есть разное, в том числе не очень уместное, но вряд ли оскорбительное для русских. Наоборот, там видно, насколько слабые ресурсы у нас были, и насколько было безнадежным наше положение на реке Коллаанйоки на момент заключения мира.

Я не могу представить, что у нас дома не могут понять, в каком положении мы оказались из-за этой несчастной войны», таков был мой общий вывод. – «Неужели на самом деле добиваются новой войны, после которой не будет ни военных писателей, ни военной литературы».

Попросил нашего военного атташе выяснить, что в Советском Союзе пишут о нашей войне. Мне дали прочитать три статьи в советской военной газете. В них превозносили подвиги советских солдат, но ничего унижительного о финнах не было. В некоторых шуточных стихах, написанных солдатами на фронте, а также в других небольших заметках было кое-что не очень вежливое, но, учитывая время и место написания, этому не стоило придавать значение. Так что у меня не оказалось пригодных ответных материалов. В одной из бесед Вышинский сказал: «Уважение героев – совсем другое дело. Это обязанность каждого народа. Но сейчас речь идет не об этом». Это были правильные и красивые слова. После того как военная литература стала издаваться по особому разрешению и после проверки, то это печальное дело было завершено.

Кое-кто может быть скажет, что Кремлю не стоило уделять финской военной литературе столько внимания, но тем не менее считаю, что его, Кремля, замечания имели основания, хотя и могли бы быть сделаны не в столь острой форме. Публикация подобных книг летом 1940 года продемонстрировала полное непонимание в Финляндии своего положения и сопряженных с ним опасностей. По требованию Кремля правительству пришлось прибегнуть к жестким мерам.

6 ноября по случаю годовщины революции президент Калинин выступил с докладом, в котором затронул войну с Финляндией.

⁵⁴ Erkki Palolampi: Kollaa kestää. Helsinki: Werner Söderström, 1940.

Силы природы, непроходимые леса и болота, глубокий снег и почти 40-градусный мороз, все было в Финляндии против советских войск, говорил он. Но наши солдаты показали, что для них нет преград. Через три месяца Финляндия была вынуждена подписать Мирный договор на условиях Советского Союза. «Еще не появился историк этой войны, – говорил он, – и в Советском Союзе слишком мало писалось о великих и героических подвигах советских войск и гражданских лиц во время войны с Финляндией. Буржуазная печать, пишущая за деньги, возводит клевету на Красную армию». Калинин добавил, что военные представители Советского Союза в печатном слове дадут правильную картину о финской войне. «Думаю, что выступление Калинина о войне с Финляндией связано с финской военной литературой, о чем в последнее время много говорили», – писал я в телеграмме в Хельсинки.

В этой связи стоит упомянуть, что в конце года в Государственном социально-экономическом издательстве в научно-просветительской серии на русском языке вышла книга И. Ильинского «Финляндия»⁵⁵. На ней указано, что в набор она поступила в конце 1940 года, т.е. по крайней мере сразу после Московского мира. Книга была насквозь недоброжелательная для Финляндии, содержала искажения, ложь и даже какие-то прямо сумасшедшие утверждения. Ее страницы были полны лжи в самой грубой форме. Конечно, целью книги была пропаганда. Но не мы одни были объектом подобного просвещения. Одновременно в этой же серии вышла книга «Швеция»⁵⁶. Правда, она была немного поприличнее, но все равно достаточно грубая. «Демагогическая ложь», так в ней характеризовалась статья одного известного шведского профессора и политика. «Швеция успешно движется в сторону революции», констатировалось в книге. Красной нитью в обеих книгах проходили, с одной стороны, подозрительность в отношении всего остального мира, который якобы только и мечтает, как бы нанести ущерб и развалить Советский Союз, с другой – очернение экономических и общественных условий других государств, а также стремление доказать негодность не только «капитализма», но и социал-демократического «реформизма». Одновременно автор доказывал, что Советский Союз не нападал на

⁵⁵ Ильинский Я.С. Финляндия. М.: ОГИЗ – Соцэкгиз, 1940.

⁵⁶ Страшунский Д. Швеция. М.: ОГИЗ, 1940.

Финляндию, и в его словах сквозила злоба в адрес тех, кто нам помогал, и кто высказывал сочувствие нам. Автор даже не пытался дать объективную информацию. Но при этом нельзя забывать, что и в других странах наблюдались односторонние и поверхностные высказывания об условиях в Советском Союзе, что следует считать заслугой большевиков.

Позднее, когда я уже писал этот текст, мне стало известно, что в 1940 и особенно в 1941 году в Советском Союзе вышло довольно много книг о Зимней войне, как в прозе, так и в стихах. В чисто пропагандистской литературе говорилось много плохого о финнах: они стреляли и убивали раненых и санитарок, а также другой медицинский персонал, совершали над ними всяческие зверства; с военнопленными обращались плохо; положение трудящихся в Финляндии было ужасным и т.д. – Но в других публикациях, особенно в стихах, о финнов унижительно не говорилось, и ненависть к противнику не высказывалась. Из этих публикаций следовало, что уже к началу Зимней войны советский патриотизм полностью развился и органично впитался в прежний *русский* патриотизм. Война против Финляндии подавалась в советско-русской художественной литературе, за исключением одного стихотворения в начале 1939 года, как чисто национальная по своему характеру война: Советский Союз стал продолжателем наследия старой национальной империи, России, и, несмотря на все ужасы Зимней войны, советский человек испытывает радость, что границы его страны продвинулись вперед, даже если при этом не освободили ни одного финского пролетария. Советской литературе, как и военной литературе других государств, присуща одна черта: чем более талантлив автор и чем он больший художник, тем меньше в его произведениях ненависти к противнику.

ХІ

Никель из Печенги

23 июня 1940 года Молотов сказал мне, что Советский Союз заинтересован в разработках никеля в Петсамо и спросил, можем ли мы дать разрешение на работы там, согласимся ли создать совместное финско-советское предприятие или решим вопрос каким-либо иным образом.

Так началось неприятное дело, которое осложнило нормализацию отношений между Финляндией и Советским Союзом. Вопрос был большой и сложный. Боюсь, что мои разъяснения станут очень длинными и скучными. К сожалению, как я ни старался, сделать эту главу короче, мне это не удалось.

Вопрос Молотова был для меня неожиданным. Почему Кремль поднял его именно сейчас? Во время Зимней войны большая часть Петсамо была оккупирована советскими войсками, и забрать у нас район с запасами никеля было нетрудно. Правда, ситуацию осложняло разрешение на добычу никеля, выданное англо-канадскому концерну, но решить эту проблему Советскому Союзу было бы не сложнее, чем Финляндии. Может быть, русские забыли тогда про никель? Этого не может быть. Еще осенью 1939 года Сталин и Молотов затронули тему разрешения англичанам. В ходе мирных переговоров в Москве Молотов упомянул, что в Советском Союзе, особенно в военных кругах, распространено мнение, что Печенгу не стоило возвращать финнам.

Привлекают внимание статьи в некоторых германских газетах, появившиеся сразу после московского мира. В них говорилось, что Россия скорее всего выдвинет особые требования, в результате которых Финляндии придется аннулировать разрешение, выданное

англичанам. Гессенская «Националь Цайтунг», близкая к министр-президенту Пруссии Герингу писала 17 марта 1940 года: «По мирному договору Петсамо, правда, осталась у Финляндии, но очень сомнительно, что Англия сможет продолжать действовать там по своему плану. Советский Союз по крайней мере в равной степени заинтересован в финской никелевой руде, и в предстоящих в ближайшем времени экономических переговорах между СССР и Финляндией месторождение никеля в Петсамо займет заметное место. Так что роль Англии на Востоке уменьшится. Советская Россия, которая стремится поставить под сомнение монопольное положение Англии на мировом рынке никеля, наверняка воспользуется этой удачной возможностью». Эти статьи были в той же мере плодом собственных измышлений газет, как и по всей вероятности отражением интереса Германии к никелю в Петсамо, появившегося после Московского мира.

Молотов и Вышинский заверяли, что интерес Советского Союза к никелю связан исключительно с хозяйственными интересами. Но дело было не только в экономике. Если бы это было так, и если бы речь шла исключительно об удовлетворении потребности Советского Союза в никеле, то вопрос можно было бы очень просто решить предлагаемым нами методом, а именно мы могли бы продавать Советскому Союзу большую часть производимого там никеля. Но Советский Союз на это не шел. Молотов неоднократно подчеркивал, что его стране был нужен не только никель, но и сам этот район, где никого не должно было быть кроме Советского Союза и Финляндии. «Англичан надо убрать из Печенги». Он утверждал, правда, преувеличивая при этом, что разрешение на работу там означает кое-что иное, а не только экономический интерес. Несомненно, что присутствие там не только Англии, но и любой другой державы, в данном случае Германии, не было бы Советскому Союзу по вкусу.

В Советском Союзе, богатом природными ресурсами, никеля было достаточно, по крайней мере для собственных нужд. Во время первой и второй пятилеток, до 1937 года, в различных частях страны были найдены богатые месторождения никеля. Самые крупные из них были на Кольском полуострове, а также на среднем и южном Урале и в северной Сибири. Летом 1939 года было завершено строительство трех больших никелевых комбинатов. «С вступлением этих комбинатов в строй Советский Союз выходит в первый ряд

мировых производителей никеля», говорилось в одном советском учебнике экономической географии, вышедшем в 1940 году.

Целью Советского Союза мог быть захват определяющего положения на мировых рынках никеля, и для этого ему нужно было Петсамо. Но, как я вскоре заметил, интерес Советского Союза к Петсамо был в первую очередь политическим. Петсамо – предполье, «glacis»⁵⁷ Мурманска. Некоторые ставшие известными мне высказывания подтверждали это мое предположение. И та настойчивость, с которой советское руководство хотело взять территорию рудников в свои руки, показывала то же самое. Обращала на себя внимание и резкость выступлений Молотова. Он говорил, что Советский Союз считает вопрос о никеле «крайне серьезным», а предоставление разрешения на работы там посторонним «противоречащим интересам СССР». Итак, вопрос был хозяйственным во вторую очередь. По-видимому, здесь присутствовало и представление Советского Союза о Финляндии как о стране, входящей в сферу его влияния, из которой следовало удалить все другие великие державы. Поскольку интерес Советского Союза был политическим, то это значительно осложняло дело, делало его непредсказуемым и увеличивало для нас угрозу конфликта.

Но почему Советский Союз не поднял этот вопрос в ходе мирных переговоров, а сделал это лишь в конце июня? Считали ли в Советском Союзе, что по Московскому миру они настолько укрепились на границах Финляндии, что с этой стороны никакой угрозы не следует ожидать, даже если Петсамо останется в Финляндии? Вскоре политическая обстановка стала кардинально отличной от той, что была во время Московского мира. В апреле-мае Германия оккупировала северную Норвегию, и ее войска оказались сравнительно недалеко от восточной границы Петсамо. Повлияло ли на это полное изменение военного положение весной 1940 года не только в западной Европе, но и на Севере? Вполне возможно. Полный ответ на все эти вопросы можно будет дать только в будущем.

Ответил Молотову, что мы выдали разрешение на работы на месторождениях никеля англо-канадскому тресту, так что сейчас мы

⁵⁷ В фортификационных сооружениях XVII–XIX вв. гласис (*фр.*) – пологая земляная насыпь перед наружным вром крепости.

связаны этим решением, но если бы наши руки были свободны, то мы продавали бы никель Советскому Союзу так же охотно, как и всем другим. Мое мнение, доложенное в Хельсинки: «Если возможно, то к желанию Советского Союза получать никель следует отнестись положительно».

В 1934 году Финляндия заключила на 40 лет соглашение на разработку никеля с английской компанией *The Nickel Mond Co Ltd*, акциями которой владел канадский никелевый трест *International Nickel Co*. На рудниках работало финское акционерное общество *Petsamon Nikkeli OY*, акции которого принадлежали компании *Mond*. В совете директоров последней в соответствии с финским законодательством две трети мест занимали финны. Англичане вложили значительные капиталы в предприятие, рабочие на рудниках, а также почти все инженеры и служащие были финнами. В Финляндии были удовлетворены подобной организацией.

На торговых переговорах, состоявшихся сразу после заключения московского мира, Германия также обратилась за разрешением на работу в Петсамо, но, поскольку это было невозможно, в порядке компенсации она согласилась на получение 75% никелевой руды, а когда в этом вопросе активизировался Советский Союз, то удовлетворилась и 50%.

Поначалу мы пытались выработать систему, в рамках которой были бы удовлетворены все три большие державы. Предложили оставить разрешение на работы у англичан, но продавать никелевую руду Германии и Советскому Союзу по половине от добываемого. 27 июня я передал по этому вопросу Молотову памятную записку в присутствии прибывших в Москву на торговые переговоры министра Котилайнена, горного советника Гартца и начальника отдела Яланти. Почитав записку, Молотов заявил, что она не содержит ответа на поставленный им вопрос: получит ли Советский Союз право на работы в Печенге или будет ли создано совместное финско-советское общество. В то время Советский Союз не интересовал никель сам по себе, ему нужна была территория Петсамо с никелем. Стояла также задача избавиться там от присутствия англичан. Я ответил, что трест работает на законных основаниях и вряд ли согласится разорвать имеющееся соглашение. Молотов выразил уверенность, что с англичанами проблем не будет,

если финское правительство захочет разорвать соглашение. А о руде договоримся с немцами. В связи с этой беседой я в качестве своего мнения сообщил в Хельсинки, что если проблема никеля в Петсамо не является для нас жизненно важной, особенно если при поиске ее решения будут учтены наши интересы, (а Москва склоняется к этому, если судить по словам Молотова), то дело с концессией на никель следовало бы уладить с учетом пожеланий Советского Союза. Добавил: «Боюсь, что Советский Союз не оставит это дело на полпути».

Правительство заняло положительную позицию в отношении советского предложения, и в начале июля я сообщил Молотову, что мы начали принимать меры для решения вопроса и ведем переговоры с трестом. Молотов выразил надежду, что вопрос не затянется, на что я ответил, что сейчас решение зависит от треста. Молотов вновь заявил, что вопрос целиком в нашей власти, «поскольку английский трест сейчас не будет продавать никель Германии, как делаете вы».

Через несколько дней генсек НКИДа Соболев передал мне памятную записку, в которой со ссылкой на мое ранее переданное Молотову предложение, о котором я говорил выше, сообщалось, что Советский Союз в 1940 году готов ограничить свои закупки руды 40 процентами от ее добычи при условии, что остающиеся 60% будут поставлены в Германию. Таким образом, вопрос был согласован между Советским Союзом и Германией. В ходе беседы Соболев пояснил, что Советский Союз заинтересован в получении никелевой руды в 1940 году, в праве на работы в Петсамо, а также в уходе англичан.

Компания Mond, однако, отстаивала свои права, а также резко выступала против использования рудника в интересах Германии. Ноту протеста по этому вопросу посланник Великобритании в Хельсинки вручил министру иностранных дел. Но когда правительство на основе закона о военном положении обязало компанию продавать свою продукцию покупателю, назначаемому министерством торговли, то финское *Petsamon Nikkeli OY*, занимающееся рудником, заключило договор на поставку 60% своей продукции большому немецкому концерну *I.G.Farbenindustrie*. Соответствующая советская организация пригласила представителя

финской компании в Москву для переговоров о доле СССР в 40%. – казалось, что решение найдено. В Хельсинки надеялись, что вопрос о праве СССР на работы в Петсамо снят, и теперь речь идет только о разделе продукции между Советским Союзом и Германией.

Кремль, однако, не отказался от своей первоначальной позиции. Когда в конце августа я был у Молотова по другим делам, он внезапно спросил: «Когда дадите ответ по концессии на никель в Печенге, которую вы обещали дать в срочном порядке?». – Ответил, что у нас сложилось впечатление, что Советский Союз больше не заинтересован в праве на разработку никеля, поскольку он поставил вопрос о получении никелевой руды, и мы решили этот вопрос. Молотов горячо заявил, что Советский Союз сейчас заинтересован в праве на разработки не меньше, чем ранее. Он особо подчеркнул, что в компании по добыче никеля не должно быть никого, кроме Советского Союза и Финляндии, которые в совместном предприятии или иным путем будут заниматься комбинатом. Никелевая руда – это отдельный вопрос, и соглашение о 40% руды для СССР касается только 1940 года.

В середине сентября у меня состоялся весьма печальный разговор с Молотовым, до которого я донес новую информацию из Хельсинки. Я сказал, что организация дела по предложенной Советским Союзом модели встретилась с трудностями. Наше правительство провело переговоры с трестом, который, однако, не захотел отказываться от своих договорных прав. Правительство не может принуждать трест к этому. Оно может лишь определять использование готовой продукции комбината. В ходе торговых переговоров Германия также заявила о желании получить разрешение на разработки, но ей был дан такой же ответ. Позднее между Советским Союзом и Германией была достигнута договоренность о разделе продукции, и в Хельсинки исходили из того, что эти два государства действуют по договоренности между собой, а вопрос о праве на участие в разработках никеля отошел на второй план. Таким образом, все дело можно считать закрытым после поставок никелевой руды Советскому Союзу и Германии.

Так считало финское правительство.

Молотов выслушал меня с очень серьезным лицом. Начался продолжительный разговор. Собеседник повторил, что производство

и продажа никеля – разные вещи. От правительства Финляндии зависит, будет ли проблема снята или нет. Поскольку правительство Финляндии сочло возможным разрешить компании, находящейся в собственности англичан, продавать никель Германии, которая ведет войну с Англией, то вполне возможно удовлетворить и пожелания Советского Союза. Когда я в очередной раз подчеркнул, что правительство не имеет права аннулировать выданное разрешение без согласия владельцев, Молотов спросил: «Можно ли все это понимать так, что правительство Финляндии готово решить вопрос, если будет найдена соответствующая юридическая формула?». Подобная постановка была для меня неожиданной, и я понял его так, что Советский Союз собирается получить согласие треста. Сказал, что представители компании дали нам окончательный отрицательный ответ. На предложение о заключении долгосрочного соглашения на поставки руды в Советский Союз Молотов ответил, что он хочет вести переговоры не с компанией, занимающейся никелем, а с правительством Финляндии. Он особо подчеркнул, что Советский Союз считает этот вопрос «очень серьезным», и «наличие разрешения у посторонних противоречит интересам его страны». Он добавил, что возникшая ситуация противоречит также мирным договорам 1920 и 1940 гг., поскольку Советский Союз имеет право свободного прохода именно по обсуждаемому району. Я резко протестовал против подобной трактовки. Молотов повторил, что для Советского Союза важен не только никель, но и этот район, а также чтобы там никого не было, кроме Финляндии и Советского Союза. Он сказал, что этот вопрос вновь показывает недружественное отношение правительства Финляндии к Советскому Союзу: «С Германией мы можем вести переговоры, а с Финляндией нет». «Молотов выглядел очень сердитым, говорил горячо и ни в чем не отступал. Таков он был всегда.[...] Посмотрим, чем закончится эта заварушка», – записал я в дневнике.

«Молотов был очень резок, его голос выражал недовольство», телеграфировал я своему правительству. «Его утверждение, что выдача разрешения посторонним противоречит интересам Советского Союза, а его прежние слова о том, что в Советском Союзе многие не согласны с возвращением Петсамо Финляндии, делают вопрос крайне сложным и не позволяют нам забыть, что и силовые действия в Петсамо не находятся за пределами возможного». На мое

сообщение о том, что наше правительство получило от треста отрицательный ответ, Молотов заметил, что результат зависит от того, как вести переговоры. Реальные условия сегодня настолько изменились, что они дают основание и для юридических изменений. Эта мысль, которую Молотов высказывал много раз в разной связи, отражает наши различия в понимании права. По нашему мнению изменения в соотношении сил на международной арене не могут служить основой для изменений в праве собственности или для разрыва действующих в законном порядке соглашений.

Ситуация складывалась следующим образом: разрешение на работы в Петсамо в законном порядке, на основании соглашений с финским государством принадлежало англичанам. Советский Союз и Германия хотели заполучить его себе. Советский Союз, цели которого совершенно очевидно были политическими, хотел устранить из региона другие крупные державы, хотя временно и был склонен делиться с Германией обговоренной частью продукции. Германия смирилась с тем, что в качестве компенсации за разрешение она будет получать никелевую руду, а комбинат будет иметь долгосрочное соглашение с германским концерном *I.G.Farbenindustrie*, который, в свою очередь, предоставит комбинату кредит и другое содействие в налаживании работы рудников. Германия не хотела увеличения влияния России на территории, богатой никелем, за счет Финляндии, с которой она неплохо ладила. Нельзя было не видеть, что Германия с удовлетворением наблюдала за нашими попытками сохранить в регионе статус-кво или по крайней мере свести изменения к минимуму. В конце концов для Германии был важен только никель и ей было все равно, что произойдет с разрешением на работы. Договор о дружбе между Берлином и Кремлем, хотя это и был брак по расчету, тогда, весной и летом 1940 года, цвел в полную силу.

Англичане, в свою очередь, стремились оставить разрешение у себя. Поэтому Англии не нравились попытки советской России. У Англии было две цели: улучшить отношения с Советским Союзом и, с другой стороны, помешать экспорту никеля в Германию. Поэтому безусловного желания предотвратить уход разрешения в Советский Союз или помешать созданию совместного финско-советского общества у Англии не было, поскольку, как надеялись англичане, в результате этих мер поставки никеля в Германию прекратятся или по

крайней мере затруднятся. Таким образом, ни одна крупная держава, ни Германия, ни Англия не собирались выступить в нашу поддержку, хотя им и не нравились устремления Советского Союза в сторону месторождений никеля, и они видели, что нам нужна их помощь. Финляндия оказалась под нажимом трех больших, но была вынуждена вести дела наедине с Советским Союзом. «Ваше положение действительно сложное», говорил мне посол Германии в СССР граф фон дер Шуленбург. – Если бы мы были достаточно сильным государством, то просто ответили бы: вопрос решен с англичанами, мы довольны этим решением и ничего поделывать не можем.

Но мы не были великой державой, мы были маленьким государством, которое оказалось под перекрестным огнем, вызванным интересами трех больших. К тому же Англия, указывая на экспорт никелевой руды в Германию, угрожала закрыть сертификат безопасности мореплавания в районе Петсамо. Германия лишь держалась за соглашение о закупках никеля. На самом деле вопрос о никеле был слишком мелким делом в то время большой войны, чтобы Германия или Англия из-за него испортили бы свои отношения с Советским Союзом. «Мы под тройным огнем», говорилось в одной из телеграмм из Хельсинки. «Поскольку сложилось подобное положение, то надеемся, что Советский Союз поступит так же, как Германия, а именно заключит соглашение о поставках ему никеля. Тем самым вопрос был бы урегулирован во взаимопонимании между Финляндией, Советским Союзом и Германией». Так мне советовали сказать Молотову. Я, в свою очередь, считал, что Молотову надо было сказать: Нам не удалось получить согласие треста, которое необходимо, но если вы можете его получить, то мы готовы вступить в переговоры вместе с вами, чтобы закрыть вопрос. Я запросил полномочия для подобного заявления. Однако в Хельсинки пока еще не были к этому готовы.

9 октября, после того как мы закончили обсуждение аландского вопроса, перевозку германских войск по территории Финляндии, а также планов оборонительного союза между Швецией и Финляндией – все это далеко не лучшая подготовка для беседы о проблеме никеля – Молотов, который часто поднимал тему никеля при обсуждении других вопросов, вновь спросил, получил ли я какую-либо информацию из Хельсинки. После моего

отрицательного ответа Молотов начал говорить особенно горячо. Он заявил, что не понимает, почему правительство Финляндии так упорно не решает вопроса, ссылаясь на отказ треста. Посол Великобритании Криппс еще в феврале сказал ему, что английское правительство с удовлетворением встретило бы сообщение о соглашении между Советским Союзом и Финляндией на использование рудника. Когда я вновь заявил об отрицательном ответе треста, Молотов лишь выразил недоумение.

В конце октября к проблеме никеля наряду с Молотовым подключился Вышинский. У меня серьезное дело, сказал он, никель в Петсамо. Правительство Финляндии затянуло его решение на месяцы. Он сослался на слова Криппса, о которых мне сообщил Молотов, и высказал уверенность, что правительство Финляндии могло бы решить вопрос, если бы захотело. Но оно не хочет, выдвигает разные предлоги. Ответил, что компания, занимающаяся разработкой никеля, дает нам резко отрицательный ответ, а посланник Англии в Хельсинки сообщил недавно, что его страна не согласна с передачей разрешения. Поскольку дело обстоит подобным образом, то от нас ничего не зависит. Предложил долгосрочное соглашение о поставках. Вышинский считает, что соглашение о поставках и разрешение на работы – два различных вопроса. Когда я сказал, что мы не можем забрать разрешение у англичан, Вышинский спросил иронично: «А что, Финляндия – колония Великобритании? Советский Союз считает Финляндию независимым государством и хочет уважать ее независимость». Он спросил, был ли мой ответ окончательным, и добавил, что Советскому Союзу тогда придется прибегнуть к необходимым мерам. Начался продолжительный разговор, в ходе которого Вышинский потребовал от меня в течение двух-трех дней дать окончательную позицию правительства Финляндии. «Мне кажется, что Советский Союз так это дело не оставит», писал я в телеграмме в Хельсинки. «На какие действия Вышинский намекал своей угрозой, я сказать не могу. Речь может идти, во-первых, о силовых мерах в Петсамо (о них я уже упоминал), во-вторых, об экономических или иных мерах давления».

Из бесед с Молотовым я вынес впечатление, что он был согласен с нашей точкой зрения о необходимости получения согласия треста на передачу разрешения. Возможно, что на основании бесед с послом Великобритании в Кремле сложилось впечатление, что англичане

могли бы пойти на подобное решение. Возможно, англичане так бы и поступили, если бы в результате был прекращен экспорт никеля в Германию, но препятствием были долгосрочные соглашения финской фирмы с Германией. Я неоднократно предлагал в Хельсинки дать согласие, если Молотов сообщит о намерении самому урегулировать вопрос с трестом. Но Хельсинки не хотел идти на это. Вместо этого наше правительство сообщило советскому посланнику в Хельсинки следующее: Финляндия длительное время не давала ответ на запрос советской стороны по проблеме никеля не потому, что разрабатывало планы каких-то действий, а потому что, несмотря на предпринятые усилия, она не могла найти решение с компанией, ведущей разработки никеля. Как правовое государство Финляндия выполняет свои обязательства по заключенным соглашениям. Позиция Советского Союза поставила Финляндию в трудное положение, поскольку вызвала у нее противоречия как с Англией, так и с Германией. Хотя Финляндия хотела бы сохранить существующее положение, тем не менее правительство согласилось на переход разрешения к совместному финско-советскому предприятию при условии, что Советский Союз получит согласие Англии и треста, а также отказ Германии от запроса на передачу разрешения ей, который она выдвинула раньше Советского Союза.

1 ноября меня пригласил Молотов в Кремль, когда я еще не получил информацию об этом из Хельсинки. Беседа вновь была сложной. Молотов был зол. С самого начала он заявил, что Финляндия не хочет обсуждать экономические вопросы с Советским Союзом на деловой основе, и в то же время в Финляндии разжигают вражду к СССР. Последнее замечание относилось к военной литературе, о которой уже был разговор. Он резко отзывался о затяжках в вопросе о никеле и требовал ответа на вопрос, намерено ли финское правительство начинать переговоры по разрешению на добычу. Он вновь сослался на заявление посла Криппса. Я ответил ему примерно так же, как и Вышинскому пару дней назад. Молотов заявил, что Советский Союз предпримет меры, если решение не будет найдено.

Когда через несколько дней я был у Вышинского с информацией о сообщении премьер-министра Рюти советскому посланнику в Хельсинки, то Вышинский заметил, что он беседовал с послом Криппсом, который подтвердил все, что он говорил в июне

Молотову, но с оговоркой, что трест готов на временную передачу разрешения до конца войны. По мнению Вышинского, это условие не имело значения, поскольку, получив однажды разрешение, вовсе необязательно его возвращать. Так что в отношении англичан вопрос ясен. Немцы еще раньше сообщили, что их устраивают 60% от добычи никеля, в связи с чем нет необходимости что-либо обсуждать с ними. Так что правительство Финляндии может в одностороннем порядке разорвать соглашение о разрешении на добычу никеля с трестом, а затем, в качестве хозяина рудников, делать что захочет. Я ответил, что разорвать соглашение о разрешении не так просто, т.к. для этого по нашим законам необходимо согласие треста, причем без временной оговорки, о которой говорил Криппс, поскольку соглашение должно быть расторгнуто окончательно. Добавил также, что стоит поподробнее поговорить с немцами, чтобы впоследствии не возникло недоразумений. Вышинский не считал это необходимым и заявил, что Советский Союз ожидает действий со стороны правительства Финляндии для окончательного решения вопроса.

Таким образом, проблема никеля оказалась основательно запутанной. Вначале казалось, что Молотов поддерживает нашу точку зрения, в соответствии с которой для передачи разрешения необходимо согласие треста, которое он считал возможным получить. После беседы с Вышинским я, однако, начал сомневаться, что когда Молотов говорил «о юридической форме», то он имел в виду не согласие треста, а что-то другое. Позиция Советского Союза вскоре стала известна.

12 ноября я был вновь у Вышинского. Он, как всегда, был вежлив в обращении, но тверд в делах. Я сообщил, что мы запросили английское правительство, будет ли оно готово в письменной форме от своего имени и от имени треста дать согласие на окончательный переход разрешения на разработку месторождения без ограничения во времени, но ответ пока еще не поступил. Обратился к советской стороне с просьбой урегулировать вопрос с англичанами и немцами, после чего будем готовы начать переговоры о совместном предприятии. Вышинский ответил, что Советский Союз не будет начинать переговоры ни с англичанами, ни с немцами. Решение вопроса в пределах полномочий Финляндии, конечно, если мы этого захотим. Переговоры с англичанами – дело Финляндии, а не Советского Союза, так как речь идет о государственной территории

независимой Финляндии. Финны могут просто сообщить англичанам о разрыве соглашения для организации дела по-другому. Ответил, что наши законы не позволяют правительству разрывать такие разрешения, а также по мере своих сил попытался разъяснить североевропейское представление о праве и о вытекающих из него обязательствах. Мои разъяснения не произвели никакого впечатления на Вышинского, и он сказал: «Вы, конечно, найдете методы, если захотите. Законы – дело рук человека. Законы можно издавать в зависимости от потребностей. Если нет нужного закона, его можно подготовить, для этого нужна лишь воля». Он добавил, что если Финляндия не устроит это дело тем или иным образом, то это будет означать ее отказ, о котором он должен будет сообщить советскому правительству. В «частном» порядке Вышинский заметил, что Советский Союз мог оставить Петсамо себе и в 1920 и в 1940 году. Он просил дать ответ в ближайшее время, поскольку обсуждение этого дела затянулось.

В эти дни Молотов находился с известным визитом в Берлине⁵⁸. Вернувшись оттуда, он пригласил меня и сообщил, что обсуждал там проблему никеля в Петсамо. Германия отказывается от своих претензий на разрешение на работу в Печенге и не имеет ничего против передачи разрешения Советскому Союзу или совместному предприятию,-сказал он. Германия заинтересована только в получении никелевой руды. Англичане, в свою очередь, готовы на временную передачу разрешения, что, по его мнению, достаточно для урегулирования проблемы. Таким образом, финское правительство может немедленно приступить к принятию решений. Ответил, что по нашим законам временного согласия англичан недостаточно, а необходим безусловный отказ треста от имеющегося у него разрешения. Ранее мне казалось, что он, Молотов, согласен с нами о необходимости получения безусловного согласия треста. Молотов ответил, что это было недоразумение. «Вы постоянно говорили о согласии треста, но я придерживался иного мнения». Финляндия должна урегулировать этот вопрос тем или иным образом. Обратил также внимание на условие англичан о запрете поставок никеля Германии, на что Молотов ответил: «Продавайте весь никель Советскому Союзу, а мы решим этот вопрос». Было понятно, что Советский Союз будет поставлять Германии

⁵⁸ Визит В.М. Молотова в Берлин состоялся 12-13 ноября 1940 г.

причитающуюся ей долю. Молотов добавил, что мы долго испытывали его терпение, но теперь хватит, и грозным тоном потребовал, чтобы решение было найдено в первую очередь. Когда я заявил о согласии с ним, что необходимо быстрое решение, Молотов заметил, что я уже много раз давал один и тот же ответ, но дальше мы не продвинулись. Обещал дать ответ так быстро, как только смогу.

В ходе этих бесед окончательно определилась позиция Кремля. Там пришли к мнению, что своего согласия Англия давать не намерена, и, таким образом, это дело должны урегулировать мы, финны, «тем или иным образом», что в крайнем случае означало изменение законодательства. Принятие чрезвычайного закона об отъеме собственности у законного собственника, в данном случае у англичан, которые не нарушали соглашения, противоречило нашему пониманию права. Мы оказались в трудном положении. Ни одна из сторон, ни Германия, ни Англия, нас не поддерживала. Англичане считали, что они не могут ничего сделать в этой ситуации, и не хотели прибегать к более жесткому языку в Москве. Германия прямо сообщила в Москву, что она не будет возражать против передачи разрешения смешанному финско-советскому обществу, если договор между Германией и Финляндией о поставках никеля останется в силе в сегодняшнем виде. От этих германских заявлений помощи в наших переговорах с Кремлем не было. Напротив, Молотов подчеркивал, (явно исходя из того, что мы надеемся на поддержку Германии), что вопрос будет легко урегулирован между Советским Союзом и Германией.

Итак, мы оказались в одиночку между тремя большими, и так же в одиночку мы должны были принимать решение. «Положение наше сложное», – передавал я по телеграфу в Хельсинки, «но если кого-то из этой тройки приходится исключать, то это, к моему сожалению, Англия, которая от нас географически дальше, а политически менее важна. Речь идет о политическом решении, которого мы не можем избежать, ведь наша пассивность означала бы еще более важное решение. Англии надо объяснить, что это вынужденное действие». После беседы с Молотовым и обстоятельно обсудив ситуацию с моим помощником, советником-посланником Хюнниненом, я сообщил в Хельсинки в качестве своего мнения: «Учитывая неоднократно высказанные мне угрозы о возможных мерах, о чем я сообщал телеграфом, а также, поскольку в этом деле

Советский Союз зашел довольно далеко, подтверждая свои серьезные опасения о начале действий со стороны Советского Союза, если вопрос не получит положительного для него развития. Вместе с Хюнниненом предлагаем принять советское предложение».

В Хельсинки родилась идея, что поскольку вопрос с Англией не урегулирован, то для выигрыша времени предложить назначить уполномоченных для подготовки соглашения о создании смешанного финско-советского общества и о переходе разрешения на работы. По моему мнению, прежде чем вносить подобное предложение, было необходимо принять принципиальное решение по главному вопросу. Поскольку в ходе упомянутых переговоров может быть выработано соглашение, но все дело развалится, если Англия в конце концов не даст своего согласия. Так что стоял вопрос – было ли нам выгодно договариваться с советским правительством до решения вопроса с Англией, получив ее согласие, либо, в худшем случае, встать на путь изменения законодательства. Между МИД и мною продолжалась переписка по этому вопросу. Поначалу Хельсинки избегал занимать определенную позицию. Думали также над вариантом совместных переговоров Финляндии и Советского Союза с Англией. Советское правительство, однако, ранее неоднократно отказывалось от такой возможности. На мой взгляд, также не стоило и думать, что Англия даст согласие, поскольку Германии гарантировали 60% никеля из Петсамо на вечные времена, как было договорено между Финляндией и Германией. «Мы не можем предлагать переговоры о совместном обществе и передаче ему разрешения до тех пор, пока у нас не будет ясности относительно того, придется ли нам решать вопрос путем изменения законодательства, если Англия не даст своего согласия. Поскольку мы сочли возможным вопреки протестам Англии поставлять неопределенное время 60% добычи никеля Германии, находящейся в состоянии войны с Англией, то передача нам разрешения за достаточную компенсацию будет для нас не самым плохим делом», писал я в Хельсинки.

Из моего дневника 29.11.1940: «Задействованы интересы трех больших: Англии, Германии и Советского Союза. Правительство пытается добиться единогласия всех трех или, по крайней мере, не ущемлять никого из них. Цель, конечно, хорошая, но невозможная. Один из трех больших должен быть исключен, как я писал в

телеграмме. а) Если мы исключим Германию, то Англия даст свое согласие. Но этого мы сделать не можем, т.к. 24.07.1940 мы связали себе руки, да к тому же политически это нам невыгодно. б) Мы могли бы отстранить Советский Союз, и тогда все осталось бы без изменений. Но при этом мы идем на риск, что за этим последует. Так что и это мы, по моему мнению, сделать не можем. с) Поэтому должна быть исключена Англия тем или иным способом. Если мы заплатим тресту достаточную компенсацию, то и у англичан не должно быть особых возражений. Ведь трест пришел в Печенгу по коммерческим соображениям, за прибылью. После войны трест будет продавать никель как Германии, так и всем желающим, а на время войны мы взяли обязательства о поставках никеля ей, Германии. Англичане должны понимать, что мы оказались в патовой ситуации, и, конечно, после войны они это поймут. Так что у нас иного выхода нет».

Наконец я получил правительственную телеграмму: «Если в конце концов так и произойдет», то придется принимать решение вопреки мнению англичан. Это указывало на то, что окончательные последствия предстоящей реорганизации были просчитаны. Так что я явился в Кремль и сообщил Молотову, что вопрос для нас крайне деликатный и трудный. Для нас важно, продолжал я, устроить дело так, чтобы Англия не чувствовала себя оскорбленной хотя бы потому, что от нее зависело получение сертификата безопасности для судоходства в районе Петсамо. Наше правительство вновь обратилось к Англии с запросом ее согласия на передачу разрешения на работу в Петсамо совместному финско-советскому обществу, но ответ пока не поступал. Несмотря на это, для выигрыша времени наше правительство предложило создать совместный комитет для подготовки проекта договора о финско-советском обществе, а также по всем связанным с этим деталям, но обусловив это сохранением договоров между Финляндией и Германией. Правительство Финляндии приняло это условие, выдвинутое Германией. В любом случае предстояли сложные переговоры с англичанами о компенсации тресту и др., а также о многом другом в совместном комитете. Я обратил внимание на то, что никелевая компания сообщила соответствующему советскому органу о договоре компании с немцами, а также о его содержании. Я со своей стороны также дал Молотову эту информацию. Одновременно изложил

экономические факторы, побудившие к заключению договора с немцами. Нам были нужны немецкие машины, оборудование, техническое содействие и капитал для налаживания работы рудников. Также и наша торговля с Германией была больше, чем с другими странами.

Молотов сказал, что он не знаком с германскими соглашениями и спросил, можно ли на них взглянуть. Ответил, что у меня их нет, поскольку все делалось в Хельсинки. Тогда Молотов спросил, давала ли Англия согласие на соглашения с немцами и заметил, что, как говорил Криппс, никель нельзя вывозить в Германию. Я пытался объяснить все как мог, но не преуспел. Я говорил, что до сих пор полагал, что немцы сообщили Молотову о соглашениях. Он признал, что сообщили, но содержание соглашений ему неизвестно. Потом добавил: «С немцами вы заключили соглашения, но со мной тянете под всякими предлогами вот уже пять месяцев и серьезно испытываете наше терпение». Молотов затем спросил, можно ли теперь исходить из того, что финское правительство готово окончательно договориться об использовании рудников вместе с Советским Союзом. На это мне пришлось отвечать неопределенно, что, мол, мы все еще ждем ответа из Лондона. Далее Молотов спросил, что именно содержалось в договоре с трестом о разрешении, и выполняет ли трест свои обязательства. Ответил, что детали договора мне неизвестны. На это Молотов заявил, что трест не выполняет и не может выполнять свои обязательства, это абсолютно ясно, а значит, мы имеем полное право разорвать соглашение с ним и договариваться с немцами, но вот только мы не хотим разрывать и заключать соглашение с ним, Молотовым. Мы, по его словам, все ссылаемся на Англию, но с немцами заключили договор без всяких ссылок. Объяснил, что речь идет о разных вещах: сейчас мы говорим о праве собственности, а с немцами речь шла о поставках никеля. Но, судя по выражению его лица, Молотов не принял эту аргументацию. Он также не обратил внимания на мой аргумент относительно необходимости получения сертификата безопасности для мореплавания в районе Петсамо. Он лишь мрачно заметил: «Мы дали вам хорошую компенсацию – всю Печенгу, а вы все спорите с нами». Затем он добавил, что Финляндии следует урегулировать вопрос с англичанами. В ходе беседы он много раз повторял, что в Советском Союзе много таких, кто сожалеет по поводу передачи

Печенги Финляндии. «Так мы наши отношения не улучшим». – В заключение он сообщил о согласии на создание совместного комитета, хотя это ему явно было не очень приятно. Очевидно, он полагал, что это очередной предлог затянуть дело. Вскоре комитет провел первое заседание в Москве.

С финской стороны в комитет вошли директор банка, министр фон Фиандт и горный советник Грэнблум, с советской – первый заместитель комиссара внешней торговли Крутиков и заведующий отделом НКВД Куровцев. Наблюдателем на заседаниях с нашей стороны был советник-посланник Хюнинен.

Заседания комитета начались 19 декабря 1940 года. Финские представители были во власти оптимистических иллюзий. Они подготовили предложение, в соответствии с которым для контроля за использованием месторождения никеля в Печенге и для изъятия разрешения на работы в регионе у компании Монд, а также для продажи продукции комбината в соответствии с законодательством Финляндии создается акционерное общество. Большинство акций принадлежит Финляндии, думали даже о трех четвертях. Правление состояло бы из председателя и четырех членов, при этом председателя и двух членов избирала бы финская сторона и двух – советская. Кроме того, Советский Союз имел право назначить своего представителя с правом посещения комбината с целью контроля. Предполагалось, что акционерное общество А.О. Петсамон Никкели (Petsamon Nikkeli OY), находящееся в собственности англичан, будет вести разработку карьера и обогащение руды при условии, что вся продукция будет продаваться смешанному финско-советскому обществу. Это общество брало бы себе все соглашения о разрешениях на работы у Петсамон Никкели и отвечало бы за их выполнение. Условием перехода разрешения к совместному обществу было согласие компании Монд, которой совместное общество выплатило бы требуемую компенсацию. Таким образом, разрешение было бы в руках финско-советского «крышевого» общества, в котором у Финляндии было бы большинство голосов. Оно занималось бы сбытом продукции, но добычу никеля по-прежнему вела бы финская компания, находящаяся в английской собственности, а 60% продукции в течение неограниченного времени продавалось бы немцам.

Если бы у Кремля были исключительно экономические соображения, т. е. получение никеля, то подобное соглашение могло бы его удовлетворить. Но, учитывая неоднократно высказанную Советским Союзом позицию, было ясно, что подобное предложение Кремль не устроит. Русские требовали, чтобы все права, в том числе на разработку карьеров и на обогащение руды, были переданы совместному обществу. Они также сообщили, что Советский Союз не будет участвовать в переговорах о получении согласия треста на реорганизацию, поскольку это, мол, дело Финляндии. Правда, это нам сообщалось неоднократно и ранее. Русские считали, что финское государство имеет полное право просто изъять выданное ранее разрешение. Они были за создание финско-русского акционерного общества, которому перешло бы разрешение и продукция комбината. Акционерный капитал следовало распределить так, чтобы у Советского Союза был 51%, а у Финляндии - 49%. В правлении места бы распределились поровну, а председателя поочередно выбирала каждая сторона. Исполнительным директором и начальником рудника должны были быть русские, поскольку вся исполнительная власть должна была быть в руках Советского Союза. Финские представители посчитали, что они не могут обсуждать это предложение. Переговоры отложили, и финская делегация вернулась в Хельсинки.

Из моего дневника 22.12.1940: «Обсуждали проблему никеля у себя в посольстве, при этом Грэнблум спросил, уверен ли я, что русские захватят Петсамо, если мы не договоримся. Я ответил, что внешняя политика - трудное дело именно потому, что в ней никогда ничего нельзя сказать наверняка. Заниматься обычным магазином по сравнению с ней - простое дело. Теперь мы должны учитывать возможность, что Советский Союз предпримет против нас какие-то действия, если соглашения не будет. Какими будут эти действия, сказать трудно, почти невозможно. Но мы не можем из-за такого, сравнительно небольшого дела как никель, рисковать возможностью конфликта. Добавил, что уверен: когда русские подключатся к делам с никелем, то они не перестанут скандалить, как это происходит с советским посланником в Хельсинки, советскими консулами в Петсамо и Мариехамне, да и с другими русскими в Финляндии».

В Хельсинки специальная комиссия занялась вопросами, обозначившимися на переговорах в Москве. Комиссия пришла

к выводу, что финское государство не имеет полномочий вмешиваться в дела А.О. Петсамон Никкели, поскольку все вопросы урегулированы соглашением о выдаче разрешения на работу 1934 года. Финское государство с учетом действующих законов не может заставить владельца разрешения отказаться от своих прав. Государство может только на основе закона о военном положении и с учетом соглашения о разрешении издавать указания по временному регулированию использования месторождения. Попробовали также провести переговоры с компанией Монд, и для этого направили в Лондон д-ра юридических наук Хенрика Рамсяя.

Советская сторона много раз пыталась ускорить возобновление переговоров. В середине января Вышинский пригласил меня и потребовал ответа, «поскольку наше терпение истекло». Он вновь заявил, что если мы не найдем согласия по-доброму, то у них есть средства решить вопрос. Ответил, вопрос изучается, а также что правительство направило в Лондон д-ра Рамсяя. Вышинский спросил, так что, теперь решение зависит от согласия англичан. Если дело обстоит подобным образом, то финскому правительству следовало разобраться с Англией до начала переговоров в Москве, которые окажутся пустыми, если Англия не пойдет на договоренность. Вопрос Вышинского был разумным. Но вместо ответа я сказал, что у нас было готовое предложение. Если бы Советский Союз его принял, то вопрос был бы уже решен. Вышинский заявил, что наше предложение было невозможно принять, поскольку в соответствии с ним производство никеля было бы вне компетенции совместного общества, которое занималось бы лишь продажей готовой продукции. Он потребовал полной ясности в самое короткое время. В Советском Союзе считают, сказал он, что правительство Финляндии не хочет урегулировать вопрос, и затягивает его решение под самыми различными предлогами. На это я заявил, что никаких затяжек не было. Добавил, что месяц назад я передал ему предложения по ряду других, нейтральных дел, и до сих пор не получил ответа. Вышинский утверждал, что это разные вещи. Как только вопрос с никелем решится, то другие дела пойдут быстрее; если же по никелю не будет согласия, то и другие дела останутся. Он вновь сказал, что в Советском Союзе этот вопрос считают крайне важным. В телеграмме в Хельсинки я предложил вскоре возобновить переговоры и срочно сообщить русским о нашей

готовности. Мы должны были сказать «да» или «нет». Если великое государство Германия, заинтересованное в этом деле, не хотело или не могло оказать нам достаточное содействие, то нам, в случае отрицательного ответа, придется нести на себе все последствия, о характере которых заранее судить было трудно. «Думаю, что Советский Союз не оставит это дело. Это свое мнение я уже неоднократно высказывал», писал я министру.

Через неделю Вышинский вновь пригласил меня к себе. Он выступал очень резко и даже рассерженно. Правительство Финляндии все время затягивало это дело под различными предложениями, говорил он. Советский Союз не хочет больше затяжек. Мои ответы, переданные ему ранее, неудовлетворительны. Я сказал, что, как сообщал ранее, мы предприняли попытку переговоров с трестом, но она не удалась. В ходе московских переговоров мы констатировали, что англичане имеют право на компенсацию, о которой также следует договориться с ними. До продолжения переговоров хотели получить мнение специальной комиссии, созданной в Хельсинки, а также сообщение д-ра Рамся из Англии. Переговоры можно продолжить в Хельсинки после возвращения д-ра Рамся. Когда я закончил, Вышинский резко сказал, что он не хочет слушать подобные объяснения. Они «неуместны». Советское правительство не согласно на затяжку вопроса. «Может быть вы пошлете д-ра Рамся вокруг света до Америки». Он хотел получить окончательный ответ на следующий день. – «Этого я не смогу». – «Ну тогда послезавтра». Если этого не произойдет, то советскому правительству будет сообщено об отказе Финляндии. Он добавил, что у правительства Финляндии есть право разорвать соглашение о выдаче разрешения, если бы было желание. На мои слова «Постарайтесь понять нас» последовал ответ: «Учтите, что мы отдали вам Печенгу». Никакие мои разъяснения не помогли. «Самое малое, что мы можем сделать: послезавтра вы должны сообщить о готовности к переговорам либо здесь, либо в Хельсинки», писал я в телеграмме в правительство.

В эти дни мы неоднократно обсуждали с Вышинским тему продолжения переговоров. В одной из бесед он высказал удивление, что из-за столь малого дела мы послали д-ра Рамся в Лондон. Ответил, что русские должны понять, что мы хотим урегулировать вопрос по-дружески также и с англичанами. Вышинский сказал, что

он это понимает, но выразил сомнение в отношении согласия англичан. Благожелательное отношение со стороны Англии не так важно для Финляндии, как со стороны Советского Союза. Он вновь высказал мнение, что Финляндия на основе закона 1939 года о военных условиях имеет право разорвать соглашение независимо от согласия англичан. Ответил, что этот закон распространялся только на военное время. Вышинский: «Все, что делается на основе закона военного времени, остается в силе и после войны». Заметил, что все, что делается на основе военного закона, не выдерживает послевоенного времени». Вышинский подчеркнул, что государство может делать, что ему необходимо и, если потребуется, издавать новые законы.

- Я: Провести такой закон в Финляндии не так просто, как Вы думаете, для этого необходимо квалифицированное большинство в парламенте.

- Вышинский: Смогли же вы и президентские выборы провести очень быстро.

- Я: Бывший президент был болен и умер в тот же день, когда избрали нового. Поэтому было необходимо избирать нового президента. Выборы проводили прежние выборщики⁵⁹.

- Вышинский: Государство может и должно решить такой вопрос, как о никеле. Он поинтересовался, что думает правительство по существу дела. Я ответил, что вопрос сейчас обсуждается в совместном комитете.

- Вышинский: Должна быть основа, от которой можно будет отталкиваться при обсуждении, иначе ничего не выйдет.

- Я: Мы, финны, хотим решить этот вопрос к удовлетворению обеих сторон, но, как и он, Вышинский, наверняка хорошо понимает, вопросы, в отношении которых существуют различные мнения, можно урегулировать только с помощью взаимных уступок.

Похоже, что Вышинский с этим согласился, но ничего не сказал.

Заседания совместного комитета продолжались в Москве с 29 января 1941 года в течение двух недель. Финские представители в

⁵⁹ В соответствии с тогдашней Конституцией Финляндии избиратели сначала выбирали коллегию выборщиков, которые затем избирали президента.

первые дни подтвердили свое первоначальное предложение о создании компании с разрешением на разработки, но вскоре от него отказались. Новое финское предложение: правительство Финляндии не позднее чем в течение месяца на основе собственного решения и закона о военном положении временно берет никелевый рудник, всю связанную с ним собственность, а также соглашение о выдаче разрешения на работы и передает все это совместному финляндско-советскому обществу. Правительство предпринимает меры для окончательного получения собственности либо с согласия компании Монд, либо с помощью законодательства. Финское государство берет на себя ответственность за выплату компенсации компании Монд. Акционерный капитал компании составляет 700 млн марок (14 млн долларов). Советский Союз выплатит свою долю наличными. Финское государство внесет свою долю собственностью рудника. Советский Союз выплатит финскому государству компенсацию за то, что получает часть собственности рудника и будет принимать участие в разработке никеля. Из акций компании финское государство получает по крайней мере 51%, Советский Союз – 49%. В правление компании входят шесть членов, из которых председателя и трех членов выбирают финские владельцы акций и двух – советские. Правление компании избирает исполнительного директора, который должен быть гражданином Финляндии. Из четырех аудиторов русские выбирают двоих. Исполнительный директор принимает на работу технического директора, инженеров, а также бригадиров, которые должны быть гражданами Финляндии. Советские владельцы акций назначают в компанию двух русских инженеров, которые работают под финским руководством. Рабочие и весь остальной персонал – граждане Финляндии. Электростанция на реке Паатсийоки не входит в соглашение, а принадлежит отдельному финскому акционерному обществу, которое предоставляет электричество компании по производству никеля. Новое совместное общество принимает на себя ответственность за все долги А.О. Петсамон Никкели немецкому И.Г.Фарбениндурии, а также по всем соглашениям о поставке никеля и иной продукции. Если изъятие собственности рудника у тогдашнего владельца приведет к отказу Англии от выдачи сертификата безопасности на товарные поставки в Финляндию, то Советский Союз обязуется поставлять в Финляндию такие же товары.

Русские не приняли это наше, идущее довольно далеко предложение. Их встречное предложение: акции поровну, равное число членов правления, исполнительный директор назначается советской стороной и пятая часть инженеров, мастеров и другого персонала – советские граждане. Кроме того, они потребовали, чтобы электростанция на реке Паатсиоки также принадлежала новому совместному обществу. Новое общество не должно быть связано долгами немцам, думаю для того, чтобы исключить германское влияние.

Совместный комитет много заседал, но не пришел к единому мнению. Финны согласились с разделом акций на две равные доли, по их мнению и места в правлении можно поделить поровну, однако так, чтобы председателем был финн. Российские переговорщики не сдавались. Совместный комитет констатировал, что согласия добиться не удалось.

Обсуждение вопроса вновь перешло на дипломатический уровень. Несмотря на переговоры в совместной комиссии, ситуация не улучшилась. Правительство в Хельсинки и наша делегация на переговорах жили поначалу в плену иллюзий. По-прежнему преобладало впечатление, сложившееся после Зимней войны, что наша героическая борьба породило в русских уважение к нам, которое проявится в переговорах. Русские блефовали, полагали у нас, твердая позиция заставит их уступить. Я не верил в это. За все время своего пребывания в Москве я так и не заметил этого уважения, «респекта», а в обсуждении конкретных вопросов не было ни малейшего признака этого. Осенью 1939 года в Хельсинки было довольно широко распространено мнение, что русские блефуют, и наша твердая позиция даст свои результаты. Жизнь показывала иное. Это была наша серьезная ошибка. Наши представители в совместном комитете также скоро пришли к иному мнению и заметили, что приходится шаг за шагом отступать. Поначалу они полагали, что задачи совместного финско-советского общества сведутся к формальному распоряжению разрешениями на работы в Петсамо и сбыту продукции, а управление комбинатом будет вестись по-прежнему. Вскоре, однако, признали необходимым согласиться на требование русских передать весь комбинат совместному обществу и с этой целью забрать у англичан разрешение на работу и другие права, а также собственность с помощью законодательных методов,

если они не согласятся добром – пугающая и чуждая нам мера. Сначала полагали оставить у нас значительное большинство акций: первое указание правительства переговорщикам было 75% акций нам и 25% – русским. Постепенно согласились на 50% каждой стороне. Только в вопросе руководства комбинатом не считали возможным уступить, это было бы крайне сложно для нас. «Хорошо, что на переговоры по никелю приехали другие люди, Если бы я один вел их, то меня обвинили бы в сдаче позиций. Пусть теперь посмотрят, чего здесь можно добиться», – записал я в своем дневнике 4.02.1941.

Вопрос о никеле был опасным для нас потому, что для Советского Союза он был политическим, как я писал раньше, и лишь во вторую очередь экономическим и в этом плане менее важным. Слова Молотова о том, что предоставление разрешения на работы в Петсамо англичанам противоречило интересам Советского Союза, скрытые угрозы его и Вышинского, а также заявления о том, что в Советском Союзе многие, в первую очередь военные, не одобряли передачу Петсамо Финляндии, свидетельствовало о важности этого дела для СССР. Стремясь занять руководящее положение в никелевом комбинате, Советский Союз хотел устранить вторую великую державу и прежде всего обеспечить себе доминирование в «предполье» Мурманска, вблизи которого как раз в это время оказались германские войска в Норвегии. Русские продемонстрировали, в силу своей подозрительности, как они преувеличивают военно-политическое значение разрешения на работы в Петсамо. Соглашение по этим вопросам, заключенное с англичанами в 1934 году, подобного значения не имело. Считал ли Кремль, что требуемая им реорганизация помешает сближению Финляндии с Германией, трудно сказать. Вполне возможно.

Размышляя надо всем этим и пытаясь найти компромиссные предложения, что было необходимо на переговорах с русскими, я подумал как о худшем варианте об обмене территории с месторождением никеля на другую территорию. Подбросил эту идею в беседе с финскими членами совместной комиссии. В телеграмме в Хельсинки наши переговорщики подчеркивали нежелательность отступления в вопросах руководства будущей компанией и добавили, что «предпочтительней было бы подумать о полной передаче района месторождения никеля за территориальную

компенсацию». Продолжая размышлять, я подумал как о возможной альтернативе о передаче разрешения на работы в Петсамо Советскому Союзу, о чем с самого начала говорил Молотов, что выглядело по крайней мере не хуже, чем передача СССР всего района с никелем. Передал эту мысль в Хельсинки.

Вышинский пригласил меня к себе на следующий день после провала переговоров в совместном комитете. Я, конечно, догадывался, что речь пойдет о никеле. Ситуация была непростая. Мы были опять один на один с Советским Союзом. Мы знали, что Германия, имеющая свой интерес в этом вопросе, внимательно наблюдает за нашими переговорами и надеется на упорное сопротивление с нашей стороны, но никакой поддержки нам в Москве не оказывала. Германия следила за тем, чтобы сохранить свое право в соответствии с имеющимся договором на получение никеля, и советское правительство было согласно на это. В то время, в феврале 1941 года, Германия, исходя из общих политических соображений, пока еще не была намерена ухудшать свои отношения с Советским Союзом, а проблема никеля была бы слишком малым поводом для этого. Наши переговорщики уступили по всем позициям, по которым это было возможно: об ущемлении прав англичан законодательным путем, о создании совместной компании по разработке никеля, обещали запросить указания из Хельсинки относительно подключения электростанции на реке Паатсйоки к никелевому комбинату, а также о равном разделе акций и мест в правлении. Они не приняли российские предложения по вопросам управления комбинатом, а также о том, чтобы пятая часть персонала назначалась российской стороной.

Я стремился найти компромиссы на переговорах. Это было нелегко, поскольку пространства для уступок было совсем немного. Финские участники переговоров уже говорили о проблемах, связанных с принадлежностью электростанции, о разделе акций и мест в правлении. В вопросах руководства комбинатом идти на советские предложения мы не могли. Советское требование о назначении пятой части персонала оставалось открытым. С финской стороны обещали право на назначение двух советских представителей. Так что это был единственный пункт, по которому можно было выдвигать компромиссное предложение. Сколько человек включала бы эта «пятая часть», не знал никто. В Москве, еще

до поступления более-менее точных цифр из Хельсинки, мы сделали свои подсчеты, в соответствии с которыми речь могла идти о сравнительно небольшом количестве: в общей сложности двадцать – тридцать человек, т.е. пятая часть составляла бы 5–6 человек. Позднее, по информации из Хельсинки, персонал компании в Хельсинки был бы 19 и в Колосйоки⁶⁰ 72, т.е. в общей сложности 91 человек, пятая часть которого составила бы 18–19 человек. Это было больше, чем мы насчитали, но и эта цифра не пугала. Этот вопрос, хотя и не очень приятный для нас, все же был, на мой взгляд, менее опасным, если бы по другим пунктам, прежде всего по составу руководства и исполнительному директору удалось прийти к согласию.

Вышинский поначалу сожалел, что совместный комитет не выработал единой позиции. Я присоединился к его мнению. Сказал, что в этом вопросе у меня было не больше полномочий, чем у других участников заседания. Добавил, что мы пошли на большие уступки: отказались от собственной компании с разрешением на работы и пошли на создание совместной компании, хотя согласия англичан на урегулирование ситуации путем заключения соглашения мы все еще не получили. Это решение было для нас исключительно тяжелым, т.к. оно не соответствует ни нашему, ни североевропейскому пониманию права. Но с советской стороны уступок не было. Вышинский сказал, что он всегда говорил о том, что англичане не пойдут на подобное урегулирование и поэтому предлагал решить вопрос законодательным путем. Советские требования с самого начала были весьма умеренными. Я вновь сказал, что у меня никаких полномочий в этом вопросе не было. Вышинский предложил нам поговорить доверительно для поиска решений. Я ответил, что мои доверительные соображения следует воспринимать только как условные. Затем мы прошли по всем открытым вопросам, что заняло более часа. Вышинский неоднократно повторял, что у них нет никаких задних мыслей, а есть только экономические соображения.

– «У нас нет никаких агрессивных намерений, как вы, возможно, думаете», заверял он. – «Советский Союз хочет установить хорошие отношения с Финляндией. Историческое развитие привело к войне, но это было и прошло, теперь это следует забыть». Русские хотят

⁶⁰ Ныне г. Никель.

паритета с финнами, хотят наладить эффективное производство, поскольку намерены вложить в комбинат крупные средства.

Отметив еще раз, что у меня полномочий не больше, чем у наших участников переговоров, я сказал, что могу предложить нашему правительству компромисс в отношении времени урегулирования законодательным путем, которое он считал слишком долгим. Есть техническая возможность провести все в более короткое время. Относительно нашей готовности к равному разделу акций и к присоединению электростанции к комбинату Вышинский уже слышал от финских участников переговоров, на что я добавил, что это были большие уступки с нашей стороны, и они могут составить основу серьезного посреднического предложения. Вышинский продолжал настаивать на равном количестве членов правления в компании. Обосновывая эту точку зрения, он заявил, что Советский Союз – великая держава, а Финляндия – небольшое государство, и престиж Советского Союза требует равноправия. Заметил, что такие большие государства как, например, Англия, рассматривают подобные вещи по-другому, но это на Вышинского не подействовало. Сказал, что для достижения договоренности могу предложить своему правительству равное распределение мест в правлении и право русских на назначение пятой части персонала, но это должно быть оговорено в отдельном соглашении. Но Вышинский, в свою очередь, должен будет предложить своему правительству дать согласие на назначение финна исполнительным директором.

Вышинский ответил, что его правительство уже «решило», что исполнительным директором будет советский представитель, и оно будет настаивать, чтобы «был некий баланс в руководстве». По этому поводу состоялся продолжительный разговор. На стороне Финляндии были все преимущества, говорил Вышинский, территория, машинный парк, государственная власть и т. д. Советский Союз – великая держава, и она не хочет быть лишь инвестором, «представитель которой будет присутствовать только на праздничных мероприятиях», он должен участвовать в организации производства. Англичанам финны отдали все акции компании Петсамон Никкели и предоставили в их распоряжение весь комбинат. Я ответил: англичане действовали через финскую

компанию, в правлении которой были два финна и лишь один англичанин, и все дела шли через финнов.

- Вышинский на это: Это англичане умеют, собирать плоды чужими руками.

Пост директора-распорядителя, от которого зависел весь проект, был важнейшим пунктом в переговорах. Я настаивал на своем и подчеркивал, что компромисс возможен лишь при условии, что директором-распорядителем будет финн.

– Полушутливо я заметил: Место исполнительного директора слишком малая проблема, чтобы начинать против нас войну.

– Вышинский: Между нами уже идет торговая война.

В заключение беседы, проходившей в дружественном духе, я сказал, что сообщу своему правительству о поставленных вопросах и по получении передам его ответ.

Когда Вышинский заверял, что у Советского Союза нет агрессивных намерений в отношении Финляндии, то я считаю, что это так и есть, если речь идет о никелевых рудниках в Петсамо. Но его утверждение, что у СССР имеются только экономические интересы в этом регионе, не соответствует действительности. Несомненно, как я говорил раньше, у Советского Союза имеются политические расчеты. Если бы речь шла только об экономике, то Кремль не выступал бы столь упорно и настойчиво против наших предложений. Вопрос зашел так далеко, что уже затрагивал авторитет великой державы. А это было уже серьезно для нас.

Докладывая об этой беседе в Хельсинки, я от своего мнения предложил следующий компромисс по открытым вопросам: акции делятся поровну, относительно электростанции, равного количества членов правления и чередования председателя принимаются советские предложения, а время принятия закона сокращается. «Можно было бы также согласиться с их требованием на пятую часть инженеров, мастеров и персонала, поскольку речь идет о большом количестве работников, и нам надо будет все организовать так, чтобы четверо финнов могли отстаивать свою позицию против одного русского. Для этого стоит подготовить отдельное соглашение, на что указывал Вышинский. Несмотря на твердую позицию Вышинского

относительно исполнительного директора, не считаю невозможным, что они уступят. [...] Если удастся добиться соглашения на этой основе, то буду считать его наилучшим возможным на сегодняшний день», писал я в Хельсинки. В другой телеграмме: «Общая точка зрения: если Германия нам не поможет, то нам придется идти на уступки в проблеме никеля, которая, как я писал раньше, не является для нас вопросом жизни».

Вполне возможно, что русские уступили бы, и на основе моего предложения мы бы пришли к согласию. На это указывает тот факт, что русский председатель совместного комитета, который еще раньше заявил, что работа комитета останавливается, 15 февраля неожиданно объявил о заседании, где предложил решить все вопросы, кроме председателя, на той основе, которую я в беседе с Вышинским обещал предложить своему правительству. К этому моменту я еще не успел дать ответ Вышинскому, поскольку не получил инструкций от правительства.

Правительство, однако, не одобрило мои посреднические предложения. Позднее я узнал, что в Хельсинки, в том числе в германских кругах, сочли, что в беседе с Вышинским я проявил излишнюю уступчивость.

Вместо точного ответа, которого требовал Вышинский, правительство поручало мне продолжать выяснение общих вопросов, о которых у нас как в прошлой беседе, так и неоднократно ранее шел разговор. Я заметил, что все дело разваливается. Пошел к Вышинскому. В беседе, которая была самой печальной за все время моего пребывания в Москве, я сказал, что мне поручено сообщить, что правительство считает естественным, если руководство совместным обществом и всем предприятием будет у нас. О деталях организации общества и всего предприятия было бы целесообразно вести переговоры в совместном комитете. Услышав мое сообщение, Вышинский принял грозный вид. Он констатировал, что мой ответ – негативный. Советский Союз – большая держава, и она заинтересована в никеле в Петсамо. Он не будет повторять того, что говорил раньше. Советские предложения – безусловные, и русские от них не отказывались. Он сообщит о моем ответе своему правительству, и оснований для работы совместного комитета больше нет. Так что больше ничего сделать нельзя. Пусть дело идет

само по себе со всеми последствиями. Цель ответа финского правительства – затянуть вопрос. Я попытался опровергнуть его слова, сославшись на то, что совместный комитет может обсуждать все вопросы. Вышинский ответил, что он поставил ряд конкретных вопросов, но я не дал на них ответа, а сообщил, что они будут обсуждаться в совместном комитете. Этот комитет технический по своему характеру, а вопросы, по которым существуют разногласия, политические, и их следует решать по дипломатическим каналам, тем более что в комитете по ним не было согласия. Советское правительство по моему предложению подняло эти дипломатически-политические вопросы. Теперь, когда на них не поступило ясного ответа, он, Вышинский, считает это оскорблением и выражает протест. Мои разъяснения ничего не дали. Вышинский грубо закончил беседу, он был более сердит, чем когда-либо ранее.

На позицию нашего правительства повлияли представители другой великой державы, заинтересованной в нашем деле, Германии. Им, похоже, удалось создать у нашего внешнеполитического руководства представление, что Советский Союз отступил и поэтому нам ничего не грозит. По моему мнению, это была ошибочная точка зрения. Немцы также полагали, что русские «блефуют». «Германия призывает нас быть твердыми, но никакой помощи на случай конфликта не предлагает», писал я одному участвующему в этом деле лицу. «Для нас проблема никеля не столь уж важна. Мы пошли на опасность конфликта только из-за Германии, так же как и сообщили о готовности на силовые действия против Англии из-за русских. Все великие державы одинаковы, равно эгоистичны, а мы, малые, где-то между ними. Мы, малые государства, единственные в этом мире “*anständiga nationer*”»⁶¹. Добавлю, что, «разумно размышляя, в нынешних условиях военного положения и соотношения сил в большой политике сколь-нибудь более жесткой позиции со стороны Германии в отношении Советского Союза не следует ожидать».

Как было сказано, Москва не стала нас поддерживать в направлении третьей великой державы, заинтересованной в этом деле, Англии. Последняя хотела улучшения отношений с Советским Союзом и избегала всяких действий против него. Она также хотела

⁶¹ Приличные государства – швед.

лишить Германию никеля и надеялась, что подключение Советского Союза к проблеме Петсамо поможет в этом. В то же время компания Монд сообщила правительству, что она точно выполняет все взятые по соглашениям обязательства, и если Монд будет наказана путем изъятия у нее прав, вытекающих из имеющегося разрешения на работы, то она выступит с протестом, поскольку это будет явным нарушением положений разрешения, а также будет противоречить духу соглашения и принципам права, особенно если учесть те значительные средства, которые Монд инвестировала в Печенге и выгоду от которых теперь намерена получать Германия. В этом случае Монд обратит свои требования к правительству Финляндии для получения возможной компенсации. «До сих пор мы неизменно полагались на добрую волю правительства Финляндии, которое ранее всегда занимало твердую позицию», говорилось в протесте Монд.

Переговоры оказались на мели. Мы не думали, что русские так оставят это дело. Мы зашли слишком далеко, к тому же для Кремля это был вопрос престижа.

Между тем с германской стороны в Москве последовало заявление, которое, правда, не содержало ничего, кроме надежды на то, что права Германии по заключенным с Финляндией соглашениям по поставкам никеля будут соблюдаться. В заявлении было три пункта: 1) расчеты по поставкам в Германию рудничной продукции будут осуществляться на основе клиринга между Финляндией и Германией; 2) Германии должно быть обеспечено неограниченное временем право на получение 60% рудничной продукции на основе соглашений между Финляндией и Германией; 3) необходимо обеспечить сохранение в силе финляндско-германских соглашений и соблюдение их на прежних условиях владельцем разрешения на работы. Германское заявление не означало оказания нам поддержки. В конце февраля советское правительство направило Германии ответ, некоторые пункты которого, по мнению Германии, не давали полной ясности, но тем не менее главная мысль сводилась к тому, что советское правительство готово провести преобразования в Печенге так, чтобы права Германии по заключенным с Финляндией соглашениям оставались в силе.

В начале марта 1941 года Молотов пригласил меня в Кремль. Прежде всего он передал мне копии приведенного выше заявления Германии и ответа на него советского правительства, «чтобы у вас было ясное представление об отношении Германии к нашему вопросу и чтобы вам не пришлось опираться на слухи». Одновременно он подчеркнул, что Советский Союз будет соблюдать заключенные с Германией соглашения о поставках. Он высказал сожаление, что Финляндия и Советский Союз так до сих пор и не вышли на решение проблемы никеля.

- Я: Вы прервали переговоры в совместном комитете. Председатель нашей делегации до сих пор в Москве.

- Молотов: Переговоры в совместном комитете прерваны, т.к. наши правительства должны решить некоторые вопросы, которые являются предпосылкой для его дальнейшей работы: исполнительный директор, раздел акций, члены правления и пятая часть персонала.

- Я: У меня не было иных указаний кроме тех, которые я изложил Вышинскому, а именно – руководство компанией должно быть у нас, а остальные вопросы будут обсуждаться в совместном комитете. Мы сделали большие уступки, которые я перечислил. Теперь пришла очередь Советского Союза делать уступки.

- Молотов: Советский Союз сделал самую большую уступку, когда он два раза, в 1920 и 1940 годах проявил доброту и отдал Печенгу Финляндии.

Это он повторил пару раз. «Как Вы хорошо знаете, Советский Союз не обязан был делать это. В 1940 году Печенга была оккупирована советскими войсками, но мы передали ее Финляндии, поскольку не хотели брать у Финляндии больше, чем было абсолютно необходимо. Финское правительство должно помнить, что это мы отдали ему Печенгу». Молотов выразил удивление, что финское правительство не соглашается урегулировать этот вопрос, а вот уже много месяцев затягивает его. Советский Союз потребовал пост исполнительного директора.

- Я: Почему вы требуете место исполнительного директора?.

- Молотов: Хотим быть уверены в надежной работе комбината, к тому же у нас есть опытные специалисты.

- Я: «Мы тоже хотим эффективной работы комбината, и у нас тоже достаточно опытных профессионалов. Поскольку комбинат находится на территории Финляндии, то совершенно естественно, если руководство в нем будет финским.

Последовал пространный разговор, в котором, в частности, затронули вопрос о председателе правления, которого русские предлагали избирать поочередно на два года. — Молотов: «О председателе правления и о других делах можно говорить, но не об исполнительном директоре», - русские требовали это место себе. «Англичанам вы отдали всю концессию, а Советский Союз хочет лишь совместное общество. У англичан гораздо большие права, чем вы сейчас предлагаете Советскому Союзу». Молотов в срочном порядке хотел получить окончательный ответ правительства Финляндии и добавил: «Прошу Вас, как знающего условия в нашей стране, повлиять на то, чтобы вопрос был урегулирован». Обещал сообщить о нашем разговоре правительству и вернуться к обсуждаемой теме. Молотов вел разговор вежливо, но твердо.

В информации об этой беседе в Хельсинки я подчеркнул ранее высказанное мною мнение, что если Германия в силу собственной заинтересованности не будет оказывать нам достаточную поддержку, то нам придется искать компромисс, поскольку дальнейшее промедление может быть сопряжено со слишком серьезным риском. Вопрос стал для Советского Союза делом чести и престижа. Выход уже на девятый месяц серьезно раздражал Советский Союз и стал негативно влиять на наши отношения.

По просьбе правительства в марте выехал в Хельсинки. В феврале встретился с новым советским посланником в Хельсинки Орловым. На вопрос, как обстоит дело с никелем, он ответил, так же, как и на момент моего выезда из Москвы. Так что в этом деле ничего не предпринимали, ждали моего возвращения с ответом финского правительства на советские предложения.

Ответ, составленный после долгих дискуссий в Хельсинки, передал Вышинскому в мое отсутствие поверенный в делах Хюннинен. Ответ не содержал больших уступок, чем было сделано

раньше. В правительстве верили, что Советский Союз сам уступит, поскольку знали, что Германия хотела бы, чтобы мы оставались на своих позициях. В Хельсинки утвердилось мнение, что если мы в этом деле отступим, то Советский Союз будет выдвигать все новые требования, как это якобы было после московского мира. На это я заявил, что дело обстоит не так. Два важнейших вопроса – Аландские острова и никель из Петсамо – Молотов поднял вскоре заключения мира, в июне 1940 года. Вскоре после мира известным образом встал и вопрос об оборонительном союзе между Финляндией и Швецией. Вопросы, вытекающие из Мирного договора – возвращение машинного оборудования, проблема Энсо и др., к числу которых, по мнению русских, относилось и строительство в Валлинкоски – встали в свое время в контексте выполнения Мирного договора и, по мнению русских, были вовсе не новыми вопросами. Тема транзита в Ханко возникла в начале июля 1940 года в связи с переговорами, начавшимися по нашей инициативе о возобновлении железнодорожного сообщения. Президентские выборы обсуждались в связи с их проведением. Позднее Кремль никаких важных дел не поднимал.

Ответ нашего правительства начинался с напоминания о нашем первом предложении об урегулировании ситуации путем заключения торгового соглашения, которое было бы исключительно позитивно встречено в Финляндии и со своей стороны проложило бы путь к еще большему взаимопониманию между обеими странами. Правительство, однако, было готово продолжать переговоры в совместном комитете на ранее заявленных условиях, а именно, чтобы исполнительный директор, техническое, местное и иное руководство, а также председатель правления были финнами. Советский Союз при этом имел бы своих представителей в правлении, равное с Финляндией число аудиторов, ему бы также были зарезервированы два заранее согласуемых места. Заслушав советника-посланника Хюнинена, Вышинский заявил, что дело, таким образом, находится в той же точке, что и три месяца тому назад, в связи с чем он считает возможным сразу сообщить, что советское правительство не может принять ответ Финляндии. Переговоры на этой основе продолжаться не могут.

Этого следовало ожидать. На этом все дело с никелем и остановилось. Я считаю очевидным, что Советский Союз не оставил

бы этот вопрос, если бы в следующем июне 22 числа не началась война между Германией и Советским Союзом, в которую оказалась вовлеченной и Финляндия.

Читатель, которому хватило сил одолеть мой долгий рассказ, наверняка считает его слишком подробным, особенно с учетом того, что ни к какому результату прийти не удалось. В свою защиту скажу, что вопрос, который в силу его многогранности вряд ли можно изложить короче, показывает, какие трудности были у нас после Московского мира. Все это дело порождает и другие мысли. Оно показывает, в каком сложном положении может оказаться малое государство без всякой на то собственной вины, когда над ним скрещиваются интересы великих держав.

Ценные природные ресурсы на территории малого государства даже во время мира могут причинить ему трудности. Большие хотят их. Когда материальная сила стоит выше закона и правопорядка, как у нас сейчас, малому государству из-за его природных запасов могут грозить опасности вплоть до утраты независимости, как показывает история. – Проблема никеля в Петсамо в 1940 году имела как экономическую, так и политическую стороны, и это делало наше положение опасным. В мирное время англо-канадский трест наверняка не имел бы ничего против продажи никеля в Германию. Но из-за войны Англия хотела помешать этому. Именно во время войны никель из Петсамо был особенно важен для Германии. Исходя из военно-политических соображений, советская Россия, у которой было достаточно своего никеля, стремилась поставить эти районы под свой контроль.

С юридической точки зрения вопрос был простой. Финляндия предоставила английской компании право на разработку месторождения никеля и была довольна имеющимся на этот счет соглашением. Все было в порядке. Если бы вопрос рассматривался исключительно с точки зрения права и правил честного бизнеса, все было бы легко. Как русским, так и немцам было бы заявлено: так не годится. Русским – потому что руки у нас были связаны уже имеющимся соглашением о выдаче разрешения на работы, немцам – потому что право на использование месторождения по закону принадлежало англичанам, а они резко возражали против продажи никеля в Германию, с которой Англия была в состоянии войны.

Однако такой простой и ясный метод действий был невозможен. Мы не могли рассматривать вопрос с точки зрения закона и правопорядка. Решения приходилось принимать на основе политических соображений. И, таким образом, мы оказались в сложном лабиринте. Хочется сказать, что никелевые рудники в Печенге были слишком большим и опасным куском для Финляндии. Из-за них малое государство Финляндия оказалось под перекрестным огнем трех великих держав. Со всех сторон нам выдвигали требования, со всех сторон на нас давили. Игнорируя наше сложное положение, каждая большая держава требовала от нас устроить все дела в своих интересах, а также стоять вместе с ней и против всех остальных. Но Германия и Англия не хотели поддерживать нас, хотя запросы советской России шли против их интересов. Англия не хотела как-то ущемлять советскую Россию и тем самым подрывать свой курс на улучшение отношений с ней. Германия, в свою очередь, тогда еще считала необходимым поддерживать связь со своим восточным партнером. Советский Союз, избегая трудностей, не хотел выступать вместе с нами для окончательного решения вопроса с английским трестом, а требовал от нас, связанных соглашениями, с помощью чрезвычайного закона, принудительного изъятия отобрать у англичан их собственность. Для нас, воспитанных в традициях североевропейского правопорядка и обычаев, это была крайне чуждая практика. Да и все действия вокруг этой проблемы дают хорошее представление о современных методах больших и об их отношении к малым. И, наконец, последнее, но не менее важное, во всем этом проявились бессилие и ничтожное значение закона и права в международных отношениях, когда встает вопрос об интересах великих держав.

ХII

Энсо – Валлинкоски. Железная дорога в Салла

По Московскому мирному договору, как уже говорилось, мы были обязаны передать Советскому Союзу большие производственные предприятия в городе Энсо⁶². Владельцу предприятий акционерному обществу «Энсо-Гутцейт», большинство акций которого было в собственности государства, на реке Вуокса принадлежал важный водопад Валлинкоски, находящийся примерно в километре вверх по течению реки на финской стороне от новой границы. Перепад воды в водопаде в Энсо составлял 8,9 м и в Валлинкоски – 5,7 м. Еще до войны «Энсо-Гутцейт» подготовило план объединения двух водопадов в одну систему с тем, чтобы на речных порогах Энсо, находящихся на нижнем течении, происходил сброс воды, а в городе Энсо использовали бы гидроэнергию водопада Валлинкоски, оставшегося на финской стороне.

В конце мая 1940 года НКВД неожиданно передал памятную записку, в которой сообщал, что советская сторона намерена построить гидроэлектростанцию в Энсо на основе проекта, подготовленного ранее в Финляндии. Поскольку проект предполагал подъем уровня воды на территории Финляндии в русле реки Вуокса и изменение ее водной системы в районе, прилегающем к реке, то в памятной записке предлагалось оформить соглашением права каждой стороны, а также определить выгоду от проекта для них. Подобная постановка вопроса представлялась справедливой, и сам проект казался многообещающим. Мы ожидали предстоящего обсуждения этого вопроса на основе известных экономических

⁶² С 1949 года Светогорск.

реалий и законов с выходом на удовлетворяющий обе стороны результат. Но получилось по-другому.

В Москве в это время на переговорах по торговому соглашению находились исполнительный директор «Энсо-Гутцейт», министр Котилайнен и горный советник Гартц, оба хорошие специалисты. Кроме того, из Хельсинки прибыли технические эксперты, инженеры Фрилунд и Розендаль. Переговоры начались в Москве, с советской стороны их вел заместитель народного комиссара внешней торговли Степанов.

Финская делегация изложила на заседании следующую позицию:

Основной перепад воды находится на территории Финляндии, и Финляндия может построить в Валлинкоски электростанцию стоимостью примерно в 200 млн марок, которая будет давать около 500 млн кВт ч. На погашение банковского процента, кредита и т. д. будет уходить 10% от этой суммы, и при продажной стоимости 10 пенни за кВт ч ежегодные расходы на эти цели составят 20 млн марок, что покрывается доходом от продажи 200 млн кВт ч. Таким образом, производство 300 млн кВт ч будет идти в чистый доход. Однако следует иметь в виду, что к моменту погашения расходов на строительство, а это произойдет в сравнительно короткое время, поскольку стоимость энергии в Финляндии повышается по ряду причин, почти вся производимая на станции энергия, т. е. около 500 млн кВт ч будет идти в чистый доход (не считая минимальных расходов на обслуживание и поддерживающий ремонт). Финляндия ни по международному праву, ни по Мирному договору не обязана отказываться от этой собственности. Однако, понимая, что доверительное сотрудничество между двумя соседними государствами позволяет выйти на удовлетворяющий обе стороны результат, финская делегация сочла возможным внести предложение, в соответствии с которым Финляндия могла бы передать Советскому Союзу право поднять уровень воды в реке Вуокса на финской стороне путем строительства плотины, детали чего можно будет согласовать позднее. Тем самым электростанция в г. Энсо будет использовать перепад воды на территории Финляндии. В качестве компенсации за получаемую таким образом гидроэнергию Советский Союз будет ежегодно поставлять в

Финляндию 300 млн кВт ч, или 45% мощности электростанции Энсо-Валлинкоски. Однако и это предложение, по оценке финских представителей, было не очень выгодным для нас, ведь по прошествии какого-то времени стоимость строительства нашей электростанции будет погашена, и мы будем терять 200 млн кВт ч или 40% энергии принадлежащего нам водопада. В качестве дополнительной уступки финская делегация предложила расчистить своими силами водопад в Кююрё, ликвидировать ущерб, который будет нанесен береговой линии на нашей стороне, а также построить необходимые дороги и мосты.

Как следует из изложенного выше, смысл предложения финской делегации состоял в том, что одна сторона договоренности, Финляндия, предоставила бы энергию воды, гидроэнергию, другой стороне, Советскому Союзу, который расплачивался бы за это поставками электроэнергии. Кроме того, Советский Союз должен был компенсировать «Энсо-Гутцейт» расходы на подготовку проекта, чертежи, подборку оборудования и разработку соглашений о поставках. Далее, ранее заключённые соглашения о поставках для электростанции «Энсо-Гутцейт» переходили организациям, которые будут строить электростанцию в г. Энсо, и Советский Союз компенсировал бы предоплату, уже внесенную поставщикам. По нашему мнению, все это было справедливо и разумно.

На мой взгляд, вопрос был в принципе ясен. Но в середине августа советская делегация в качестве ответа передала свой проект соглашения, в соответствии с которым Финляндия не могла претендовать на какую-либо компенсацию за гидроэнергию водопада Валлинкоски. Правда, там говорилось, что при регулировании уровня воды в реке Вуокса нормальным следует считать положение, существовавшее при регулировании течения в этой реке и в озере Сайма в период Московского мира. Подобные изменения в подходе, конечно, требовали обоюдного согласия. Но далее было сухо сказано: «Подъем уровня воды в реке Вуокса, предусмотренный планами строительства электростанции в г. Энсо, не следует рассматривать как нарушение обычного регулирования течения воды в этой реке». Это означало, что Советский Союз собирался использовать энергию воды с электростанции Валлинкоски, принадлежащей нам и находящейся на территории Финляндии, без какой-либо компенсации.

Проект договора не сопровождался какими-либо мотивировками или обоснованиями. Поэтому нам было трудно понять, каковы были у Советского Союза отправные точки при подготовке проекта соглашения. По нашему мнению, для подобного предложения не было обоснования ни в Мирном договоре, ни в международном праве. Финская сторона оставалась на прежних позициях. Наш ответ на советское предложение я передал Молотову не в самый удачный момент, поскольку мы только что завершили неприятный разговор по проблеме никеля и о военной литературе, так что мой собеседник был в плохом настроении. Я сказал, что право собственности на Валлинкоски, по нашему мнению, вопросов не вызывает, а также что мы не можем принять советское предложение. Сославшись на проблему никеля, Молотов заявил, что Финляндия не хочет обсуждать с Советским Союзом экономические вопросы деловому.

В мае 1941 года НКВД передал нам новую памятную записку, но содержала она прежнее предложение. Советская позиция обосновывалась следующим образом: предложение Советского Союза полностью соответствует статье II Мирного договора, заключенного между Советским Союзом и Финляндией 12 марта 1940 года, пункту 6 протокола, прилагаемого к Мирному договору, а также современной международной практике. Советский Союз имеет безусловное право, вытекающее из Мирного договора, завершить строительство гидроэлектростанции в Энсо, находящейся на отошедшей к Советскому Союзу территории, и в этой связи поднять уровень воды в реке Вуокса в соответствии с подготовленным ранее в Финляндии проектом. Выдвинутое с финской стороны требование о ежегодной поставке 300 млн кВт ч электроэнергии в качестве компенсации Финляндии за потерю потенциальной гидроэнергии, которую Финляндия могла бы использовать в том случае, если бы на территории Финляндии в Валлинкоски была построена электростанция, не имеет под собой оснований. В международном праве не имеется нормы, предполагающей плату за использование потенциальной гидроэнергии реки, текущей с территории одного государства на территорию другого. Женевское соглашение от 9 декабря 1923 года, которое регулирует договорные отношения между государствами, в частности, в вопросах использования гидроэнергии, также не содержит подобных положений. В соответствии с

международной практикой частичной компенсации подлежит лишь ущерб, если он образуется при разливе воды на территории Финляндии при строительстве плотины электростанции в Энсо, и на этот случай в советском проекте соглашения имеется соответствующее положение. Выдвинутое финляндской стороной требование о компенсации «Энсо-Гутцейт» за расходы по разработке проекта, чертежи, заказ оборудования, подготовку соглашений о закупках также не имеет под собой оснований, поскольку Мирный договор не предусматривает каких-либо компенсаций за отошедшую Советскому Союзу собственность. Поэтому Советский Союз не может также компенсировать внесенную «Энсо-Гутцейт» поставщикам предоплату. Таким образом, Советский Союз оставался на прежних позициях.

Мотивировка, приведенная советской стороной, на наш взгляд, не выдерживала критики. В ней исходили прежде всего из ст. II Мирного договора и п. 6 прилагаемого к нему Протокола. Но в этой статье говорилось лишь о том, где будет проходить новая государственная граница, а в п. 6 лишь о том, что при эвакуации с отходящих к Советскому Союзу территорий финские власти обязаны заботиться о том, чтобы не уничтожались и не причинялся ущерб находящимся там предприятиям и другому имуществу. Оставалось загадкой, почему советское правительство полагало, что из этих положений проистекало его право на использование дорогой гидроэнергии водопада, оставшегося на территории Финляндии. На своей земле Советский Союз, конечно, имел полное право, независимо от Мирного договора, проводить какие угодно строительные работы при условии, что их последствия не распространятся на территорию Финляндии, нанося ущерб законным интересам этой страны. – В соответствии с проектом, составленным в свое время «Энсо-Гутцейт», имелось в виду поднять уровень воды в реке Вуокса в ее верхнем течении у электростанции за счет водопада Валлинкоски. Поскольку в связи с Мирным договором в принадлежности земель произошло такое изменение, что упомянутые части реки Вуокса оказались в собственности двух государств, а граница прошла между ними, и вместо одной появились две заинтересованные стороны, то для осуществления планов строительства потребовалось согласие второй, финской стороны.

Хотя Советский Союз на основе Мирного договора получил завод в Энсо, т. е. оставшееся там недвижимое и движимое имущество, по мнению правоведов-международников принцип общего правопреемства, сукцессия, не распространялся на другие права «Энсо-Гутцейт», такие как причитающиеся ему блага и, в частности, полученное им, и никем другим, право перекрывать течение воды в реке. В советской ноте высказывалась общая отрицательная позиция в отношении перехода к СССР всех таких ранее принятых обязательств, из которых для него самого вытекали какие-либо обязательства. Это, однако, не помешало ему потребовать перехода к Советскому Союзу полученного «Энсо-Гутцейт» права на строительство плотины. Об этом, в принципе, можно было бы говорить, если бы это право было привязано к какой-либо территории, т. е. было бы с точки зрения международного права обременением. Но образование подобного права предполагает конкретный договор.

Требования Советского Союза никак не основывались на международном праве, хотя в его ноте утверждалось обратное. Пользование водной системой должно происходить так, если это возможно, чтобы не изменялось существующее положение, говорят правоведы. Государство, находящееся в верхней части реки, не может останавливать ее течения и не отводить ее в новое русло в ущерб соседнему государству. Государство в нижнем течении не может перекрывать реку так, чтобы это вызывало наводнения или иной вред, в частности уменьшение получаемой гидроэнергии в ее верхней части.

В нашем случае речь шла именно об этом, поскольку Советский Союз хотел полностью использовать в своих интересах находящийся на нашей стороне водопад Валлинкоски, который мог давать около 500 кВт ч электроэнергии. В свою очередь Финляндия могла бы, не причиняя никакого ущерба Советскому Союзу, использовать перепад воды в Валлинкоски, построив там электростанцию, и это не привело бы ни к каким изменениям в водной системе, т.к. количество воды, поступающей на территорию Советского Союза, постоянно оставалось бы прежним.

Проблема Валлинкоски из-за начавшейся войны не была решена. Трудно сказать, чем бы все это закончилось. На нашей

стороне было право. Но это было всего лишь международное право – в то время весьма неопределенное и слабое. Если бы Советский Союз все-таки построил плотину и поднял уровень воды на нашей стороне, то что бы мы могли сделать? Теоретически, но на законном основании, мы могли бы построить плотину в Валлинкоски, использовать гидроэнергию этого водопада для себя и при этом значительно уменьшить уровень воды в Энсо на советской станции. Но к каким скандалам это привело бы, какими опасностями грозило бы нам? Валлинкоски находится всего на расстоянии одного километра от Энсо. Трудно было бы вкладывать в такое рискованное предприятие 200 млн марок. Такова защита международным правом в наше время. Если бы мы были великой державой, все обстояло бы иначе.

VII статья Московского мирного договора гласит: «Правительство Финляндии предоставляет Советскому Союзу право транзита товаров между СССР и Швецией, и в целях развития этого транзита по кратчайшему железнодорожному пути СССР и Финляндия признают необходимым построить, каждая на своей собственной территории, по возможности в течение 1940 года, железную дорогу, соединяющую Кандалакшу (Канталахти) с г. Кемиярви».

В ходе мирных переговоров русские требовали безусловно построить эту железную дорогу в течение 1940 года. С нашей стороны ответили, что это невозможно. Молотов обещал оказать нам помощь в строительстве поставками необходимых стройматериалов, рельсов и др., вплоть до рабочей силы, если мы этого захотим. «Совместными усилиями мы, конечно, построим дорогу в 1940 году», говорил он. Мы предложили снять ограничитель времени и со своей стороны обещали построить так быстро, насколько это возможно. После обсуждения приняли формулировку: «по возможности в течение 1940 года».

Для нас этот вопрос был новым, он впервые был поднят только во время мирных переговоров в Москве. Речь шла о железной дороге от ст. Кандалакша Мурманской железной дороги через северную Финляндию в Торнио на берегу Ботнического залива и вплоть до границы Швеции. На переговорах говорилось, что целью дороги

было обеспечить товарные перевозки между Советским Союзом и Швецией. Молотов обосновывал необходимость дороги намерением Советского Союза заключить торговые соглашения со скандинавскими государствами и в самое ближайшее время оживить торговлю с ними, так что это строительство считалось важным.

Не могу, однако, не поставить под сомнение значение дороги только с экономической точки зрения. В мирное время в этих мало населенных районах такая дорога вряд ли активно использовалась бы для целей советского импорта и экспорта. Товарообмен между Советским Союзом и Швецией шел в основном по другим путям. Промышленные изделия из советской Карелии и с Кольского полуострова было гораздо удобнее вывозить через мурманский порт, открытый круглый год, да и путь к нему был короче. Через порт было также выгоднее ввозить товары, нужные на Севере. Поскольку ширина железнодорожной колеи в Советском Союзе и Финляндии одинаковая, а в Швеции – другая, то не избежать перегрузки товаров. Иным предстает дело в случае войны, когда оборваны связи с границей. Тогда прямое железнодорожное сообщение Советского Союза с Швецией и другими скандинавскими странами приобретает другое значение. Похожий случай – сообщение Германии со Швецией во время Второй мировой войны.

В Финляндии было распространено мнение, что дорога Кандалакша-Салла-Кемиярви-Торнио, так же как и другие дороги, целых шесть железнодорожных веток, построенных на территории Советского Союза в последние годы, как до Зимней войны, так и после нее, означали подготовку новой агрессии против Финляндии, но не только, а также открытие пути на Скандинавию. Таким образом, речь шла о затягивании в сферу влияния большевиков в дополнение к Финляндии также и Скандинавии⁶³ (Kaarlo Hilden, *Murmanbanan*, 1941, s. 11). Мне тоже ясно, что при строительстве этой дороги, точно так же как и упомянутых других железных и шоссейных дорог в советской Карелии, а также многочисленных аэродромов на первом месте были военные соображения. Военные мероприятия великих держав из агрессивных легко становились оборонительными. Какое место в рассматриваемом случае занимал

⁶³ *Hilden Kaarlo. Murmanbanan - ett hot mot Finland och Skandinavien. Söderström & G:o Förlagsaktiebolag, 1941.*

наступательный элемент, постороннему наблюдателю сказать трудно. Однако нам, финнам, исходя из опыта последних лет, было нелегко называть действия Советского Союза в нашем отношении оборонительными. «Строительство железнодорожных веток в западном направлении (от мурманской дороги в сторону границы с Финляндией) не следует рассматривать с оборонительной точки зрения. Только полностью безумный может представить нападение небольшой и слабой в военном отношении Финляндии на могучий Советский Союз. Единственный вариант – подготовка агрессии в сторону Запада», говорится в только что процитированном издании (ss. 9-10). Действительно, разумно рассуждая, нападение Финляндии на Советский Союз было бы безрассудной акцией. Но, как говорилось об этом раньше, в 1939 году, и после него, да и до него, в Кремле преобладала мысль о возможности, даже неизбежности большой войны, и Советский Союз готовился к ней. «Советский Союз не боится Финляндии, но большие государства используют малые в качестве плацдарма против СССР. Сегодня, когда в Европе бушует война, безопасность Ленинграда и Мурманска особо важна. Никто не знает, как закончится эта война», эти слова Молотова я записал в блокнот 12 марта 1940 года во время переговоров о мире. Эту же мысль Сталин и Молотов высказывали осенью 1939 года. Другое дело, что, на наш взгляд, в интересах Советского Союза, даже в случае войны, была бы другая политика. Но великие державы смотрят на мир по-своему, особенно когда они имеют дело с малыми государствами. Но довольно часто они ошибаются.

Советский Союз начал строить дорогу, о которой идет речь, на своей территории еще в ноябре 1939 года, и в апреле 1940 года она была готова до Саллы, новой границы по Московскому миру. По некоторой информации там использовали на принудительных работах до 100 тыс. человек (*Hilden. Op. cit. S. 11*). После этого с советской стороны постоянно пытались ускорить строительство финской части дороги, постоянно шли запросы, когда же она будет готова. Финский участок дороги был весьма тяжелым, рельеф местности был сложным, требовалось несколько мостов, особенно много времени требовало пересечение реки Кемиярви. Вначале этим вопросом занимались высокие чиновники НКВД, затем подключились Молотов и Вышинский.

В начале декабря МИД Финляндии проинформировал советского посланника в Хельсинки о ходе работ, однако темпы были признаны неудовлетворительными. Зотов счел возможным даже назначить день, до которого дорога должна была быть готова, а также заявил, что если этого не произойдет, то советское правительство будет рассматривать действия Финляндии как нарушение Мирного договора. Когда в одной из бесед в середине декабря 1940 года я сказал, что Московский мирный договор выполнен, Молотов заявил, что многие его пункты еще остаются открытыми. На вопрос, что же это за пункты, он сослался на дорогу Салла-Кемиярви, в отношении которой пока еще ничего не сделано. Я протестовал, сказал, что работы ведутся напряженно. «Постройте эту дорогу к февралю», сказал Молотов. Я ответил, что это невозможно. В тот же вечер Вышинский передал мне памятную записку, в которой сообщалось, что Советский Союз в соответствии с Мирным договором завершил строительство дороги на своей территории. Финляндия же на своей территории не построила ни одного километра дороги, нарушая тем самым обязательства, взятые по Мирному договору. НКВД настаивал на скорейшем завершении строительства дороги и требовал сообщить, когда примерно это произойдет. Я подчеркивал сложность ведущихся работ. Несколько ранее Финляндия обещала, что дорога будет построена к осени 1941 года, так что нельзя было утверждать, что мы нарушаем заявленное в ходе мирных переговоров в марте. Мы ясно сообщили о невозможности завершить строительство дороги в 1940 году. И когда она будет готова осенью 1941 года, то это будет в полном соответствии со статьей VII Мирного договора. К началу новой войны летом 1941 года дорога оставалась незавершенной.

Слова Молотова о том, что многие пункты Мирного договора не выполнены, были мне тогда, да и сейчас непонятны. Мы не только выполняли все положения Мирного договора, но по многим важным и серьезным позициям пошли навстречу предложениям и требованиям Советского Союза, которых не было в Мирном договоре. Достаточно указать на проблемы Аландских островов и транзита в Ханко. В вопросе о никеле в Петсамо мы также начали предпринимать действия и готовить предложения, хотя он не имел никакого отношения к Мирному договору и нам пришлось идти на конфликт с владельцами разрешения на разработки никеля,

англичанами. В Москве я много думал о причинах спешки и беспокойства Кремля. Я полагал, что, с одной стороны, это было связано с русским менталитетом, а с другой – с общей подозрительностью русских, направленной на иностранцев и, в особенности, на нас, финнов, после Зимней войны. Кроме того, нервозности Кремлю добавляли расширение большой войны и вызванные ею общеполитические события на Севере Европы.

XIII

Отношения между Финляндией и Советским Союзом осенью и зимой 1940–1941 гг.

После рассказа о ходе обсуждения некоторых важных вопросов после заключения Московского мира продолжу тему, начатую в пятой главе, о развитии отношений между Финляндией и Советским Союзом.

В вопросах внешней политики я все еще остаюсь старофинном⁶⁴. Ведущим принципом у нас, старофиннов, было: избегать противоречий с Россией. Мотивировка была простой. Финляндия – сосед великой державы России. Тот факт, что Финляндия в то время с точки зрения международного права не была независимым государством, а только имела внутреннюю независимость, автономию, не меняет существа дела. Россия имела неизмеримое превосходство в силе. Мы должны были найти как *modus vivendi*, так и поддерживать с Россией хорошие отношения, чтобы она не только терпела особое положение Финляндии, но и считало его наилучшей альтернативой для себя.

Этот подход в основном был применим и после того, как Финляндия получила государственную независимость. В своей деятельности в Москве я исходил из этого. Мир был для нас горьким и жестоким, но мы должны были жить на его основе без каких-либо задних мыслей. На возможность его изменения не следовало надеяться. Раз и навсегда надо было признать факты.

⁶⁴ Название сторонников Финской партии, в конце XIX – начале XX вв. придерживались тактики сотрудничества с российским самодержавием.

Позиция Кремля по многим вопросам вызывала у меня, как и у других финнов, озабоченность. От этого никуда было не уйти, как я ни старался, как я ни пытался объяснить факты с лучшей стороны, как я ни пытался принимать во внимание оборонные интересы державной России, которые всегда определяли политику Кремля. Было трудно понять истинные намерения Кремля в отношении Финляндии. Но случившиеся разочарования не могли изменить наших взглядов. Это была позиция старофиннов.

Деятельность «Общества дружбы» летом 1940 года, находившегося под особой защитой советского государства (об этом я рассказывал выше), вызывала подозрения. Выпады против Финляндии официально управляемых советских газет и радио носили злобный характер.

Для нас были непонятны и необъяснимы резкие и угрожающие действия Кремля в различных важных и не очень важных вопросах, хотя я при этом старался учитывать русский менталитет и существующую в Кремле подозрительность в отношении нас. Остро негативная позиция советского правительства против планов оборонительного союза Финляндии и Швеции заставляла задуматься, что за этим кроется. «Сейчас мы с Вами разговариваем, но если возьмем письменные доказательства, то дело станет серьезным», – говорил мне по этому поводу Молотов в сентябре 1940 года. Неоднократные высказывания Молотова, походившие на угрозы, направленные против укрепления наших новых границ, также вызывали у нас подозрения. Сюда же относится и отказ разрешить самый легкий, но важный для нас контроль за тем, чтобы в соответствии с соглашением о транзите в Ханко военнослужащие не имели при себе оружия. Вмешательство советского правительства в президентские выборы в Финляндии было беспрецедентным. Выдавливание министра Таннера из правительства было крайне странным. В проблеме никеля в Петсамо Советский Союз в своих требованиях зашел исключительно далеко, а Молотов и Вышинский неоднократно прибегали к угрозам, как я рассказывал выше. Грустное впечатление оставило резкое поведение советского правительства в аландском вопросе, когда Молотов, недовольный обоснованностью, на его взгляд, затяжкой дел, потребовал решить их в течение недели с немедленным вступлением соглашения в силу, игнорируя при этом предусмотренный формой правления

Финляндии порядок заключения договоров. Непонятным был жесткий подход Молотова, уже после наступления мира, к случаям перехода границы с нашей стороны, которые объяснялись тем, что линия прохождения новой границы была пока еще не вполне четкой, и никакой опасности в себе не несли. Далее, настойчивость советских представителей в требованиях по возврату машин и оборудования, вывезенных с отошедших к СССР территорий, хотя я от имени правительства заявил, что они будут либо возвращены, либо их стоимость будет компенсирована, и речь шла лишь о выяснении, о каких машинах и оборудовании шла речь в протоколе к Мирному договору.

Одновременно начались трения между советским посланником в Хельсинки и консулами, с одной стороны, и МИД Финляндии и другими финскими ведомствами – с другой. Численность сотрудников советских учреждений в Финляндии возросла многократно, общее количество представителей и административных работников достигало двух сотен. Например, в советском консульстве в Мариенхамне было 8 консульских работников и 30 других сотрудников, в общей сложности 38 человек, хотя их единственной обязанностью был контроль за ликвидацией укреплений, да и та работа вскоре закончилась. Было ясно, что увеличение персонала советских учреждений в Финляндии не было связано с выполнением дипломатических и консульских функций. Правда, особых оснований для удивления здесь не было, все это хорошо вписывалось в современную мораль поведения великих держав в международном общении, я уже ссылался на дискуссию в этой связи в нижней палате парламента Великобритании в 1927 году. Современная международная мораль допускает, что многочисленные советские представители пытались разъезжать, да еще под вымышленными именами, по всей Финляндии, с которой Россия недавно была в состоянии войны и которой они все еще не доверяли. Не было оснований также по упомянутой причине удивляться, что эти люди нарушали положения о доступе в закрытые районы, а эти районы их как раз особо интересовали. Дипломаты других государств придерживались иной практики, что объяснялось их иными интересами. Во всех своих действиях Кремль и его представители могли ссылаться на пример иных великих держав. В еще меньшей степени, на мой взгляд, характеру отношений между

Финляндией и Советским Союзом соответствовала деятельность советского посланника в Хельсинки. В обязанности финских властей, естественно, входили меры по недопущению нарушения норм поведения дипломатов. Если в отношении какого-либо дипломата высказывались серьезные замечания, то это лицо должно было выехать из страны. Но советский посланник в Хельсинки писал в своих нотах: представительство Советского Союза в Хельсинки требует обеспечить беспрепятственный проход всем служащим консульских учреждений в Финляндии и т. д. Он говорил о «произволе» в отношении служащих консульства в Петсамо, он высказывал «требования, которые соответствуют “минимальным” необходимым условиям», это стало обычной терминологией в российском дипломатическом языке. Таким образом, он требовал исключений для своих сотрудников из общих действующих норм поведения всех иностранных дипломатических и консульских работников в Финляндии. Основания для протеста были бы только в том случае, если бы для советских представителей были введены особые, отличные от других стран, ограничения, или ограничения, противоречащие имеющимся соглашениям. Однако Финляндия, наоборот, предоставляла им особые права на передвижение.

Неизвестно, был ли причиной этой словесной перепалки и обмена нотами всю осень и вплоть до начала января советский посланник в Хельсинки или это были прямые указания из Москвы. В любом случае все это показывало, что отношения между Финляндией и советской Россией не в том состоянии, в котором они должны быть. Если бы советский посланник, уважая суверенитет Финляндии, стремился избегать поводов для ненужных трений, то многие вопросы можно было бы решить в добром согласии.

Кроме того, мы всегда помнили о судьбе балтийских государств, которая, как считали в дипломатических кругах в Москве и в мировой печати, ожидала и нас. У финнов из головы не выходила и попытка Куусинена во время Зимней войны⁶⁵. Вследствие всего этого летом и осенью 1940 года мы, финны, оказались в одиночестве. и нас

⁶⁵ После начала Зимней войны один из руководителей Коминтерна О.Куусинен был назначен советским руководством главой правительства и министром иностранных дел «Финляндской Демократической Республики», от имени которой 2 декабря 1939 года подписал «Договор о взаимопомощи и дружбе» с Советским Союзом. К концу войны правительство Куусинена было распущено.

все больше охватывало чувство незащитности, страха и неуверенности в будущем. Мне казалось, что мы стоим на вершине вулкана. Не раз, когда меня приглашал Молотов, я ожидал ультиматум по какому-нибудь поводу.

Из моего дневника 24.07.1940: «В 2 час. ко мне пришел Ассарссон с рассказом, что по шведскому радио сегодня прошло сообщение о требовании Советского Союза к Финляндии полностью разоружить свои вооруженные силы и не допускать в дальнейшем их вооружения. Ассарссон спросил, так ли это. Ответил, что от Молотова я не получал ни малейшего намека на этот счет. Выразил удивление, откуда могут браться подобные слухи. Как раз, когда у меня был Ассарссон, в кабинет зашел советник Ньюкопф и сообщил, что секретарь Молотова спрашивает, могу ли я быть у него сегодня в 5 час. Сообщил, что буду. Я полагал, что Молотов будет говорить со мной на тему, затронутую Ассарссоном, и соответственно подготовился. Я серьезно нервничал. «Здесь приходится жить в постоянном напряжении, т.к. никогда не знаешь, что происходит и что тебя ждет». На этот раз Молотов, который был со мной всегда любезен, передал проект соглашения о демилитаризации Аландских островов, после чего последовал продолжительный разговор о «преследованиях Общества дружбы». Так что ничего серьезного, но для одного раза достаточно.

«Трудный разговор с Молотовым о консульстве на Аландских островах, о союзе Финляндии и Швеции, о транзите через Финляндию германских военных, об ускорении решения по концессии на разработку никеля вновь свидетельствовал об имеющихся в отношении нас подозрениях. До тех пор, пока продолжается война, наше положение остается опасным. В высказываниях Молотова часто просматривались угрозы, как видно в моих телеграммах», сообщал я в Хельсинки 28 сентября.

Во влиятельных кругах Финляндии существовало мнение, что Советский Союз вел себя сдержанно до тех пор, пока Германия победно сражалась на Западе, но когда из германского нападения на Англию ничего не получилось и вообще ее наступление приостановилось, то Советский Союз воспрял и стал более агрессивным и требовательным в отношении Финляндии (демилитаризация Аландов, требования в отношении никеля,

транзит в Ханко). На мой взгляд, это представление было ошибочным. Как я говорил ранее, Кремль поднимал проблемы Аландов и никеля еще в июне 1940 года, а вопрос о транзите в Ханко – в начале июля, когда обсуждалось наше предложение о железнодорожном сообщении. Вопрос об оборонительном союзе Финляндии и Швеции стоял еще в апреле. Позднее Кремль не поднимал никаких новых и важных вопросов. В то время продолжалось победное шествие германских войск. Военные действия Германии на Западе влияли на обсуждение наших вопросов, но, как мне кажется, в противоположном направлении. Их начало весной 1940 года и ошеломляющий успех в последующие месяцы вызвал озабоченность у СССР и наверняка заставил его по военным причинам задуматься о мерах по укреплению своей безопасности.

Настроения, царившие в Финляндии, а также мои собственные мысли отражает переписка с моим другом Таннером в декабре 1940 года. «Можешь быть уверенным, – писал Таннер, – что выпады в последние месяцы со стороны Советского Союза породили здесь многочисленные печальные чувства. Они как уколы иглой, мелкие, но держащие постоянно в состоянии нервного напряжения. От великой державы следовало бы ожидать более великодушных действий. А поскольку все это сопровождается постоянным вмешательством в чисто внутренние дела Финляндии, как, например, во время последних президентских выборов, то это вызывает здесь все растущее возмущение. По крайней мере не делает лучше настроения в отношении нашего соседа. Одновременно петрозаводское радио ежедневно клеветает на Финляндию и рисует жизнь здесь в самом черном цвете. Так что идет явная война нервов.

Было бы сейчас наше положение лучше, если бы год назад мы избрали иной путь? Мне кажется, ты думаешь, что мы совершили большую ошибку, когда отказались от соглашения со Сталиным. Я тоже так часто думал, и особенно ругал себя во время войны за то, что, находясь в Москве, не выступал более твердо против позиции Хельсинки.

Но теперь, задним числом, я начал сомневаться в этой точке зрения, особенно глядя на то, что произошло с Балтийскими государствами, несмотря на их покорность и стремление к согласию.

Похоже, что цель Советского Союза – вернуть себе все бывшие российские территории, и он не особо себя обременяет какими-либо соглашениями. За первой уступкой последовала бы вторая, и так мы оказались бы на скользкой поверхности. Если все обстоит именно так, то возникает вопрос, какой метод действий сейчас был бы правильным: согласие в ущерб нашей чести или более твердая позиция?

Я знаю, ты думаешь, что мы оказались в таком положении, когда только уступка может спасти. Так же и здесь думали до сих пор, особенно когда речь заходила о деньгах и товарах, то не стеснялись уступать. Но будет ли это всегда помогать нам, и чем все это закончится? Сейчас здесь все больше накаляется атмосфера, и чем чаще происходит вмешательство в наши чисто внутренние дела, тем скорее настроения станут противоположными. Вскоре здесь может возникнуть то же противостояние между теми, кто за уступки, и теми, кто за сопротивление, как это было сорок лет назад».

Описав события, связанные с внезапной смертью президента Каллио и с президентскими выборами, Таннер продолжил: «Наша ближайшая забота – создание нового правительства. Насколько я понимаю, это будет непросто. Вряд ли кто-то имеет призвание идти на принудительные работы, которые означает пребывание сегодня в правительстве. Одни печальные дела, в том числе приходящие с твоего стола. Если же еще и Молотов вмешается в вопросы создания правительства, соблаговоллив сообщить, кто входит в запретный список, дело станет крайне неприятным. Кандидатам [в министры] начинает казаться, что если они не внесены в запретный список, то это не делает им чести.

Жизнь будет непростой, пока идет война... Давай надеяться на ее скорейшее окончание. Тогда и нам может быть удастся выйти из этого заколдованного круга, в котором оказались все малые народы».

Я поблагодарил Таннера за поздравления по случаю моего дня рождения и добавил несколько слов о политике, чтобы побудить его продолжать заниматься этим делом, или, как он сам писал мне, «в надежде получать от тебя позднее твои размышления о политике».

У нас с Таннером с течением лет время от времени возникали политические дискуссии, иногда они были довольно глубокие,

иногда устные, иногда письменные. Мой ответ 26 декабря 1940 года на его письмо превратился в целое «исследование».

«После нашей войны Советский Союз обращался с нами, изрезанным государством, – писал я, – и продолжает обращаться не как со свободным государством, а как с государством, потерявшим часть своей свободы, насколько большая эта часть, давай пока не будем подсчитывать. Это показывает, что, несмотря на наш героизм, эта война не вызвала уважения к нам, как многие считают. Напротив, она наглядно показала господам в Кремле, что мы в одиночку не в состоянии сражаться с оружием против Советского Союза, и заодно отравила атмосферу в Кремле в отношении нас. Конечно, после наших действий, в результате которых мы оказались в войне, нам не оставалось ничего другого, кроме как сражаться. Иначе под властью Куусинена мы стали бы частью Советского Союза. Поэтому можно сказать, что своей борьбой мы спасли ту часть свободы, которая у нас еще осталась.

Но простая критика не поможет и ее будет недостаточно. Сейчас стоит вопрос, что мы можем сделать? Очень легко мы можем привести нас к новой войне, но это будет означать окончательное и верное уничтожение нашего государства. В этом нет сомнения.

Ты не согласен с моим мнением, что наши действия осенью 1939 года были ошибкой. Ссылаешься на судьбу Балтийских государств. Время от времени и газеты пишут примерно так. Но я занимаю иную точку зрения и с этим умру.

Независимость Балтийских государств была ненадежной. Сами эстонцы думали так еще в 1920-х годах. Невозможно представить, чтобы великая держава Советский Союз, встав на ноги, удовлетворилась дальним уголком в восточной части Финского залива, где, как говорят, “большой военный корабль вряд ли сможет развернуться”. Переход побережья Балтийских государств Советскому Союзу был лишь вопросом времени.

А наше положение?

Внешняя политика трудна тем, что очень мало или вообще нет фактов, на которые можно опереться при принятии решений. И тем не менее решения надо принимать. Кому известны мысли Сталина?

Осенью 1939 года Сталин предлагал нам совсем не то, что Балтийским государствам. Осенью 1939 года Сталин отказался от договора о ненападении сразу во время первой встречи со мной⁶⁶. То же произошло и с предложением о заключении “местного договора” о совместной обороне Финского залива. После этого речь шла только об “обмене территориями” с полной, может быть даже щедрой компенсацией на Карельском перешейке и арендой базы на северной стороне Финского залива. В последнее время стало отчетливо видно, что великие державы считают вполне естественным вопрос о военных базах. Вопрос о базе в районе Ханко был для русских постоянным. Даже кадеты (Маклаков и др.) в 1919 году выдвинули его в Париже как безусловное требование. В переговорах о тартуском мире эта идея также присутствовала.

Требования Сталина в отношении Карельского перешейка, как ты помнишь, были вполне умеренными. Новая граница не затронула бы нашу линию обороны, мы ведь провели ее по линии Суванто-Сумма, которую Сталин сначала объявил требованием своих военных, но вскоре сообщил, что готов и на меньшее. Только место расположения батареи в Койвисто оказалось бы на советской стороне, и это было единственное важное место. Но мы наверняка смогли бы его как-то компенсировать.

Сложнее было бы с базой. Сомневаюсь, что Сталин согласился бы на остров Юссарё, он ведь слишком маленький. Но я думаю, что он принял бы второе предложение Маннергейма – остров Ёрё. Но если бы это не прошло, то пришлось бы их предложение о трех островах (Хермансё, Хестё-Бусё и Коё). Сказали бы сразу: “По рукам”.

Положение Финляндии всегда отличалось от положения Балтийских государств. Финляндия имела особый статус. Политику России на Балтийском море сформировал Петр Великий. Как пишут российские историки, его целью было использовать балтийские порты Ригу и Ревель (Таллин) для торговли, Петербург был основан в силу военной необходимости – против великой державы Швеции, но и Выборг был нужен как “подушка под головой” у Петербурга. Петр

⁶⁶ Договор о ненападении и о мирном урегулировании конфликтов между Финляндией и Советским Союзом подписан 21 января 1932 года. 28 ноября 1939 года Советский Союз в одностороннем порядке расторг договор, поводом для этого стал инцидент в Майнила.

Великий завоевал Финляндию, держал ее восемь лет, а затем без всякого принуждения вернул Швеции. Насколько я помню, еще на переговорах по Аландским островам в 1718 году он был готов отдать какую-то часть Восточной Карелии Швеции. В XVIII веке Швеция дважды досаждала войнами России. Целью войны 1808–1909 гг. было перекрыть выход Швеции на континент. Тот факт, что Александр I дал Финляндии особый статус, который не принес России никаких благ, кроме “военных баз”, можно рассматривать как доказательство того, что Россия никогда не считала Финляндию необходимой частью империи, как остальную Россию. Большевики все больше становятся российскими империалистами. Петр Великий здесь в особом почете...

Но если бы большевики были только империалистами, как это ни странно звучит, то с ними было бы проще разговаривать. Но ведь у них есть и идеологическая цель – коммунизм, которая, как кажется, является той силой, что скрепляет государство. Это делает наше положение более трудным и опасным.

Мы не приняли сталинские условия, и теперь наша страна искалечена, она слаба и еще более неспособна вести в одиночку войну. Если бы мы пошли на соглашение, то могли бы и далее вооружаться, а затем и сражаться, если бы в этом была необходимость, хотя я так не думаю. На мой взгляд, не скажешь иначе, кроме как, что неумелой внешней политикой мы ввергли свою страну в войну без учета трех факторов: 1) нам никто не обещал помощи; 2) у Советского Союза были развязаны руки благодаря договору с Германией; 3) наши оборонительные силы были готовы наполовину.

В нашем общественном мнении, как и в ряде других малых государств, есть один большой недостаток. Мы живем в мире иллюзий, а не реальностей. Мы полагаемся на “право”, и при этом понимаем права, написанные на бумаге. Мы также считаем, что все “суверенные” государства и народы равноправны. На самом деле все обстоит не так. Эстония с 1 млн жителей и Финляндия – с 3 ½ млн находятся далеко не в том же положении и реально не равноправны с Германией с 70–80 млн, Англией с 50 млн или с Советским Союзом с 180–190 млн жителей. Мы держимся за международное право. Оно возникло в то время, когда было большое число равноценных и

равных по размеру государств, так что они имели равный “суверенитет”. Но в нашей настоящей жизни дело больше обстоит не так. Для нас, небольших, это печальный и опасный факт, но с этим ничего не поделаешь, и наш опыт ежедневно подтверждает это. И что такое в конце концов “право” перед лицом истории? Это то, что делает сейчас Гитлер, или что? Не надо далеко уходить в историю чтобы убедиться, что, несмотря на все юридическое равноправие, налицо большая разница между малым государством и великой державой. Цели и задачи великой державы, или, скажем, как они видятся руководителям великой державы, совсем не те, что у малого государства. И история учит нас, что малое государство должно уступать, иногда даже смиряясь с унижением, великой державе. Осенью 1939 года у нас была возможность уступить и пойти на соглашение с Советским Союзом на условиях, которые не были бы бесчестны для нас, а в материальном отношении были бы гораздо выгоднее, чем те, к которым нас принудили по жесткому московскому миру...

Бисмарк говорил, что самое главное, что требуется для государственного деятеля и народа – “das politische Augenmass”⁶⁷. Этого у нас не было, и это нам необходимо. Читая в последнее время финские газеты и то, что они пишут о нашей последней войне, я с тревогой констатирую, что у нас по-прежнему, после всего пережитого все еще нет “das politische Augenmass”. А это может привести наше отечество к окончательному краху.

Ну так что же с нашим положением?

Считаю возможным, правда, наверняка сказать нельзя, что намерения Сталина в отношении нас осенью 1939 года были сравнительно умеренными. Что он думает сейчас, не знаю. Наше положение после войны стало хуже. Мне кажется, что Советский Союз хочет оторвать нас от Швеции и, конечно, от Германии, заставить нас жить изолированными, одинокими и слабыми. Постоянные выпады Молотова против нашего любого сотрудничества со Швецией указывают на это же. Так же, как и усилия Коллонтай в Стокгольме держать Швецию в стороне от нас. Нельзя считать невозможным и то, что Кремль при благоприятном для него случае захочет положить нам конец, захватить Финляндию с

⁶⁷ Способность оценивать политическую ситуацию.

использованием наших собственных коммунистов по образцу Балтийских государств. Наша война не укрепила наше положение. Прочность внутреннего фронта против коммунизма – вопрос жизни для нас.

Ты рассказываешь о выпадах против нас со стороны Советского Союза, даже о вмешательстве в наши внутренние дела, о петрозаводском радио, могу добавить сюда таллинское радио, которые вызывают печальные чувства и даже растущее возмущение. Все это я хорошо понимаю... Но нас не больше 3 ½ млн, а в Советском Союзе почти 200 млн. И военная машина в Советском Союзе сейчас сильнее, чем год назад. А Финляндия сейчас искалечена и в экономическом плане, и в других отношениях слабее, чем год назад. Как ты думаешь, что мы можем сделать в таком состоянии?

Ты говоришь, что рано или поздно в Финляндии возникнет противостояние, как 40 лет назад. Неужели у нас так и не поняли историю годов гнета⁶⁸. Неужели еще есть такие, кто полагает, что нас спасло “пассивное сопротивление”? Нас спасла сначала война с Японией, а затем мировая война 1914–1918 гг. Пассивное сопротивление никакой роли не играло. То, что сейчас нам нужно, так это новая война с Японией или мировая война с участием Советского Союза. Но Сталин на это не пойдет. Пассивное сопротивление пошло бы на пользу нам самим, в психологическом отношении, раз уж наш народ был так слаб, что нуждался в подобном подталкивании. В войне 1939–1940 гг. мы были обречены на поражение, и поэтому, несмотря на наш героизм она закончилась капитуляцией. Была ли эта война в психологическом отношении полезной для нас, даже необходимой, я затрудняюсь сказать. Но конечный результат достался ценой одного из самых больших несчастий в истории Финляндии, поэтому это была слишком дорогая цена.

Добавлю, что ничто не было бы Кремлю и здешним военным более приятно, чем если бы у нас поднялся “фронт сопротивления”.

⁶⁸ «Годами гнета» называют политику русификация Финляндии, проводившуюся Российской империей в конце XIX – начале XX века, направленную на постепенную ликвидацию автономии Финляндии, её интеграцию в состав империи и введение на её территории законов империи.

Это означало бы новую войну, и это был бы конец всему. Я не верю, что финские лидеры позволят событиям привести к такой катастрофе. Активист не может жить в безвременье. Я был активистом в 1914–1918 гг., но осенью 1939 уже им не был.

Ты, как может быть и большинство финского народа, считаешь, что в нашем положении произошло существенное и для нас решающее реальное изменение, когда Финляндия стала независимой нацией. Во внутренних делах, да. Но во внешней политике, считаю, так полагать было бы преувеличением. К тому же у нас недостаточно принимают во внимание реальные обстоятельства.

Разница между конституционалистами и группировкой вокруг газеты «Суометар»⁶⁹ состояла в том, что конституционалисты считали, что в “годы заморозков”⁷⁰ вопрос носил государственно-правовой характер, другими словами, речь шла о противоречии между Финляндией и ее правителем. Правитель издавал незаконные законы и требовал их выполнения. Зато у нас были “хорошие бумаги”⁷¹. Если бы дело обстояло так просто, то мы бы его легко решили. Мы бы легко сбросили Великого князя Финляндского Николая, так же легко, как норвежцы в 1905 году под искусственным предлогом Оскара II. Мы, сторонники “Суометар”, считаем, что дело обстояло сложнее. Спор был не государственно-правовой, а, я бы сказал, квази-международный. Положение Финляндии четко не вписывалось ни в какую юридическую категорию, оно было *sui generis*⁷². Спор по сути дела шел между Финляндией и Российским императором, за которым стояла организованная военная сила империи. Поскольку разница в силе была неизмеримой, то приходилось избегать конфликта, иначе нам пришел бы конец. Так говорил мне, например, старый Юрьё-Коскинен⁷³ в беседе наедине осенью 1903 года, за день до паралича, который в конечном счете свел его в могилу. В последние годы и сейчас, несмотря на нашу независимость, мы по сути дела находимся в таком же положении. Сейчас вновь стоит вопрос о том, как избежать конфликта с Россией

⁶⁹ Политические течения внутри консервативной националистической Финской партии, возникшей в 60-е гг. XIX века и существовавшей до 1918 г.

⁷⁰ То же, что и “годы гнета”.

⁷¹ Законы, юридические акты и т. п.

⁷² Своеобразный, единственный в своем роде – лат.яз.

⁷³ 1830–1903, сенатор, политик, долгое время был председателем Финской партии.

(Советским Союзом), поскольку в силу известного соотношения сил мы в таком конфликте в одиночку погибнем, как показали события прошлой зимы. Нам следует терпеливо ожидать, когда будущие независимые от нас события и силы придут нам на помощь. При этом, конечно же, нам не следует забывать о собственных вооруженных силах, поскольку это даст нам дополнительные возможности для использования открывающихся возможностей. “Plus ça change, plus c'est la meme chose” – “чем больше оно меняется, тем больше оно остается тем же самым”. Или как Сталин сказал мне осенью 1939 года: “С географией мы не можем ничего поделать, да и вы не можете”.

Как я уже сказал, можно считать, что “пассивное сопротивление” было нам самым необходимо в психологическом плане. Но это другое дело, а вот когда война с Японией началась в феврале 1904 года и привела к поражению России в 1905 году, то наше дело взяло верх осенью 1905 года. Так же и мировая война, начавшаяся в 1914 году, спасла нас от вторых, еще худших “годов гнета”⁷⁴. Так что наши “хорошие бумаги” не помогли нам ни в 1905, ни в 1914–1918 гг., а помогли мировые события, происходившие помимо нас.

Осенью 1939 года у нас также были “хорошие бумаги”. И наш народ, и правительство, и парламент полагались на эти бумаги... Мы говорили: “Нет, мы не согласны”, но вышло так, как вышло. Мы пережили катастрофу.

Естественно, что поведение Советского Союза вызывает у нас неприятие. Но сегодня многие другие малые народы, да и некоторые большие, вынуждены терпеть многое: Дания, Норвегия, Бельгия, Голландия, Румыния, Венгрия и даже великая Франция. В истории можно найти сколько угодно сравнимых с нами случаев. И если малая страна, недавно проигравшая войну, учитывает пожелания и требования мощной (а сегодня особо мощной) победившей в войне соседней державы, то это все понятно и уместно. Наша война, как говорят, отравила наши отношения с Кремлем, и пройдет еще много времени, пока действие этого яда пройдет.

⁷⁴ . Финская историография насчитывает два периода “годов гнета”: 1899–1905 и 1908–1917.

Но остается вопрос, что же нам делать?

Если бы было достаточно прежней политики независимого нейтралитета, то было бы отлично... К сожалению, старой политики нейтралитета оказалось недостаточно. Мы четко следовали ей, и она привела к войне. Её же проводили Дания, Норвегия, Бельгия и Голландия, и с ними вышло так, как вышло. Так же действовали Балтийские государства Эстония, Латвия и Литва. А также Румыния и Греция. Итого 10 государств. Так что можно сказать, что этот путь не такой надежный, как ранее полагали. Конечно, мы нейтральны в том смысле, что не хотим участвовать в войне...

Считаю, что мы должны и впредь избегать конфликтов, которые приведут нашу страну к окончательной катастрофе. Нам не избежать некоторых "унижений", которые не вписываются в старое международное право. В этом отношении нам пока что и в составе правительства следует соблюдать осторожность, как это ни обидно. Как далеко мы зайдём с этой политикой, я сказать не могу. Может быть, мы сможем пережить самые худшие времена. До сих пор нам удавалось устраивать целый ряд сложных дел, правда, далеко не всегда к нашему удовлетворению. Зато жизненно важных вопросов для нашего народа нам затрагивать не приходилось. Но пустые надежды и мысли надо отбросить.

Другое мое мнение: мы сможем выступать жестко и твердо лишь когда будем уверены в достаточной внешней помощи.

Но откуда придет такая помощь? Об этом я думаю дни и ночи. Конечно, в первую очередь я задумался о Швеции. Я полагал, что если Швеция решительно встала бы в один ряд с нами со всеми своими вооруженными силами и это было бы известно Кремлю, то Советский Союз оставил бы нас в покое. Но задумаемся, а готова ли к этому Швеция? Я не поверю в это до тех пор, пока не увижу на бумаге. Внешнеполитическое выступление Ундена⁷⁵ 17.12. показало, что, несмотря на симпатию к Финляндии, Швеция не хочет брать обязательства, которые могли бы привести ее к вооруженному конфликту.

⁷⁵ Шведский юрист, дипломат и политик, министр иностранных дел 1924–1926 и 1945–1962.

Правительство Швеции поддерживает координацию внешней и оборонительной политики Финляндии и Швеции, но лишь при условии, что Советский Союз не будет выступать против этого. Молотов, однако, несколько раз заявлял, что СССР не одобряет подобное сотрудничество Финляндии и Швеции. Весной он сообщил, что Советский Союз не допустит оборонительного союза этих государств. Летом он вновь вернулся к этому вопросу, и от имени правительства я заявил, что никакого союза не существует. Коллонтай 5.11. предупредила о нежелательности подобного сотрудничества. Тем не менее идея вновь ожила. Все это привело к тому, что 6.12. Молотов вручил мне ультиматум, в котором говорилось, что если будет заключено подобное соглашение, то Советский Союз будет считать Московский мирный договор «ликвидированным», что означало бы свободные руки Кремля в отношении Финляндии. Именно тогда Ассарссон сообщил мне, что в связи с ответом Советского Союза правительство Швеции пока откладывает рассмотрение этого вопроса. Поскольку позиция Советского Союза была известна и ранее, то я считаю этот последний демарш неудачной дипломатией. Его следствием стало лишь то, что Советский Союз получил повод вручить мне 6.12. упомянутый ультиматум».

«В данный момент, как кажется, Советский Союз не имеет агрессивных намерений против нас. “Правда” и “Известия” давно о нас ничего не писали. Это радостный и самый надежный знак. Не происходит и сосредоточения войск у нашей границы, так, по крайней мере, заверяет наш военный атташе. Кроме того, внимание Советского Союза сейчас скорее всего обращено на Юг, на Балканы и другие места.

Я убежден, что нам следует продолжать политику ухода от проблем и поиска решений, как, собственно говоря, мы и делали последние десять месяцев. Иной возможности я не вижу. Сможем ли мы идти вперед этим путем и как далеко, покажет будущее. (Проблема никеля сегодня выглядит очень сомнительной). Но иная политика со всей очевидностью привела бы нас к катастрофе».

В конце года я направил в Хельсинки памятную записку относительно нашего политического положения, в которой частично

изложил те же соображения, что и в письме Таннеру. Заметив, что еще трудно сказать, в чем состоит цель политики Кремля в отношении Финляндии, высказал два предположения. Первое: Советский Союз намерен в будущем при подходящих условиях положить нам конец, завоевать Финляндию с помощью наших коммунистов, как произошло со странами Балтии. Так я писал и Таннеру. «Вторая возможность: Советский Союз удовлетворится Московским договором и оставит нас в покое. Это официально заявленная позиция Кремля. В ее поддержку говорит тот факт, что в советских газетах и других изданиях пишут, что целью войны с Финляндией было лишь обеспечение безопасности северо-западных границ СССР и Ленинграда, а также, что эта цель была достигнута. По Московскому миру Советский Союз получил больше, чем Петр Великий в 1721 году».

Перечитав свое письмо Таннеру и записку в МИД, я вновь задумался над изложенными в них мыслями. В письме говорится о нашем сложном положении, что характерно также для многих других малых государств. Моей исходной позицией и искренним желанием было обеспечить Финляндии возможность жить по-своему на основе Московского мирного договора и сохранить то, что у нас осталось после этого жесткого мира. Ничего другого Финляндии и не требовалось. Это было умеренное и оправданное желание. Но каковы были цели Кремля? Я спрашивал это по своей привычке у самого себя, размышляя над судьбой Балтийских государств, а также о том, что в течение 1940-го года после заключения московского мира с подачи Кремля появлялось в наших отношениях, и о чем я выше рассказал. «Советский Союз никого не оставлял в покое, заставлял всех испытывать неуверенность, незащитность и постоянное чувство опасности», писал Гафенку (Op. cit. P. 353). Эти слова можно отнести ко всем малым соседям Советского Союза. Тот же страх и неуверенность, то же беспокойство о своем будущем было во всех малых государствах, до которых доходило влияние Советского Союза. Эти чувства нашли отражение в словах представителей этих стран, которых я посетил с прощальным визитом в мае 1941 года перед отъездом из Москвы. Представители Болгарии, Румынии, Ирана, Афганистана, Венгрии, все опасались этого мрачного гиганта, советской России, намерения которого были покрыты мраком. «Теперь в мире ничто не имеет значения, только грубая сила.

Иезуитская мораль: мы, малые государства не может защитить себя с оружием против огромного Советского Союза, какими храбрыми мы бы ни были», вскрикнул с болью в голосе представитель одной малой балканской страны.

В заявлении о войне 22 июня 1941 года⁷⁶ имперский канцлер Гитлер рассказал, что Молотов в середине ноября в Берлине сказал, что советская Россия опять ощущает угрозу со стороны Финляндии и решила, что не будет этого терпеть. Молотов спросил, готова ли Германия не оказывать Финляндии поддержки и, прежде всего, вывести свои войска из Финляндии.

Гитлер, по его словам, ответил, что, хотя Германия не имеет в Финляндии никаких политических интересов, однако правительство Германии не могло бы терпимо отнестись к новой войне России против маленького финского народа и тем более вообще не хотело бы, чтобы Балтийское море стало театром военных действий.

В тот же день, 22 июня 1941 года, в выступлении по радио Молотов назвал ложью рассказ Гитлера о предыстории военных действий со стороны России. Советский Союз особое внимание уделил опровержению той части в обращении Гитлера, где он говорил о Финляндии. 7 октября 1941 года заместитель наркома по иностранным делам Лозовский на пресс-конференции для иностранных журналистов, судя по московскому радио, заявил следующее:

«По поводу утверждений Гитлера, что Молотов в Берлине якобы требовал права на уничтожение Финляндии: Гитлер лжет и скрывает правду.

Правда состоит в том, что Молотов требовал у Германии вывести свои войска из Финляндии, поскольку Гитлер сосредоточил их там, чтобы заставить эту страну выступить на стороне Германии против Советского Союза. Факты подтверждают эту оценку. С помощью своих войск в Финляндии Гитлеру на самом деле удалось подтолкнуть Финляндию к войне с Советским Союзом.

Советский Союз никогда не угрожал интересам Финляндии».

⁷⁶ В "обращении к немецкому народу".

Это советское выступление порождает контраргументы. Прежде всего следует подчеркнуть, что в середине ноября 1940 года вопрос о войне между Германией и Советским Союзом еще не был актуальным. Германских войск в тот момент в Финляндии было незначительное количество, и находились они там на пути в северную Норвегию и обратно. Военного значения они не имели. Об участии Финляндии в войне между Германией и Советским Союзом тогда вопрос не стоял и не мог стоять.

Говорят также, что и советское информационное агентство ТАСС назвало слова в заявлении Гитлера о Финляндии безосновательными. К сожалению, мне не удалось достать это опровержение ТАСС.

Я с самого начала сомневался в истинности слов Гитлера. Чтобы Молотов – и Сталин – в мотивировке своих действий сообщили об опасениях в отношении Финляндии, невозможная мысль. Кремль неоднократно высказывал подозрение, что какая-либо великая держава может напасть на советскую Россию через Финляндию. Какая великая держава? Естественно, Германия.

По поводу изложения Гитлером разговора о Финляндии в своей вышеупомянутой книге Гафенку пишет следующее: «Что касается пункта 2 (о Финляндии), то вполне возможно, что присутствие германских войск в Финляндии не входило в какие-то планы советского правительства. Осенью 1940 года по Москве ходили упорные слухи, что Советский Союз приготовил Финляндии судьбу Балтийских государств. Это правда, что... финскому посланнику удалось добиться улучшения отношения между Советским Союзом и Финляндией. Однако судьба этой страны продолжала зависеть от доброй воли Советского Союза. Право транзита, которое запросила и получила Германия для своих войск, находившихся в норвежском Киркенесе, естественно, интересовало советское правительство. Но когда Молотов затрагивал этот вопрос, то он наверняка не делал это для раскрытия своих агрессивных намерений, а для того, чтобы разобраться в планах Гитлера, а также выяснить, представляют ли германские войска в Финляндии какую-либо угрозу безопасности России. И в этом месте рассказ Гитлера о беседе с Молотовым служит его целям. Занятая фюрером позиция защитника Финляндии и Румынии содержит косвенное признание того, что удары,

полученные этими двумя государствами год назад, были даны с его согласия, но они оказались сильнее, чем он допускал» (Op. cit. 132–133).

Как я уже говорил, летом и осенью 1940 года в дипломатических кругах Москвы постоянно циркулировали самые что ни на есть тревожные слухи о Финляндии, в том числе о намерениях Советского Союза поступить с Финляндией так же, как и с Балтийскими государствами. Гафенку, похоже, верил им, о чем свидетельствовал заданный им мне в конце августа вопрос: «Говорил ли Молотов в последнее время, что СССР уважает московский мир?». Он полагал, что присутствие немецких войск в Финляндии осенью 1940 года помешало планам Москвы, что Молотов пытается выяснить намерения Гитлера, а также представляют ли германские войска в Финляндии угрозу России.

В соответствии с приведенным заявлением Лозовского Молотов в Берлине все-таки требовал от Германии вывести свои войска из Финляндии или по крайней мере протестовал против их транзита там. Мне казалось (это было написано в 1943 году), Молотов хотел донести до Гитлера следующую мысль: «По договору от 23 августа 1939 года условились, что Финляндия входит в сферу интересов Советского Союза. Пока этого не произошло. Кремль хочет, чтобы этот договор был выполнен и поэтому считает, что германские войска должны быть выведены из Финляндии». Думал ли тогда Кремль о каких-то особых действиях в отношении Финляндии и о каких, было ли у него намерение окончательно уничтожить независимость Финляндии, трудно сказать. Мне кажется, Советский Союз хотел получить уверенность, что Финляндия будет решать все свои вопросы один на один с ним.

О чем на самом деле говорили Молотов и Гитлер в Берлине в ноябре 1940 года, мы, может быть, узнаем в будущем, если узнаем, потому на беседе с обеих сторон скорее всего присутствовали лишь надежные переводчики. А может быть все-таки узнаем, потому что если шведский журналист Арвид Фредборг говорит правду (Bakom stålvallden. S. 370–371⁷⁷), то в Германии тогда утверждали, что беседа Молотова с возможным расчетом на будущее была записана на стальную проволоку.

⁷⁷ Fredborg Arvid. Bakom Stålvallen. Stockholm: Norstedts, 1943.

В любом случае Гитлер, конечно в интересах Германии, не принял тогда к исполнению обращение Молотова. Эти события, помимо того, что они имели большое значение для Финляндии, служили также определенным намеком и для посторонних.- «После визита Молотова в Берлин положение Финляндии облегчилось. Я думаю, что критическое время пришлось на октябрь-ноябрь», говорил посол Великобритании Сэр Криппс, когда я был у него с прощальным визитом перед отъездом из Москвы в мае 1941 года.

О требованиях и вопросах Молотова, а также об ответах Гитлера я тогда ничего не знал. Слышал, что Советскому Союзу было заявлено о желании Германии избежать конфликтов в Северной Европе, а также о выраженной Германией надежде, что Советский Союз учтет это в своей политике в отношении Финляндии. В какой степени Кремль будет выполнять подобные пожелания с течением времени, было непонятно. Это зависело от развития событий и общеполитической ситуации. И в первую очередь, конечно, от того, какую реальную силу Кремль был готов применить в поддержку своей политики.

Если описанная мною выше и принятая в Финляндии более мягкая оценка целей разговора Молотова в Берлине относительно Финляндии была правильной, и если в намерения Кремля не входила «ликвидация» Финляндии, как у нас было принято полагать, а включение нашей страны в сферу интересов советской России, как было установлено между Риббентропом и Молотовым 23 августа 1939 года, то все равно дело было для нас серьезным. Позиция Кремля, в соответствии с которой с территории Финляндии или через нее не должна исходить никакая военная угроза или опасность для Советского Союза, была оправданной и понятной. Мы должны были сделать все от нас зависящее, чтобы так и было на самом деле. Но Кремль смотрел на всех с подозрением. Для достижения своих целей он считал необходимыми не только территориальные изменения, которых он добивался в 1939 году и получил по Московскому миру, но и определенное политическое влияние в Финляндии. Все это наглядно следует из августовского договора 1939 года между Германией и Советским Союзом, а также из разъяснения его целей и содержания в речи Гитлера 19 июля 1940 года и в документах от 22 июня 1941 года. Ссылка на это была также в упомянутом мною ранее меморандуме правительства СССР

правительству Финляндии от 14 октября 1939 г., переданном мне в ходе наших переговоров со Сталиным и Молотовым, в котором говорилось, что главную заботу Советского Союза в переговорах с финляндским правительством составляют два момента: обеспечение безопасности Ленинграда, а также «уверенность в том, что Финляндия будет стоять прочно на базе дружественных отношений с Советским Союзом». Это был основной ориентир в политике Советского Союза по отношению к Финляндии, которому хотела следовать Москва после заключения мира.

Но в этом месте наши жизненные устремления и цели Кремля несколько разошлись. Восток и Запад никогда полностью не совпадут. Взгляды Советского Союза на свою военную безопасность, вытекающие из географического положения Финляндии, как было сказано, Финляндии следовало признавать и учитывать. Это мы должны открыто заявить. Но в культурном, общественном, историческом плане, а также в отношении идеалов, мировоззрения, «стиля жизни» нашего народа, всего того, что делает жизнь нашего народа и его отдельных членов достойной, мы принадлежим не к Востоку, а к Северу Европы. Сохранение образа жизни нашего народа и его сохранение в виде единой нации – самый главный вопрос для нас. Для нас важное духовное дело – согласовать противоречие между Востоком и Западом, но не подчиняться и не попадать в безграничные объятия великого Востока, сохранять свое место на Севере Европы и тем самым в культурном мире Запада. Достижение этих двух целей, обеспечение военной безопасности Советского Союза и сохранение нашего народа на Севере Европы, вполне возможно.

Отношение Германии к нашей Зимней войне в последовавшие за ней месяцы, часто упоминаемая речь Гитлера в рейхстаге 19 июля 1940 года показывают, что Германия тогда рассматривала Финляндию как входящую в сферу влияния Советского Союза. Так же понимал это и Кремль. Меня постоянно беспокоил этот вопрос. «Упрямое и последовательное выступление Молотова против всех идей о союзе между Финляндией и Швецией указывает на существование такого разделения зон интересов, при котором граница проходит вдоль Финского залива и реки Торнионйоки⁷⁸»,

⁷⁸ По реке Торнио проходит граница между Финляндией и Швецией.

писал я в начале октября 1940 года министру иностранных дел. «Мы относимся к североевропейским государствам и к народам Севера Европы. Вопрос стоит о том, как нам вести дела, чтобы попасть в этот круг, а не остаться здесь. Это главный вопрос нашей политики». В конце того же месяца я писал премьер-министру Рюти: «Постоянные речи Молотова о том, что мы стремимся к союзу со Швецией, означают ни что иное, что он и Советский Союз хотят вырвать нас из числа североевропейских государств и прежде всего оторвать от Швеции, а также включить нас в сферу интересов Советского Союза, куда, по всей вероятности, нас уже передал Риббентроп в августе 1939 года... Нам важно добиваться укрепления связей с Швецией и вообще с Севером Европы. Мы относимся к Северу Европы... У меня нет никаких предрассудков в отношении Советского Союза и русских, в молодости я бывал здесь, знаю русскую классическую литературу и культуру. Делаю все от меня зависящее для поддержания хороших отношений с Советским Союзом. Мы здесь можем вести торговлю и заниматься многими другими делами. Так было во времена России. Но от этих столетних связей нам не осталось ничего, кроме как что-то в области кулинарии: блины, икра, борщ и еще какая-то еда. Наоборот, мы отдалялись от России десятилетие за десятилетием. Это другой мир, который нам не подходит».

Эти мои слова вовсе не означают враждебности в отношении России, как это и видно. Географическое соседство с великой Россией, связанное с этим поддержание хороших отношений, смягчение и устранение противоречий – этот принцип я принял и усвоил. Признание фактов, которые нельзя изменить, принятие политических необходимостей – первое правило государственной жизни. Но столетняя история раз и навсегда провела границу, пересечение которой означало бы нашу гибель.

Положение малых государств иногда бывает сложным. Иногда невозможно сказать, как им действовать в той или иной ситуации. Наиболее ясный и естественный выбор для них – политика нейтралитета. Но в последнее время эта политика не дает результатов: Голландия, Бельгия, Дания, Норвегия, Финляндия, Балтийские государства, Румыния и Греция являются самыми убедительными доказательствами этого. Считается, что существование малых государств в эпоху великих держав возможно,

если они будут оставаться «на краю», на периферии событий, или же будут выступать в качестве буферных государств, т. е. будут представлять интерес для конкурирующих между собой великих держав. Развитие военных технологий в последнее время показало, что польза от нахождения вдали от центральных событий будет лишь минимальной или чистой видимостью. Ясно также, насколько опасной может быть для малого государства политика буферного государства. Малого затащут в споры больших, в водовороты международных событий, на которые он не сможет никак влиять. Поэтому следует всеми силами избегать подобных ситуаций. Быть против воли в центре борьбы великих держав – слишком серьезная опасность и может стоить жизни.

Существование великой российской державы всегда было для меня аксиомой. Мысли немцев о дроблении Советского Союза, которые после начала германо-советской войны распространились и в Финляндии, на мой взгляд, были детским лепетом. «В Восточной Европе всегда будет большое государство, поскольку для этого там есть все предпосылки: большая, единая и богатая территория, и многочисленный народ. Кроме того, Россия имеет тысячелетнюю историю, замечательную литературу, развитое искусство, например, музыку», так я сформулировал эту мысль в одном из своих докладов весной 1942 года.

Рядом с этой большой и сильной Россией мы должны были существовать и как-то организовать свою жизнь. Взаимное подозрение не рассеивалось. В нашей стране было довольно распространено опасение, что наш большой сосед намерен, в том числе применяя силу при необходимости, положить нам конец или по крайней мере ввести нашу государственную и национальную жизнь в такие рамки, в которые не вписываются наши идеалы и жизненные ценности. Я надеялся, что это печальное состояние окажется позади, и в наших отношениях мы придем к лучшим и естественным условиям.

Наша судьба была поистине трагичной. У нас не было иных целей, кроме как жить в мире и оставаться в стороне от споров больших. У нас не было иных стремлений, кроме как обеспечить собственную безопасность. Ну а то, что страх будущего и инстинкт

самосохранения заставлял многие круги в нашей стране искать поддержки извне, было понятно.

Это относилось не только к нам, финнам, но и другим соседям Советского Союза, находившимся в таком же трагическом положении. Вновь процитирую румынского министра Гафенку. Он не был враждебен Советскому Союзу. Весной 1940 года он ушел с должности министра иностранных дел, т.к. не хотел принимать участие в новой прогерманской политике. Риббентроп и Чиано⁷⁹ предъявляли претензии румынскому правительству в связи с его назначением посланником в Москву (*Gafenco G. Op. cit. P. 347-348*).

«Раны, нанесенные внезапным и жестоким расширением Советского Союза, а также страх, который он вызывал возможностью новых насилий, сразу же поставили некоторых соседей России под флаг той силы, которая попыталась бы дать отпор агрессивной советской России», говорит Гафенку. [...] «Эти два государства (Румынию и Финляндию) было легко убедить, что им следует выбрать из двух зол меньшее... Советский Союз использовал московский договор (Риббентропа-Молотова) для наращивания своего влияния и силы, которые вызывали страх и неуверенность у большинства его соседей в Европе и Азии. [...] Новая политика Советского Союза, его стремление сомневаться во всем, его желание потрясать, постоянно давить, переносить вперед свои границы вызывали в его соседях чувство неуверенности и опасения, что следующее расширение советской державы произойдет за счет кого-нибудь из них. Казалось, что только Германия в состоянии остановить это движение Советского Союза. [...] Точно так же казалось, что только Советский Союз может противостоять движению Германии. Поэтому мысль о германо-советской войне была в равной степени популярна в народе в Анкаре, Тегеране и Кабуле». (*Ibid. P. 198*). О Румынии Гафенку говорит: «Потеряв границу и оборонительные позиции на Востоке, Румыния находилась во власти страха, что Советский Союз продолжит свое наступление и на остальные территории» (*Ibid. P. 347*).

24 июня 1941 года Гафенку был последний раз у Молотова. Молотов потребовал разъяснений, почему румынские войска

⁷⁹ Джан Галеаццо Чиано (1903-1944) – итальянский политик и дипломат периода фашизма, зять Бенито Муссолини.

присоединились к агрессии, как он сказал, немецких «бандитов». Гафенку, который не играл никакой роли в тогдашней политике Румынии и в ее вступлении в войну, и который не получал никакой информации о последних событиях, ответил, что он всегда стремился к налаживанию мирных отношений между его страной и Советским Союзом и сейчас глубоко потрясен произошедшим. Молотов заявил, что Румыния не имела права нарушать мир с Советским Союзом, а также не имела никаких оснований подключаться к германской агрессии, поскольку всем известно, что после урегулирования в отношении Бессарабии у Советского Союза не было никаких требований к Румынии, и он много раз заявлял о своем желании видеть Румынию миролюбивой и независимой. Гафенку ответил, что он глубоко сожалеет по поводу того, что Советский Союз своей политикой в последнее время ничего не сделал для того, чтобы избежать такого печального завершения дел. Он сослался на прошлогодний жесткий ультиматум по вопросу Бессарабии и Буковины, последовавшие за ним постоянные нарушения румынской границы, жестокости в нижнем Дунае. «Советский Союз утратил доверие к себе в Румынии и породил страхи, что существование румынского государства в опасности. Поэтому Румыния стала искать помощь у другой стороны. Эта помощь не была бы Румынии нужна, и она ее не искала бы, если бы ее не избили, и если бы она не чувствовала, что ей угрожают» (Ibid. P. 361).

Подобные мысли были широко распространены и у нас.

В 1940 году Германия и Советский Союз были друзьями. Договор 1939 года был в силе. Эту дружбу и хорошие отношения настойчиво подчеркивали с обеих сторон. В конце июня ТАСС, официально опровергнув слухи в иностранной печати о сосредоточении советских войск в странах Балтии против Германии, заверил, что «Этими слухами нельзя подорвать добрососедские отношения между Германией и Советским Союзом, вытекающие из соглашения о ненападении, поскольку эти отношения основываются не на случайных конъюнктурных соображениях, а на жизненных интересах Советского Союза и Германии». Выступая на сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 года Молотов, опровергнув появившиеся в английской печати измышления о возможности разногласий между Советским Союзом и Германией, заверил, что

в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии. В конце августа 1940 года по случаю первой годовщины договора газеты обеих стран публиковали почти восторженные слова по поводу советско-германского сотрудничества. Договор от 23 августа 1939 года соответствует своему назначению и приносит пользу обеим странам, а также полностью отвечает возлагавшимся на него ожиданиям, писали в Германии. Ситуация на Востоке стабилизировалась, и опасность разногласий между Германией и Россией устранена навечно. Москва смогла ликвидировать на своей границе ряд факторов, вызывавших постоянное беспокойство, и сделала это таким образом, который, помимо стабилизации обстановки, создает дальнейшие условия для упрочения мира в этом районе. Мир вернулся на север Европы. «Двенадцать последних месяцев были самыми успешными для советской внешней политики». Германия, со своей стороны, упрочила свою восточную границу и обеспечила себе бесперебойные товарные поставки из России. Так писала германская печать.

В московских газетах ссылались на слова Молотова на сессии Верховного Совета о том, что вражда и войны между Россией и Германией, как показывает история, не шли на пользу никому из них, а также повторяли, что советско-германский договор основывается на коренных интересах обоих государств. Он создал прочную основу для мира в Восточной Европе. Позднее, осенью, и даже в начале следующего года в германской печати продолжали появляться подобные публикации. В конце сентября политический обозреватель «Берлинер Бёрзенцайтунг» писал, что Германия, Италия и Япония «полностью согласны с тем, что Россия имеет право на собственное жизненное пространство, а также на ведущее положение в этом районе, который охватывает т.н. евроазиатскую зону». В конце октября «Франкфуртер Цайтунг» отмечала, что в настоящее время жизненно важные интересы обоих государств вызывают меньше трений, чем в 1914 году. «Их жизненные пространства соприкасаются, но не накладываются одно на другое. На каждом из них может жить по-своему и быть счастлив большой народ. Так обстоят дела сейчас, и так они будут обстоять и после войны, и так они определяют внешнюю политику каждого из этих

двух государств. Понимание пользы, которую приносит согласование интересов наших стран, живет в умах руководства и правящих кругов двух народов. Они стали умнее, они извлекли уроки из истории». Еще 10 января 1941 года «Франкфуртер Цайтунг» писала по поводу советско-германских экономических соглашений: «Напрасно полагать, что отношения между Германией и Советским Союзом могут испортиться. Тот, кто думает, что между Германией и Советским Союзом могут возникнуть противоречия, неправильно понимает суть и характер большой политики. [...] Жизненно важные интересы Германии и Советского Союза не пересекаются. Миру следует привыкнуть к взаимопониманию между Германией и Советским Союзом, это европейская реальность».

Выше я говорил, что во время нашей Зимней войны официальная Германия в силу договора с советской Россией занимала полностью нейтральную позицию. Германские газеты писали о наших делах скупно. Правда, наша героическая борьба вызывала уважение и восхищение в германском народе, ценящем твердость духа и военные традиции. Но германский фюрер Гитлер смотрел на проблемы прохладно, в соответствии с интересами Германии, как он их понимал и излагал в своей книге «Майн кампф». Я уже упоминал, что Гитлер в речи 19 июля 1940 года отнес Финляндию к государствам, в отношении которых у Германии не было интересов. В Финляндии, однако, жила надежда, что Германия поддержит нас перед своим партнером по договору для сохранения нашей независимости, от которой, как мы думали, и Германии будет какая-то польза. В опубликованной 22 июня 1941 года ноте Риббентропа говорится, что советское правительство на переговорах 1939 года заявило, что оно не намерено оккупировать, большевизировать или захватывать государства, находящиеся в зоне своего влияния.

Наши отношения с Германией развивались благодаря экономическому сотрудничеству. Весной 1939 года было подписано торговое соглашение, и из-за начавшейся войны экономические связи с Германией приобрели для нас решающее значение. В 1940 году наш экспорт в Германию составлял 54,1% и импорт оттуда 20,6% от общего объема нашего экспорта и импорта. В числе получаемых нами из Германии товаров были необходимые нам продукты питания, и мы, в свою очередь, поставляли в Германию важные для

нее товары. Осенью 1940 года в подходах Германии к Финляндии мы начали ощущать изменения. Из осторожных высказываний дипломатов в Москве в конце лета-начале осени можно было сделать вывод, что Финляндия, по их мнению, входит в советскую зону влияния. Но позднее мы заметили, что интерес Германии к нашей стране увеличился. Наглядным примером этого стало заключенное между Финляндией и Германией в конце сентября соглашение о транспортировке германских войск через Финляндию в Норвегию и обратно, о чем писали и советские газеты. Поначалу в соглашении шла речь о перевозке германских солдат, отправляющихся в отпуск, и это было небольшое количество. Такие перевозки производились осенью и зимой, вплоть до мая 1941 года. Соглашение, таким образом, было таким же, как и заключенное Германией со Швецией. Молотов поднял этот вопрос в беседе со мной в конце сентября, спросив, в каких количествах будут производиться перевозки солдат и куда они направляются. Я ответил, что не могу дать точной информации. Сослался на соглашение Германии со Швецией, заметил также, что мы имеем с Советским Союзом такое же соглашение о транзите в Ханко. Из этого возник описанный мною ранее разговор, в ходе которого Молотов утверждал, что соглашение о транзите в Ханко основывается на Мирном договоре, а я высказывал иное мнение. В Кремле еще неоднократно возникал разговор о перевозке германских солдат. Никаких протестов Молотов не заявлял. Он хотел получить только более точные данные о количестве перевозимых войск, но я давал лишь общие ответы. Когда я сказал, что германские войска следуют через Финляндию в Норвегию, но нам неизвестно, в какое место, Молотов заключил: «Это дело немцев, советскому правительству достаточно знать, что они не остаются в Финляндии». С германской стороны Кремлю заявили, что вопрос носит транспортно-технический характер и не имеет никакого политического значения для Советского Союза. После этого Молотов не возвращался к этому вопросу.

В течение осени бóльшее внимание Финляндии стали уделять и германские газеты. И в ноябре имперский канцлер Гитлер в беседе с Молотовым в Берлине счел необходимым в политических интересах своего государства поддержать нас так, как об этом было рассказано ранее.

Позднее я узнал, что подписание соглашения о перевозках и передвижение по стране на его основе германских войск вызвало у людей чувство безопасности и облегчения. Соглашению придавали большее значение, чем оно имело. Интерес Германии к Финляндии, проявившийся в соглашении о перевозках и в беседе Гитлера с Молотовым в ноябре, не помешал Кремлю позднее выступить против нас резко и угрожающе: в декабре 1940 года в связи с президентскими выборами, в вопросе об оборонительном союзе Финляндии со Швецией и в переговорах по проблеме никеля в Петсамо.

По сути дела в отношениях между СССР и Германией налицо было не просто похолодание, а разрыв.

Начиная с осени 1940 года барометр странного сотрудничества Германии и Советского Союза, который больше года постоянно показывал хорошую погоду, задрожал, стрелка опустилась, стала показывать «переменно» и довольно часто «буря», несколько раз она пыталась подняться, предсказывая хорошую и устойчивую погоду, пока через девять месяцев все ни было сметено мощнейшим землетрясением. Так описывает Гафенку развитие дружбы, сформированной в августе 1939 года. Он предполагает, что Гитлер, пойдя на августовский договор, исходил из того, что Советский Союз вернется примерно к границам 1914 года. (Добавлю: неизвестно, было ли в отношении Финляндии условлено, что граница между зонами влияния Советского Союза и Германии пройдет по Ботническому заливу и реке Торнионйоки, или же этот вопрос так детально не рассматривался.) В награду советская Россия должна была придерживаться благожелательного нейтралитета и поддерживать экономическое сотрудничество с Германией. Но в остальном Советский Союз должен был вести себя тихо и не мешать Гитлеру осуществлять свои великие замыслы. Советский Союз с большим удовольствием произвел захват земель, но не захотел оставаться в стороне от Балкан и, будучи великой и мировой державой, не участвовать в установлении мировых порядков. Когда Гитлер под прикрытием августовского договора в 1940 году добился впечатляющих побед и поставил континентальную Европу под свою власть, то, как кажется, он стал меньше ценить дружбу с советской Россией, считает Гафенку.

Москва скорее всего неодобрительно наблюдала за большими победами Германии на западном фронте. «Кремль не восхищается ими», говорили в дипломатических кругах Москвы. В русском народе сильны антигерманские настроения. «В Советском Союзе обычно с симпатией относятся к западным державам, хотя сейчас политику формирует Германия. В Советском Союзе считают, что в будущем он станет объектом нападения Германии. В Советском Союзе сейчас преобладает самоуверенность и убеждение, что его вооруженные силы будут достаточно сильными, чтобы победить и Германию», – это были высказывания моего соотечественника, техника, который еще в царское время переехал в Россию, которые я занес в свой дневник 17 сентября 1940 года. Он имел контакты в высших научно-технических кругах СССР. Антигерманские и благожелательные в отношении Англии настроения прозвучали в одном докладе, с которым в конце августа выступил в московском Центральном парке член Центрального комитета ВКП(б) т. е. весьма высокопоставленное лицо, о внешней политике Советского Союза и международном положении. Он иронично говорил о Германии и ее победах, но в самом положительном тоне об Англии и о возможности ее победы. Такие же насмешливые высказывания о Германии и о ее военных победах были в докладе русского генерал-майора в конце октября, который также весьма положительно отзывался об Англии. В Советском Союзе подобные выступления, предназначенные для управления общественным мнением, конечно же, не содержали ничего противоречащего официальной точке зрения.

Не собираюсь более подробно останавливаться на развитии отношений между СССР и Германией осенью и зимой 1940–1941 гг. У меня для этого нет и материала. Первые трения между Германией и Советским Союзом проявились в балканских делах, говорил Гафенку. В конце августа 1940 года посредничество Германии и Италии в споре между Румынией и Венгрией, гарантии, данные Румынии, за которыми вскоре последовало вступление германских войск в Румынию, в середине сентября созыв дунайской конференции. От обоих этих событий Советский Союз держали в стороне, что вызвало недовольство и протесты Москвы. Третья причина – тройственный пакт в конце сентября, который отодвинул германо-советский договор и дружбу с Россией на задний план и выдвинул Японию, наряду с Германией и Италией, на руководящие

позиции в мире. Балканские дела и особенно Тройственный пакт означали начало новой политики в мире, от которой советская Россия была отстранена, да она и не хотела в этом участвовать. Все это не могло не подействовать на Кремль. Общее мнение дипломатического корпуса в Москве сводилось к тому, что Тройственный пакт и заложенный в нем раздел мира был не по нраву Советскому Союзу. «Другое дело, писала "Правда", удастся ли участникам пакта на практике осуществить подобный раздел зон влияния». Статья не содержала никакой критики соглашения, а лишь заверение, что Советский Союз продолжит «свою политику мира и нейтралитета»

Взаимоотношения между Германией и Советским Союзом осенью и зимой 1940-1941 гг. были весьма примечательными. Гитлер продолжал свою политику, особо не обращая внимания на своего партнера по договору. Сталин, как казалось, напротив, стремился поддерживать отношения с Германией и продолжать экономическое сотрудничество с ней. Ответные действия Советского Союза на неприятные для него акции Германии ограничивались официальными заявлениями, поступавшим главным образом через ТАСС: «La guerre des communiquées» – «война коммюнике», удачно выразился Гафенку. Осенью 1940 года именно так было выражено недовольство СССР по поводу оккупации Румынии⁸⁰ и присоединения Венгрии к тройственному пакту.

22 июня 1941 года в заявлении о войне Гитлер говорил, что он хотел обсудить состояние отношений с СССР и пригласил для этого Молотова в Берлин. Гафенку считает, что осенью 1940 года Гитлер задумал наступление на Ближний Восток после подчинения Балкан Германии. До этого, однако, следовало мирно поговорить с Советским Союзом. Поэтому Молотов и поехал в Берлин. По итогам визита с германской стороны, как в печати, так и по другим каналам высказывалось удовлетворение. Все прошло отлично. Через восемь месяцев в заявлении о войне Гитлер, однако, дал совершенно другую картину о переговорах, перечислив требования Молотова и свои обвинения в адрес Советского Союза. «Маловероятно, говорит Гафенку, что Молотов, известный своей осторожностью и

⁸⁰ Имеется в виду передача северной Трансильвании из Румынии в состав Венгрии по решению германско-итальянского арбитража 30 августа 1940 г.

молчаливостью, раскрыл свои мысли такому страшному партнеру по игре. Надо полагать, что разговор, который касался четырех пунктов, перечисленных Гитлером, проходил в более общей форме и в нем использовали такие выражения, за которые нельзя было ухватиться». Переговоры в Берлине, за исключением экономики, результатов не дали. Наоборот, Гитлер сделал вывод, что германский империализм больше не мог идти по одной линии с российским империализмом. К таким выводам приходит Гафенку, рассуждения которого, в особенности относительно Стамбула и вопроса о проливах, основываются на беседах с авторитетными представителями посольства Германии (*Gafenco G. Op.cit. 133–138*).

О чем думали и к чему стремились в руководящих кругах Советского Союза и Германии после поездки Молотова в Берлин и до июня 1941 года, мы получим более ясную картину только в будущем. С другой стороны, экономическое сотрудничество продолжалось: еще 10 января 1941 года были заключены новые соглашения, которые расширили двусторонний товарообмен. Однако Германия, невзирая на Советский Союз, продолжала неуютную ему политику, особенно на Балканах. Кремль выражал свое недовольство через «войну коммюнике». В январе и марте это было сделано в связи с вводом германских войск в Болгарию. В марте Советский Союз и Турция опубликовали совместное заявление, в котором говорилось о возможности нападения на них. В апреле демонстративно и в праздничной инсценировке был подписан договор о дружбе и ненападении между Кремлем и правительством Югославии, которое свергло дружественную Оси власть и остановило процесс вступления страны в Нройственный пакт. В этой связи Германия напала на Югославию и за короткое время овладела страной. Кремль, очевидно, просчитался, полагая, что Югославия сможет обороняться по крайней мере несколько месяцев и хотел подбодрить ее упомянутым договором. В «Правде» и «Известиях» были большие фотографии с церемонии подписания, а также передовые статьи по этому поводу. Договор был явно направлен против Германии и вызвал там большое недовольство и подозрения. События в Югославии сопровождались инцидентом между Советским Союзом и Венгрией. С развалом югославского государства под ударами Германии Венгрия принялась захватывать свои прежние территории. Когда венгерский посланник высказал в НКВД пожелание, чтобы Советский Союз признал

действия его страны оправданными, Вышинский ответил в острой форме, что, мол, советское правительство не может одобрить действия Венгрии, и добавил, что нетрудно представить, в каком состоянии была бы Венгрия, если бы с ней самой произошло такое несчастье, и ее начали бы раздирать на части.

В апреле 1941 года в Москве наконец-то был подписан договор между Советским Союзом и Японией⁸¹, который, однако, не привел к тому, чего, по всей вероятности, ожидала Германия – к сближению СССР с Тройственным пактом. Это был всего лишь пакт о нейтралитете, который оставлял Советскому Союзу независимую политику и гарантировал Японии безусловный нейтралитет во всех условиях, например, на случай возможной войны между Советским Союзом и Германией и, таким образом, укреплял положение СССР перед лицом Запада, гарантируя неприкосновенность восточных частей государства.

Скрытые цели и побудительные мотивы политики Советского Союза в это время пока неизвестны. Очевидно, зимой и весной 1941 года Кремль стремился избежать войны с Германией. Это было бы слишком опасно. Но существенные уступки, такие как передача земель, снижение безопасности государства и изменения в коммунистической системе, Сталин делать не хотел даже во имя сохранения мира. В менее важных делах он, однако, не колебался. Доброжелательным жестом в сторону Германии считали заявление, сделанное в первой половине мая посланникам Норвегии, Бельгии и Югославии, а также в начале июня Греции о том, что советское правительство больше не признает их полномочия, т.к. в представляемых ими странах отсутствуют правительства. Неудивительно, что отмена дипломатического статуса больно затронула представителя Югославии, с которой недавно в торжественной обстановке подписывался договор о дружбе.

Появление на горизонте возможности войны с Россией, конечно, повлияло на оценки положения Финляндии в руководящих кругах Германии, а также в целом на отношение Германии к Финляндии. Я лично не думал, что Германия вступит в войну с Советским Союзом, по крайней мере до тех пор, пока на Западе

⁸¹ Имеется в виду Договор нейтралитета между СССР и Японией от 13 апреля 1940 г.

бушует большая война, поскольку считал, что подобное предприятие будет не по силам даже могучей Германии. Вернусь к этому вопросу позднее. Эти размышления не повлияли на мои взгляды и действия в части, касающейся отношений между Финляндией и советской Россией.

На смене 1940–1941 годов наши отношения с Советским Союзом были далеко не в лучшем состоянии. Тем не менее я надеялся и по-прежнему был убежден, что, с одной стороны, удовлетворение потребностей военной безопасности Советского Союза и поддержание хороших отношений с великим соседом, с другой – сохранение собственных идеалов и образа жизни нашего народа, его принадлежности к Северу Европы, не находятся в противоречии.

XIV

Накануне новых мировых событий. Мой уход с поста посланника

Ранее я говорил, что согласился на пост посланника в Москве на короткое время, на три месяца; затем продлил свое пребывание там сначала до осени, а затем и до весны 1941 года.

По своему характеру я серьезно отношусь к возникающим вопросам, и поэтому мое пребывание в Москве, связанное с постоянным рассмотрением трудных и важных дел, давалось мне нелегко. «Надеюсь в ближайшем будущем завершить свою командировку здесь», писал я в телеграмме в МИД 26 сентября 1940 года.

В феврале я сообщил, что уйду со своего поста в конце мая. Считал, что свои функции я в целом выполнил. Правда, отношения между Финляндией и Советским Союзом не были столь хорошими, как они могли бы быть, но ряд важных вопросов, как вытекающих из Мирного договора, так вставших в иной связи, были решены. Мое желание покинуть свой пост подкреплялось и тем обстоятельством, что я был не удовлетворён политикой нашего правительства в отношении Советского Союза. Хотя правительство в основном принимало мои предложения, ход рассмотрения вопросов, на мой взгляд, не всегда был достаточно взвешенным, и в целом политика зимой 1940-1941 гг. особенно в связи с проблемой никеля, не была в должной степени осторожной. 20 февраля 1941 года в телеграмме в МИД я писал: «Поскольку замечаю, что наши мнения относительно внешней политики нашей страны не всегда достаточно совпадают, поскольку вы не доверяете моим политическим оценкам и опыту, и поскольку ни в коем случае не хочу иметь малейшее отношение к политике, которая может привести к катастрофе, то направляю

с ближайшим курьером Виттингу заявление о моей отставке. Тем самым, однако, не хочу доставить правительству ненужные сложности». К тому же я заметил, что правительство больше не считает мои услуги стране столь необходимыми, что моей обязанностью было бы пожертвовать собой и остаться в Москве. «Таким образом, вопрос может быть разрешен к взаимному удовлетворению», писал я министру иностранных дел.

В середине марта 1941 года вместе с женой посетил Хельсинки. В тот же день был на переговорах у президента вместе с премьер-министром Рангеллем, министром иностранных дел Виттингом и нашим посланником в Берлине Кивимяки. В последовавшие дни встретился с представителями самых разных кругов. Слышал от находящихся в стране немцев, правда, не занимающих ответственные посты, открытые речи о начале в ближайшем будущем войны между Германией и советской Россией. В Финляндии в это также достаточно широко верили. Хотя мои мысли, расскажу о них позднее, шли в другом направлении, все это привело к тому, что сообщил министру, что ухожу в отставку так быстро, насколько это только возможно. Однако мой уход перенесся на конец мая.

Информация, поступающая от наших представителей за рубежом относительно развития отношений между Германией и Советским Союзом и о возможности войны, была противоречивой. На этот счет повсюду, не только в Финляндии, циркулировали слухи. Звучали мотивировки как в пользу войны, так и против. Гафенку в своей часто цитируемой здесь книге подробно излагает ход мыслей, который, по его мнению, привел Гитлера к нападению на Советский Союз в июне 1941 года. Главные причины, конечно, носили геополитический характер. Война против Англии пошла не так, как ожидал Гитлер. Германия не смогла победить островное государство, и война затянулась. Для ее продолжения Германии требовались ресурсы советской России, чтобы преодолеть блокаду, установленную Англией. Правда, после соглашения «Риббентроп-Молотов» Германия находилась в экономическом сотрудничестве с Советским Союзом, получала достаточно сырья, но после охлаждения политических отношений Гитлер больше не мог доверять своему партнеру. К тому же по мере расширения экономических связей Германия все в большей степени попадала в зависимость от товарных поставок из СССР и возникала опасность,

что в подходящий момент Советский Союз доставит Германии неприятности. Наиболее надежным казалось вернуться к идеям книги «Майн кампф» и к программе великой Германии, т. е. брать силой то, что надо: ресурсы на Украине и нефть на Кавказе. Зачем просить то, что можно взять силой? Если бы в руках у Германии, помимо континентальной Европы, были богатства России, то, может быть, открылась бы возможность мира на Западе, поскольку можно было бы идти на уступки.

К войне против советской России можно было бы добавить и идеологический аспект, который не был бы решающим, но мог помочь: Советский Союз был большим врагом Европы, которого боялись все соседи. Уничтожение большевизма, крестный поход Европы против советской России, могли бы привнести в это дело немного идеализма, который позволил бы Германии выступить в новой роли – спасителя малых государств. Это подправило бы репутацию Германии, пострадавшую в результате ее действий в отношении Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии и других стран.

Военная сила советской России не составит серьезных проблем, так думали в Германии. Зимняя война показала, что в военном отношении Советский Союз не так силен. Войска СССР будут не в состоянии сопротивляться победному шествию германских армий. Война будет короткой, закончится в течение нескольких месяцев, еще до зимы. В любом случае было выгодно напасть на советскую Россию, пока Сталин не успел достаточно укрепить свои вооруженные силы и всю свою военную машину. Решающая победа на Востоке помогла бы установить мир на Западе.

Итак, Гитлер кинулся из одной крайности в другую: от сотрудничества с большевистским Советским Союзом к войне за уничтожение большевизма. Посол Германии в Москве и его помощники, насколько нам известно, сделали все возможное для предотвращения войны. Результат усилий графа фон Шуленбурга был таким же незначительным, как и за два века до того у французского посла в России Коленкура⁸², который слал серьезные предупреждения Наполеону.

⁸² Французский дипломат, оставивший мемуары о службе Наполеону и,

Гафенку, как мне кажется, в отсутствие полной информации, дает нам основные моменты мотивов Гитлера для наступления на Восток.

В соответствии с великогерманской программой значительная часть европейской России должна была стать некоей колонией Германии. После начала германского наступления в июне 1941 года пошли разговоры о том, как будет разделена Россия, по крайней мере ее европейская часть. Питер, если не будет полностью уничтожен, станет международным торговым городом. Южная Россия, Украина, Крым, районы Дона и Кавказ, Западная Россия и балтийские страны будут разделены вплоть до линии «А-А» (Архангельск–Астрахань). Так говорили. На этой территории проживало примерно 80-100 млн человек.

В своих планах Германия исходила из того, что советская Россия будет разбита. В этом отношении в Германии, как и в Финляндии, имели место ошибочные представления. Военную мощь, экономическую, общественную и национальную твердость Советского Союза недооценивали. В финских военных кругах преобладало убеждение, что Германия победит. Война будет короткой. Один финский генерал, который также верил в начало войны, в марте 1941 года убеждал меня, что Германия разобьет Советский Союз в течение шести недель. Другие давали четыре месяца. Когда война началась в июне, полагали, что она закончится до зимы. Вера в блестящую и быструю победу и полный крах советской России упорно жила также в военных кругах. В Финляндии подобная вера базировалась на оценках хода Зимней войны. Поскольку мы в одиночку и будучи плохо подготовленными противостояли Советскому Союзу три с половиной месяца, то не могло быть сомнений, что могучая Германия, которая уже продемонстрировала свое военное превосходство не только в Польше, но и против Франции, уже не говоря о захвате Голландии, Бельгии, Норвегии, Дании, Балканских государств, а также Крита, в короткое время разобьет советскую Россию. Оценки финской войны, однако, были недостаточно глубокими. В своем рассказе о Зимней войне я уже говорил, как советское политическое и военное руководство, начиная наступление на нас осенью 1939 года, серьезно

в частности, о его походе в Россию.

ошиблось: оно не ожидало, что здесь будет настоящая война, что мы окажемся в состоянии оказать настоящее сопротивление. Поэтому наступление Советского Союза в декабре 1939 года и в январе 1940-го не было достаточно подготовлено и руководство им не было на высоте. Осознав свои ошибки, советское руководство сосредоточило крупные отвечающие поставленной задаче силы и в начале февраля начало мощнейшее наступление на Карельском перешейке. Война советской России «по правилам искусства» началась 1 февраля и в короткое время привела к известному результату. Все это прошло мимо нашего внимания. Кроме того, советское руководство, используя опыт финской войны, в течение 15 послевоенных месяцев занималось модернизацией своей военной машины. Не надо было быть военным экспертом, чтобы заметить ошибочность выводов относительно состояния советских вооруженных сил, сделанных на основе Зимней войны.

Сами русские довольно оптимистично оценивали мощь своей армии.

Ранее упомянутый мой соотечественник, инженер, проживающий в России еще с царских времен, а до этого работавший в США и имеющий связи в высших технических кругах СССР, часто рассказывал мне об условиях в Советском Союзе, о его экономическом развитии и настроениях здесь. Я все чаще замечал правоту его оценок как успехов в развитии советской экономики, так и ее недостатков. Он рассказывал, что в тех кругах, в которых он вращался, в последние годы много говорили о возможном нападении Германии. В сентябре 1940 года после беседы с ним я сделал следующую запись в дневнике: «Пару лет тому назад в Советском Союзе широко распространилось мнение, что Германия хочет заполучить юг России – Украину до Ростова, а также Крым. В Советском Союзе считают, что нападение Германии неизбежно. Симпатии в основном на стороне западных держав, хотя политика ведется по германским схемам. Ведь западные державы, Англия и Франция, в 1939 году не отдали страны Балтии Советскому Союзу, а Германия отдала. Балтийские государства нужны Советскому Союзу для создания военно-морского флота, который должен быть достаточно большим, чтобы господствовать в Балтийском море и победить германский, если будет такая необходимость, а также чтобы он мог самостоятельно выходить из Балтики. В Советском Союзе сейчас

значительно окрепла вера в себя и существует твердое убеждение, что необходимо укреплять свои вооруженные силы, чтобы они могли победить и Германию». В середине мая 1941 года мой соотечественник рассказал о своем разговоре со знакомым из научно-технических кругов: «Война закончится для Германии плохо, ведь американские поставки военного имущества и особенно самолетов Англии идут в таких объемах, что не будет проблемой уничтожить немецкие города и промышленные предприятия. Русские весьма оптимистично настроены относительно войны с Германией. Тимошенко заметно укрепил военную мощь России. Однако они думают, что война вряд ли начнется именно сейчас, поскольку Гитлер понимает слабость Германии и стремится избежать войны с Россией. Говоря о финской войне, в которой советская армия показала себя не с лучшей стороны, они утверждают, что русские солдаты не хотели участвовать в агрессивной войне против Финляндии. В Ленинграде проводились собрания, на которых проявились такие настроения, люди задавали вопросы, зачем русским лезть в Финляндию. Но ленинградские руководители заставляли солдат идти в наступление и говорили, что война продлится только несколько дней. Но если будет нападение на Советский Союз, то армия будет сражаться совсем не так, как в Финляндии».

30 мая 1941 года: «Здесь в некоторых кругах по-прежнему опасаются нападения Германии. Причина нападения – Германии нужны земли, Украина. Русские, однако, настроены оптимистично относительно своих оборонных возможностей. Если нападет Германия, то для Советского Союза это будет оборонительная война, и тогда поднимется весь народ как один человек, а Сталин будет великим народным вождем. Советский Союз способен на оборонительную войну, но не на наступательную. Война с Финляндией была наступательной».

Я слышал, как у нас говорили, что у Советского Союза были солдаты и вооружение, но руководство войсками было слабым. В этой связи я вспомнил войны Французской революции, когда молодые люди мгновенно поднимались до уровня военачальников, со славой вписавших свои имена в военную историю, причем среди них были победители сражений еще до Наполеона. В наших рассуждениях без внимания остается то важное обстоятельство, что

Советский Союз будет вести именно оборонительную войну, так же как обстояло дело и с войной Французской революции 1793–1794 гг. и даже немного позже. «Отечество в опасности», провозгласил Национальный конвент, и солдаты в тряпье, часто босиком отчаянно сражались, охваченные духом защиты Родины.

Из моего дневника 14.05.1941 после беседы с одним дипломатом: «Если Советский Союз подвергнется нападению, то Сталин в роли руководителя всех народов советского государства, будет занимать столь прочные позиции, что сможет проводить тактику Александра I в 1812 году, а именно: поднять волну патриотического воодушевления и на ней вести оборону, что сделает СССР гораздо сильнее, чем думают немцы».

Информацию о вооруженных силах Советского Союза и о качестве их оснащения добыть было непросто, и развитие событий показало, что как в Германии, так и в Финляндии на этот счет ошибались. Кое-что было известно о развитии тяжелой и военной промышленности. На партийном съезде в январе 1934 года Сталин заявил: «Развитие явно идет к новой войне», и позднее повторил это. Возможность войны он постоянно учитывал в своей деятельности. Нападение на Россию было бы «une affaire très risquée» – «крайне рискованное предприятие», говорили некоторые дипломаты в Москве, когда я наносил им прощальный визит.

Следует помнить слова Галейрана: «La guerre est une chose beaucoup trop sérieuse, pour être laissée aux militaires» – «Война слишком серьезное дело, чтобы его отдавать военным». Гражданские лица, особенно в правительстве, но и в других местах, должны самостоятельно обдумывать все проблемы, связанные с войной. Они не могут прятаться за спины военных.

Со своей стороны я считал, что оценки в отношении Советского Союза ошибочны. Недооценены его военная мощь, экономические, национальные и общественные условия, а также внутренняя прочность. В моем первом докладе 14 мая 1940 года, о котором я уже упоминал, подчеркивал, что вопреки мнению, распространенному в некоторых кругах Финляндии, советская Россия в военном отношении вовсе не слабая, хотя, так же как и царская Россия, вряд ли выдержит в одиночку войну против великой державы. Писал, что при этом не следует учитывать возможность каких-то внутренних

переворотов. Отмечал, что позиции у Сталина прочные. В качестве собственного мнения сообщал, что во внутреннем отношении, так же, как и в общественном и национальном плане, советская Россия отнюдь не слабая, поскольку большинство ее населения выросло на идеях большевизма, и поскольку из всех национальностей великороссы составляют безусловное большинство. Так я оценивал положение Советского Союза.

В тот же день 14 мая 1940 года я писал министру иностранных дел: «Большой ущерб нам нанесло отсутствие правильного представления об условиях в России, разобраться в которых здесь непросто. Иностранные дипломаты здесь практически ничего не знают, поскольку приезжают со своими готовыми мнениями и живут изолированно от местных руководящих кругов... Большинство иностранцев и особенно мы, финны, имеем ошибочное и основанное на предрассудках представление о здешних условиях и их развитии. Считается, что все в России идет по нисходящей и ожидается крах. Не надо здесь долго находиться, чтобы понять: Финляндия не может строить свою политику на подобных взглядах».

1 декабря 1940 года я писал в одном письме: «В “Правде” и “Известиях”, а также в любой другой газете вы вряд ли найдете хоть одну статью, где громко ни говорилось как же хорошо живет в советском государстве по сравнению с другими странами, как же счастлив советский народ и насколько счастливее он будет в будущем. Пропаганда здесь безмерна, думаю, она даже более эффективна, чем в Германии... На сегодняшний день 80% населения Советского Союза выросло после революции, и они убеждены в правдивости пропаганды, которая трубит им одно и то же... Конечно, военная промышленность дает результаты, это мы испытали на себе. Утверждают, что тяжелая промышленность успешно развивается. Уровень жизни народа вряд ли вырос. Но в соответствии со сталинской программой сначала должна подняться тяжелая промышленность, которая производит средства производства. Легкая промышленность, которая производит товары народного потребления, может подождать. Об армии, конечно, следует заботиться. На военные цели идет, пожалуй, до трети национального дохода. Возможность развала системы изнутри поэтому ничтожна, если, конечно, этим не займется армия, но то, что мы видим в армии, выглядит неплохо». 26 декабря 1940 года в другом

письме я повторял: «Вооруженные силы Советского Союза сегодня еще сильнее, чем год назад».

Когда начали раздаваться речи о планах великой Германии, 1 марта 1941 года я написал президенту Финляндии, в частности, следующее:

«Захват и управление Украиной и тем более южной Россией и Кавказом ужасно сложное дело, и оно будет не по силам даже мощной Германии. Эти районы плотно населены. Для Германии, в державе которой уже 10 млн чехов и 15 млн поляков [Мне бы стоило добавить: 8,5 млн голландцев, 8,3 млн бельгийцев, 42 млн французов, 3,7 млн датчан, 2,8 млн норвежцев, а также ряд балканских народов], это непосильная задача. Здесь есть такие (русские), которые опасаются, что Германия замышляет нападение на Советский Союз. Гитлер действительно высказывает такие мысли в своей книге «Майн кампф», но он обуславливает это достижением согласия с Англией. Дела, однако, идут совсем по-другому».

Из моего дневника 13 июня 1941 года, я накануне вернулся в Москву из Хельсинки после беседы с президентом: «Я сказал, что если Германия начнет войну против Советского Союза, то вполне возможно, что она в конце концов потерпит поражение. Во-первых: Советский Союз сильнее, чем его оценивают, его сопротивление также будет сильнее. Во-вторых: Советский Союз будет долго продолжать войну, он не пойдет на мир, а поскольку Англия и США – враги Германии, то в ходе длительной войны Германия может не выдержать. Германия не в состоянии нанести Советскому Союзу такой удар, чтобы он не смог обороняться». Я подчеркнул, что военную мощь Советского Союза недооценивают. Сталин может сплотить народ вокруг себя, и, поскольку речь идет об оборонительной войне, стать народным лидером. Он может вести длительную войну, отойти на Восток, но сдаваться не будет. Если Германия в конечном счете потерпит поражение, то Советский Союз будет участвовать в подготовке нового версальского мира. И тогда наша судьба будет печальной. Тогда мы будем одиноки, а Кремль не забудет нашего поведения.

«По мнению Рюти, у нас нет выбора. Советский Союз в любом случае не будет соблюдать московский мир, а нападет на нас».

Президент Рюти имеет глубокие сомнения относительно намерений Советского Союза. Он, как и многие финны, уверен, что советская Россия не откажется от захвата Финляндии. К тому же он разделяет распространенную в Финляндии точку зрения, что планы Советского Союза идут дальше: захват Скандинавского полуострова. Из этого вытекало, что единственное спасение Финляндии в том, чтобы Германия разгромила Советский Союз. В таком безнадежном тупике оказались отношения между Финляндией и Советским Союзом.

В этой связи стоит упомянуть, что ранее, весной 1941 года в Хельсинки меня от имени нашего МИД заверяли, что речь об участии Финляндии в возможной войне между Германией и советской Россией не идет. 8 мая, незадолго до моего возвращения в Москву, министр иностранных дел Виттинг, как записано в моем дневнике, сказал мне: «В области внешней политики Финляндия, как и Швеция, нейтральна и будет оставаться на этой позиции. Во внешней политике Финляндии никакого поворота не произошло (новый советский посланник Орлов утверждал, что заметил такой поворот). У нас также нет намерения мстить, мы хотим оставаться на позициях Московского мира». Исходя из всего этого 30 мая 1941 года будучи у Сталина с прощальным визитом, я заявил, что мы будем продолжать нейтральную политику.

За границей не придавали особого значения тому выигрышному положению, которое в моральном плане получил бы Советский Союз, став объектом открытого нападения в последующей войне. Позднее, наконец, заметили, что война стала для России «второй Отечественной войной», а Сталин поднялся до уровня великого вождя народа России.

Для Германии было важно не только добиться победы на поле боя. Ее целью было, как уже говорилось, заполучить обширные территории в России, превратив их в колонии или править ими иным образом. Этот замысел я относил к разделу фантазий. В наше время с помощью войны вряд ли удастся осуществить подобное гигантское намерение. Россия, хотя во многом и отличается от Западной Европы, это не старая полудикая Африка. Россия имеет обширную, богатую и единую территорию. Здесь проживает народ,

насчитывающий 170–190 млн человек, из которых 100 млн великороссы, а 35 млн их ближайšie родственники – малороссы. Народы России создали культуру, которая во многих отношениях находится на передовых позициях. За ними стоит почти тысячелетняя история. Цель Германии – оторвать от этой страны 80–100 млн жителей. Успех подобного предприятия более чем сомнителен. В целом представляется, что захватническая война отжила свой век и больше не пригодна как инструмент для осуществления подобных грандиозных целей. Большие народы нельзя уничтожить войной или произвольно разделить. Большой так может поступить только против малого, но и тогда результат будет сомнительным. Из моего дневника 29 апреля 1941 года (из беседы с президентом Финляндии): «Великороссов почти 100 млн (украинцев около 35 млн). Великороссы будут всегда существовать, они составляют великую державу, намного сильнее нас. Украина, о захвате которой говорят, жизненно важна для Советского Союза, и Советский Союз будет сражаться за нее до последнего».

Немцы и поддерживающие их недооценивают те опасности и трудности, которые, подобно лесному пожару, охватят их, когда поворот в развитии войны даст покоренным народам возможность начать сопротивление. В других кругах, в частности дипломаты в Москве, понимали это. В беседе с новым послом Франции я обратил его внимание на угрозу, исходящую для немцев от поляков, чехов, сербов и других народов, находящихся на захваченных Германией территориях, на что посол с воодушевлением заявил: «А мы, французы!». А ведь он был «человеком Виши».

Германия не осталась бы один на один с Советским Союзом. Она вела напряженную войну с Англией, за которой стояли США. Я высоко ценю Англию, история которой доказала духовные и материальные силы ее народа, нестигаемую волю во всех перипетиях, энергию и способность к выживанию. Правда, в 1939 и 1940 гг. Англия, как и Франция, неожиданно проявила военную слабость. Но если Германия нападет на Советский Союз, это будет означать кардинальное изменение расстановки сил, войну для Германии на два фронта, которую эта страна, как признавал Гитлер в своей книге, не выдержит. Сам я лично считал маловероятным, что Гитлер осмелится на подобное отчаянное, если не сказать безумное предприятие: на захват большей части европейской России и Кавказа

в то время, как на Западе бушевала большая война. Поэтому я писал в недавно упомянутом письме президенту: «На мой взгляд, подобную вероятность не следует принимать во внимание, по крайней мере до тех пор, пока идет нынешняя война. Германия сейчас так занята войной с Англией, что не может порвать отношения с Советским Союзом и нажать себе нового большого врага, а также начать войну на два фронта».

Англия и США, в 1941 и даже в 1942 году оказались на удивление слабыми в военном отношении. Выяснилось, что эти великие державы не готовы к войне. У Германии на этот счет была правильная информация. По сути дела, длительное время война шла на одном фронте, где германское оружие сияло в славе. Но Англия, которая, как всегда, в трудных условиях нашла нужное политическое руководство, не сдавалась. Повторилась обычная история больших войн: в ее ходе противник как на Западе, так и на Востоке извлек уроки из своих поражений. «Одни изобретают и применяют в войне новое вооружение, а другие его быстро копируют», говорил известный теоретик фон Клаузевиц. Угроза со стороны западных держав связывала вооруженные силы Германии на Западе, и, пока я обрабатывал написанное ранее, в июле 1944 года, реальностью стала война на двух, даже на трех фронтах.

Упомянутый фон Клаузевиц описывает и другие интересные события. Он говорит, что Бонапарт (в 1812 году) был тайным врагом всей Европы, его силы в этот момент были напряжены до крайности, изнуряющая война держала его на одной стороне (в Испании), а широкая Россия отступала на сотни миль, чтобы ослабить врага. И он констатирует коротко и сухо: российская держава не та страна, которую можно завоевать или держать в оккупации в общепринятом понимании. «Подобную страну можно покорить только используя ее собственную слабость или внутренние раздоры». «Поход 1812 года закончился провалом, т. к. в стане противника правительство стояло прочно и непоколебимо, так что он и не мог удалиться». «Да и как он мог удалиться, если император Александр не заключал мира, а его подданные не шли на бунт против него?», спрашивает он (von Clausewitz, Vom Kriege, ss. 596, 613, 615). – Современная техника, которая в 1812 году была невозможна, не в состоянии лишить преимущества безграничных просторов и глубины фронта.

Возвращаясь из Москвы, встретил в Стокгольме своего знакомого генерала Эрнста Линдера, ныне покойного. Из моего дневника 07.06.1941: «Сказал Линдеру: считаю, что вооруженные силы Советского Союза в других странах недооценивают. Они сильнее, чем полагают. Советский Союз сильнее, чем царская Россия. Сейчас Советский Союз имеет мощную военную промышленность, в то время как Россия в 1914–1918 гг. зависела от импорта боеприпасов». В первые дни войны, после нападения Гитлера, Линдер был с визитом в Финляндии. Из моего дневника 24.06.1941: «У меня генерал Э. Линдер. Он спросил, продолжаю ли я считать так же, как и в Стокгольме в начале июня, что вооруженные силы СССР недооцениваются. Ответил, что мнения своего не изменил».

19 июня 1941 года завтракали в компании бывшего президента Свинхувуда. Беседовали о положении нашей страны. Из моего дневника: «Сказал, что мы пошли вместе с Германией "på vinst och förlust" – по пути успеха или поражения. Высказал мнение, что ситуация крайне сложная, и будущее может принести нам совершенно неожиданные повороты».

Заметил, однако, что у финнов преобладает мнение, что Германия вскоре разобьет Советский Союз.

Гитлер напал на Советский Союз. Он бросился в эту грандиозную авантюру, удачный исход которой, трезво рассуждая, был более чем сомнителен. Говорят, что после неудачной войны с Англией он не имел иного выбора. Он был под давлением обстоятельств, как Наполеон в 1812 году. Главы и руководители государств, как говорят, рабы обстоятельств. Обвал событий, начатый Гитлером, поставил его перед альтернативой «либо...либо». На этот счет, конечно, можно придерживаться различных мнений, как и в отношении похода Наполеона в 1812 году. Подобные рассуждения – далеко идущий детерминизм. Основой действий Гитлера были его политические планы, в которые было заложено превосходство в силе в Европе, предполагающее сначала войну с западными державами, а затем с Советским Союзом. Ведь речь шла о коренном изменении баланса сил на континенте в пользу Германии. Для подобной борьбы с ведущими мировыми державами Германия была слишком мала и слаба. Ход событий это подтвердил. Политический план Гитлера показал «Mangel an Augenmass für politische Möglichkeiten» –

«отсутствие способности критически оценивать политические возможности», о чем часто говорил и предупреждал Бисмарк.

Если бы Гитлер осознавал неочевидность, а еще лучше невозможность успеха своего нападения на Россию, по крайней мере пока он занят войной на Западе, то заметил бы, что идет по пути, ведущему к краху. Он бы свернул с этого пути, так же, как и Наполеон мог бы избежать российской авантюры. Но это предполагало бы иную политику с его стороны. Почему политика Гитлера не выдержала бы испытания временем? Раздел Польши в XVIII веке объединил Пруссию и Россию на долгое время. Бисмарк считал, что подавление Польши и предотвращение ее подъема – общий важный интерес Пруссии и России. Четвертый раздел Польши Германией и Советским Союзом и другие действия после договора августа 1939 года также объединяли друзей. Ну и что, подтвердило время успех этой политики? Она удалась не больше, чем политика Гитлера в 1941 году и позднее, которая, подобно политике Наполеона в 1813 году, завершилась катастрофой.

Говорят: это мудрость задним числом. Сошлюсь на уже процитированные мною слова английского историка Сили (Seeley): «Это заблуждение полагать, что если крупные государственные события влекут за собой широкие последствия, то они гораздо нужнее, чем рядовые обычные события. Это заблуждение мешает объективным оценкам».

Исторические события проистекают из других событий, которые являются их причиной и объяснением. Но утверждение, что в истории действует закон безусловной необходимости, на мой взгляд, является преувеличением. Политику Советского Союза в отношении Финляндии после 1939 года можно объяснить. Но утверждать, что она в той форме была безусловно необходимой и поэтому единственно возможной, я бы не стал. То же самое можно сказать о политике Финляндии в отношении Советского Союза. Вряд ли можно согласиться с тем, что фантастические планы Гитлера покорения всей Европы были требованием каких-то законов истории и тем самым необходимыми. Напротив, это была роковая ошибка, как для Германии, так и для всего мира.

В любом случае мое предположение, что Гитлер будет избегать нападения на СССР, по крайней мере пока идет война с Англией,

оказалось ошибочным. И, напротив, мое мнение относительно неочевидности успеха этого похода, было правильным. Азартная игра кажется судьбой завоевателей и игроков в войну. Так было с Наполеоном, так было с Людендорфом весной 1918 года. Только случай – смена правителя в России – спас Фридриха Великого.

Зимой 1941 года появились признаки изменения политики Советского Союза в отношении Финляндии. Советский посланник был отозван в Москву, новым посланником был назначен Орлов, который прибыл в Хельсинки в апреле 1941 года. Я в это время тоже был в Хельсинки, и у меня состоялись два продолжительных разговора с Орловым. Ранее он входил в совместный комитет по возвращению машин и оборудования, и у финских представителей в комитете сложилось о нем положительное впечатление. Наши беседы также оставили у меня позитивное представление о нем. Я заметил, что он стремится, естественно в рамках имеющихся инструкций, работать в интересах улучшения советско-финских отношений. Да и он сам прямо заявил, что это его серьезное намерение. Он высказал сожаление по поводу моей предстоящей отставки. Мы прошлись по всем открытым вопросам и пришли к общему мнению, что важным является только один – проблема никеля в Петсамо. Он считал, что все остальные вопросы могут быть решены. Орлов даже сказал, что если появится желание, то, на его взгляд, можно было бы вернуться к вопросу об оборонительном союзе между Финляндией и Швецией. Но в проблеме никеля Кремль будет оставаться на своей позиции, поскольку считает это дело важным. Насколько ему известно, в Кремле ожидали, что я привезу из Хельсинки предложения, на основе которых мы придем к результату. На основе бесед с Орловым у меня сложилось впечатление, что в проблеме никеля мы зашли так далеко, что Кремль уже не отступит.

В ходе беседы Орлов сказал: «Есть еще одно дело, самое важное. Общее улучшение отношений между Советским Союзом и Финляндией. Этот вопрос надо решить». Это была главная цель его приезда в Хельсинки. Я рассказал о состоявшейся беседе министру иностранных дел Виттингу.

В чем была причина новой политики Кремля?

Гафенку писал: «Лишь позднее, когда сотрудничество с Германией окончательно оказалось на мели, и когда стало очевидным предстоящее столкновение со своим бывшим партнером по играм, то советское правительство задумало успокоить некоторых своих соседей и поддержать у них чувство независимости. Эта политика последнего мгновения была слишком спешной импровизацией для того, чтобы изменить положение дел.» (Gafenco G. Op. cit. 353).

Гафенку явно был прав. Но, несмотря ни на что, для нас было бы разумно еще весной 1941 года принять эту протянутую руку. Осторожность должна быть основным принципом внешней политики малого государства. Недоверие в отношении намерений Советского Союза слишком глубоко укоренилось в финском народе, а вера в военную мощь Германии, особенно у военных, была тверда как сталь. Это объясняет наши действия, но не отменяет того факта, что мы совершили роковую политическую ошибку. Очевидно, произошло что-то неизвестное мне, но оно дало основание Гитлеру сказать 22 июня 1941 года в заявлении о войне: «В союзе с финскими товарищами стоят победители при Нарвике на Северном Ледовитом океане. Немецкие дивизии под командой покорителя Норвегии защищают территорию Финляндии вместе с финскими героями под командованием их маршала».

9 мая вместе с женой через Стокгольм отправились в обратный путь в Москву, где последующие недели прошли в предотъездных хлопотах.

7 мая Сталин стал председателем Совета народных комиссаров, премьер-министром, вместо Молотова, который остался на посту комиссара по иностранным делам. Объяснений этому событию в советской печати не последовало. В дипломатических кругах Москвы полагали, что причиной стало желание показать рост значения и авторитета деятельности правительства в условиях осложнения международной обстановки. Истинный вождь государства взошел на капитанский мостик.

В мае Германия оккупировала Крит, и война с Грецией завершилась победой держав оси. Под их контролем оказались все Балканы и значительная часть восточного Средиземноморья.

15 мая все иностранные представительства в Москве получили сообщение, что передвижение по территории Советского Союза дипломатических и консульских сотрудников допускается лишь с разрешения соответствующих комиссариатов – иностранных дел, обороны или военно-морского флота. Одновременно вводился полный запрет на пребывание в большом числе специально перечисленных пунктов.

По Москве поползли слухи о возможности войны с Германией. Это стало основной темой бесед во время моих прощальных визитов к своим коллегам-дипломатам. Большинство из них считали войну маловероятной и полагали, что Гитлер, так же, как и Сталин, хочет сохранить мир. Многие полагали, что после захвата Балкан и Крита Германия нацелится на страны восточного Средиземноморья и на нефтяные месторождения Мосула⁸³, что станет альтернативой войне с Советским Союзом и захвату нефтяных месторождений Кавказа. Германский посол, так же, как и другие сотрудники его посольства, опровергали слухи о войне с СССР. «Шуленбург – старый профессиональный дипломат, говорит он очень осторожно, и верить ему никогда нельзя», – сделал я запись в своем дневнике после беседы с ним.

В словах дипломатов в адрес Финляндии в связи с Зимней войной всегда звучала искренняя симпатия. Причем это было характерно не только для представителей малых государств, что вполне понятно, поскольку, несмотря ни на что, малые народы ощущают себя под угрозой и испытывают некое единство судеб, но и для представителей великих держав. С удовлетворением отмечали, что теперь положение Финляндии улучшилось. «Вы здесь успешно работали в крайне тяжелых условиях», говорил посол Италии Россо. Я не мог не заметить теплых человеческих чувств в адрес Финляндии. Правда, в современной международной политике они значат не очень много, но все равно их воспринимаешь с удовольствием.

⁸³ Город на севере Ирака.

Когда я был с прощальным визитом у посла Англии сэра Криппса и заявил, что завершаю свою миссию в Москве, он сказал, улучшение отношений между Финляндией и Советским Союзом налицо. Я согласился, что, начиная с прошлой осени, они действительно улучшились. Сэр Криппс: «С тех пор, как Молотов побывал в Берлине. Критическое время было в октябре-ноябре». В разговоре затронули переговоры между Финляндией и Швецией относительно создания оборонительного союза и противодействие Советского Союза. Сэр Криппс заметил, что этот вопрос ему известен, а также что в марте он обратил внимание Молотова на неразумность сопротивления соглашению между Финляндией и Швецией со стороны СССР. Причиной негативной позиции Советского Союза было его подозрение, что за этим делом стоит Германия. Сэр Криппс предположил, что Кремль больше не будет выступать против подобного соглашения. Он также считает возможным урегулирование отношений между Германией и Советским Союзом при условии, что Гитлер не потребует себе чего-либо, касающегося обороны Советского Союза, уступки жизненно важной для СССР Украины или другого района. На подобное Сталин не пойдет, а будет сражаться.

«Вы можете быть довольны», – сказал сэр Криппс, прощаясь со мной.

28 мая был с прощальным визитом у Молотова в Кремле, в том самом кабинете, где мы с ним так часто беседовали. Поблагодарил его за любезность, которую он неизменно проявлял ко мне. Молотов высказал сожаление по поводу моего отъезда. Ответил, что мне уже давно было пора уехать, ведь я на 20 лет его старше. «По Вам этого не скажешь», вежливо ответил Молотов. Он, похоже, знал, что поначалу я собирался быть в Москве лишь короткое время и поинтересовался, что я собираюсь делать дальше. Ответил, что хочу быть свободным человеком и «раскладывать пасьянс». Вопросы, вытекающие из Мирного договора, так же, как и некоторые другие, были в основном решены. Поэтому сейчас подходящее время уезжать. Молотов на это: «Не все вопросы решены». Но мы не начали политический диалог. Прощаясь и желая друг другу «всего хорошего» сказал, что с удовольствием попрощался бы со Сталиным, с которым познакомился на переговорах осенью 1939 года. Однако я знаю, что его время перегружено и не хочу возможного создания неудобного

прецедента. (Сталин обычно не принимал иностранных дипломатов). Молотов на это: «Я спрошу».

На следующий день я был у Вышинского. В ходе беседы он сказал, что советские представители заметили мои усилия по созданию хороших отношений между Советским Союзом и Финляндией. Ответил, что это было мое искреннее стремление, и в будущем в силу моих возможностей я буду действовать в этих же целях. Добавил, что не хочу говорить о политике, но заметил в наших газетах сообщения о переговорах между Советским Союзом и Германией. Вышинский: «По каким вопросам?». Я: «По экономическим». Вышинский: «У нас с Германией экономическое соглашение, которое предполагает переговоры». Я: «Наши газеты пишут о новых соглашениях». Вышинский: «У нас есть соглашения и хорошие отношения с Германией. Не знаю ни о каких переговорах по новым соглашениям». Я не стал продолжать этот разговор, и мы пожелали друг другу «всего хорошего».

Получил сообщение, что Сталин примет меня на следующий день, 30 мая. В установленное время, в 7 час. вечера я был в его кабинете, который был такой же величины, как и у Молотова и в котором был такой же длинный стол для переговоров. Сразу после начального приветствия Сталин неожиданно сказал: «В Хельсинки недовольны Вами». Удивился по поводу этой имеющейся у Сталина точной информации. Ответил, что вопросы, вытекающие из Мирного договора и некоторые другие дела решены, и относительно их решения правительство и я придерживаемся единого мнения. Сказал также, что мы в Финляндии хотим хороших отношений с Советским Союзом, и я работал для достижения этой цели. На это Сталин сказал, что для него абсолютно ясно, что между Советским Союзом и Финляндией должны быть хорошие отношения. В этой связи я получил повод подчеркнуть, что мы хотим проводить политику нейтралитета, и мне об этом было официально сообщено в Хельсинки. Отметил также, что у нас работал созданный правительством комитет, который подготовил программу развития наших отношений в области культуры, экономики и т. д. «Но, откровенно говоря, по моему мнению мы не получили достаточной поддержки со стороны Советского Союза».

- Сталин: Надо оказать поддержку, это естественно.

- Я добавил также, что в качестве частного лица буду работать на благо создания хороших отношений между нашими странами.

- Сталин: Вы никогда не будете частным лицом. (Может обозначить, когда говорю Я, в отличие от Сталина? Как в следующем абзаце - МБ).

Затем я заметил, что многие вопросы между нашими странами решены, но все-таки кое-что осталось. Проявились разногласия в трактовке торгового соглашения. Пояснил, в чем состоит разница подходов.

Оказалось, что Сталин хорошо знает вопрос, он заявил: «Мы не ставили цель предоставлять Финляндии кредит».

- Я продолжил, сообщив, что еще в феврале Советский Союз прекратил товарные поставки в Финляндию. Например, из 70 тыс. тонн зерна поставлено только 15 тыс.

- Сталин: Так что, у вас нехватка зерна?

- Я: Иностранный импорт перекрыт, и до следующего урожая наши зерновые запасы крайне малы.

- Сталин: В знак дружбы окажу Вам маленькую личную услугу. Дам 20 тыс. тонн, так что Финляндия получит половину квоты. Но исхожу из того, что заказанные у вас суда будут поставлены вовремя.

Я поблагодарил и заверил, что суда поступят в условленное время. Сталин рекомендовал обратиться к комиссару внешней торговли Микояну, который все устроит.

Сталин был вежлив и приветлив. На следующий день в «Правде» и «Известиях» на первой странице на видном месте было опубликовано сообщение в два столбца о моем прощальном визите к Сталину.

На следующий день, когда я был у Микояна, он с любопытством удивлялся, как мне удалось попасть к Сталину и «уговорить» его выделить 20 тыс. тонн зерна. «Но сказано, сделано. Правда, было решение не поставлять зерно до нового урожая, но Сталин обещал, и вопрос был решен. Когда вы хотите зерно?». На мои слова «как можно быстрее» Микоян обещал дать

необходимые указания. Вопросом занимались так энергично, что к началу войны Германии с Советским Союзом все зерно было в Финляндии.

«Все это дело решено и организовано лично Сталиным», писал я своему министру. «Далеко идущие или политические выводы из этого вряд ли стоит делать».

«Я лично всем удовлетворен», – добавил. – «На прощальном визите я получил 20 тыс. тонн зерна вместо ордена, который часто дается уезжающему дипломату».

В Финляндии на этот счет говорили разное. Утверждали, что Сталин пытался подкупить меня. Позднее я услышал, что эти речи привлекли внимание русских. Я опровергал циркулировавшие в Финляндии версии. Конечно, решение Сталина было, и он хотел этого, знаком доброжелательного отношения к Финляндии. Но он был слишком умным для того, чтобы полагать, что столь небольшое дело может дать большие результаты. Он подчеркнул важность поставки судов по имеющимся обязательствам в качестве ответной меры со стороны Финляндии, и я обещал содействовать этому.

3 июня вручил председателю Президиума Верховного Совета, президенту Советского Союза Калинин у свои отзывные грамоты в его кабинете в Кремле. Разговор был поверхностный, без особого содержания.

На следующий день отправились с женой из Москвы в Стокгольм. На аэродроме нас провожали дипломаты, они вручили моей супруге красивые цветы. От посольства Германии были посол граф фон дер Шуленбург, советник-посланник фон Типпелькирх, советник Хильгер и еще один сотрудник; от посольства Италии посол Россо и советник; от посольства Швеции мой ближайший друг и товарищ в дипломатическом корпусе посланник Ассарссон, военный атташе, подполковник Флудстрём, советник Нюландер и атташе Острём; от посольства Дании временный поверенный в делах, советник Олуф и супруга отсутствующего посланника Болт-Йоргенсена. Посольство Норвегии по указанию советского правительства было закрыто. Присутствовали также шеф протокола НКВД Барков и сотрудники нашего посольства – временный поверенный в делах, советник-посланник Хюнинен, военный

атташе, полковник Люютинен и советник Ньюкопп. В самолете с нами были верные представители государственной полиции до последней промежуточной посадки в Риге, где мы с супругой на прощанье помахали им рукой.

Так закончилась моя дипломатическая деятельность.

Не могу отрицать, что время в Москве было интересным. Если бы моя работа не была такой тяжелой, то пребывание в древней «святой Москве» стоило бы того. Я вблизи наблюдал за настоящей, реальной политикой великого государства и с особым интересом следил за политикой великого Советского Союза в отношении его ближних малых государств, в частности Финляндии, причем в самое активное политическое время. Все это вызывало разные мысли. И мысли, и вопросы вызывал сам Советский Союз. Что же на самом деле происходит в этой гигантской стране, в этой таинственной для нас, западных людей, части света, описания которой были крайне поверхностны и не давали представления, что же происходит там, в глубине? Насколько удался этот социально-экономический эксперимент? У меня на рассмотрении постоянно было много дел, включая трудные. Все это требовало времени и моего внимания, а также определяло ход мыслей. К тому же я был слишком недолго в Москве, чтобы глубоко познакомиться с государственной, народной и общественной жизнью в Советском Союзе.

Задержались в Стокгольме на несколько дней, чтобы повстречаться со знакомыми, а затем 12 июня самолетом отправились в Хельсинки. В Турку сказал газетчикам, что считаю свою миссию в Москве выполненной и поэтому возвращаюсь домой.

Я выехал из Москвы почти в самый последний момент. До войны между Германией и Советским Союзом оставалось 18 дней. 22 июня Германия напала на СССР. Финляндия также оказалась в этой войне. Подобный ход событий всего лишь через 15 месяцев после тяжелого московского мира можно объяснить только царившим у нас непоколебимым убеждением, что Германия со своей могучей военной силой разорвет Россию на клочки, да еще в самое короткое время. В соответствии с моей точкой зрения, которую я изложил выше о политике Финляндии, об ее отношениях с Советским Союзом, о военных возможностях Советского Союза и вообще о предполагаемом ходе событий, Финляндии следовало

держаться подальше от войны и попробовать исправить самые тяжелые статьи Московского мира без войны. Нападение Германии, которое Гитлер предпринял независимо от наших действий, было бы нам на пользу только в том случае, если бы мы сами не вмешались в войну. Могут спросить, а была бы такая политика возможна? Главной трудностью при этом было бы общественное мнение в Финляндии, насквозь пронизанное глубоким недоверием к Советскому Союзу. Однако полностью исключать возможность такой политики нельзя. Среди социал-демократов она наверняка получила бы поддержку. 20 июня 1941 года в заявлении центральных организаций трудящихся говорилось: «Трудящиеся считают важным, чтобы наша страна оставалась в стороне от любой конъюнктурной политики и стремилась соблюдать проводившийся до сих пор нейтралитет». 16 июня после беседы с председателем парламента Хаккила сделал следующую запись в дневнике; «Хаккила считает, что мы должны держаться в стороне от войны» (впоследствии Хаккила стал сторонником участия в войне).

Какими возможностями для достижения минимально приемлемого результата располагала другая сторона, Советский Союз, конечно, сказать трудно. Отметим, однако, что тогдашний заместитель госсекретаря США Самнер Уэллс сообщил 18 августа 1941 года финскому посланнику Прокопе, что, по имеющейся у него информации, советская Россия готова к переговорам о мире на основе территориальных уступок Финляндии и изменения линии границы. У нас призывали не переоценивать эту информацию, поступившую почти через два месяца после начала войны, в силу ее неопределенности. Что послужило для этой информации отправной точкой, мне неизвестно, но все-таки кажется, что было что-то существенное. При этом следует помнить, что весной советское правительство проявляло стремление к проведению более дружественной политики в отношении Финляндии, о чем я выше рассказывал. Когда в ходе переговоров в Москве в марте 1944 года министр Энкель и я говорили о важности изменения границ, установленных по Московскому миру, Молотов ответил: «Если бы не было войны, об изменении границ могла бы зайти речь, но после войны это невозможно». Конечно, этому заявлению, сделанному в новых условиях через три года после начала войны, не следует

придавать решающего значения, но в любом случае летом 1941 года, как кажется, у нас были возможности не только для политики войны.

Конечно, было бы трудно сымпровизировать новую политику в последний момент. Надо было гораздо раньше, зимой 1941 года или даже осенью 1940 года, вести политику так, чтобы иметь возможность остаться вне войны. По мере продолжения войны трудности, конечно, появились бы со стороны Германии. Швеции удалось уклониться от участия в войне, хотя она и предоставила германским войскам право прохода. Но Германия захватила северную Норвегию, и существовала опасность, что военные действия распространятся на северные районы Финляндии. Но какие бы трудности ни грозили нам, с точки зрения будущего нашей страны, даже при угрозе конфликта, было бы более разумно до последнего следовать политике нейтралитета и даже, если бы это было необходимо, защищать его, чем идти на авантюру с неизвестным исходом. По крайней мере, нам не следовало с началом войны переходить старые границы.

Считаю, что, учитывая положение Финляндии, наша страна должна оставаться в стороне от враждебной России или направленной против нее политики. И прежде всего: малому государству никогда не следует забывать, что сначала необходимо использовать все дипломатические средства, прежде чем допускать военное решение.

Поведение Финляндии весной 1941 года можно объяснить и даже понять. Но это вряд ли опровергнет тот факт, что тогда мы вновь совершили роковую политическую ошибку.